

Сергей Труфанов

Классическое учение Вильгельма Гегеля о человеке:

о теле, душе, сознании, самосознании,
разуме, интеллекте, воле, свободе.

Издатель: **LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & CO. KG**
Dudweiler Landstr. 99, 66123 Saarbrücken, Germany.

ISBN: 978-3-8433-1844-0

Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог. С подробными библиографическими данными можно ознакомиться на сайте <http://dnb.d-nb.de>

АВТОРСКОЕ ПРАВО @ 2011 принадлежит автору и LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & CO. KG и лицензиарам.
Все права защищены.

Saarbrücken, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
ТЕЛО	13
Строение организма	15
Процесс ассимиляции	22
Родовой процесс	35
ДУША	41
Природные качества	45
Природные качества как таковые	46
Естественные состояния	53
Ощущение	60
Чувство самого себя	67
Предчувствие самого себя	68
Становление чувства самого себя	81
Утверждение чувства самого себя	91
Внешний облик	97
СОЗНАНИЕ	101
Сознание как таковое	105
Чувствующее сознание	105
Воспринимающее сознание	106
Рассуждающее сознание	107
Самосознание	111
Единичное воделеющее самосознание	113
Совместное неравное самосознание	118
Всеобщее свободное равное самосознание.....	146
Разум	151

ДУХ.....	153
Интеллект	155
Созерцание	155
Представление.....	157
Мышление	174
Воля	183
Практическое чувство	185
Влечение и произвол	188
Счастье.....	190
Свобода	193
<i>Послесловие.....</i>	195
<i>Авторы стихов.....</i>	197

Предисловие

Учение Гегеля о человеке является классическим не только потому, что в нём в последовательном взаимосвязанном порядке рассматриваются все особенные формы человеческого духа: душа, сознание, самосознание, разум, интеллект, воля, свобода, но и по той причине, что разработано оно было в рамках его "Энциклопедии философских наук". А это произведение Гегеля занимает особое место в истории интеллектуального развития человечества. И вот почему.

В период Средневековья христианский догмат о сотворении всего сущего единым Богом развернул мировоззрение людей на 180°. Мир стал восприниматься ими как единое целое, а все его части и единичные образования – принадлежащими его целостности и подчиненными ей. Если сознание древнего *языческого* человека ещё "плясало" от окружающих его единичных предметов, то сознание нового *монотеистического* человека уже стояло на точке зрения единства мира и исходило из неё как из единственно данной.

Этот же догмат о сотворении мира единым Богом побуждал человека Нового времени не только пассивно созерцать мир, но и активно познавать его. Логика проста: коль скоро мир создан по слову Божьему, то, следовательно, изучая его (мир), мы будем познавать замыслы Бога в их внешнем воплощении. Такая установка давала исследователям того времени моральное право на служение наукам.

Успешное развитие частных наук в эпоху Просвещения вело к тому, что в сознании человека стало формироваться противоречие между сферой его образного *представления* и сферой его *мышления*. Утвердившаяся в представлении монотеистическая картина мира, показывающая его как единое целое, требовала такого же отношения к нему и со стороны мышления. Но мышление, обретшее свою свободу в частных науках, продуцировало материал противоположного свойства. Оно наполняло себя *разрозненными* понятиями, которые объясняли мир лишь по частям и фрагментам. И чем больше развивались науки, чем богаче становился арсенал эксплуатируемых ими понятий, тем острее делалось это противоречие.

Преодолеть его можно было только за счёт внесения корректив в мышление человека. Для этого, в свою очередь, требовалось привести принцип формирования научного знания в согласие с принципом монотеистических религий. Если догмат о сотворении всего сущего Богом требует мыслить мир как единый организм, то подобным же образом его должны были показывать и развивающиеся науки.

Для решения этой задачи существовал один путь: сведение всех уже выработанных и эксплуатируемых мышлением научных понятий в единую всеобщую систему, которая должна была показывать мир как единое целое. К началу XIX века развитие наук достигло как раз такого уровня, когда данную работу уже не только пора было начинать делать, но ещё и можно было сделать. В большинстве наук к тому времени уже сформировался аппарат основных несущих их конструкцию понятий. При этом само строение этих наук ещё оставалось прозрачным и не было загромождено всем тем прикладным содержанием, которое пришло в них позднее.

Другим не менее благоприятным для создания всеобщей системы понятий условием являлось то, что в тот период истории ещё не существовало таких помех для творчества учёных, которые в обилии имеются сегодня. Не было ни радио, ни телевидения, ни телефонов, ни достающей повсюду рекламы, с утра и до вечера извергающих потоки малозначительной информации и просто звукового мусора. В современном мире мышлению человека уже некогда заниматься собой, работать со своим собственным содержанием, оно постоянно отвлечено на восприятие внешней информации.

А в те времена по утрам ещё кричали петухи, днём слышался цокот подков, в известные часы били колокола. Вечерами люди занимались рукоделием,

чтением книг, беседовали. В ту пору человек, посвятивший себя служению науке, мог с юных лет и до конца своих дней мыслить широко, глубоко и размеренно. Именно тогда, при тех параметрах жизни можно и нужно было начинать выстраивать всеобщую систему понятий. В более зрелом возрасте – а за последующие два столетия человечество взрослело не по дням, а по часам – проделать такую работу никому бы уже не удалось. В условиях начавшегося с середины XIX века лавинообразного роста знаний эта задача очень скоро стала превосходить возможности человеческого разума.

Сама работа по созданию всеобщей системы понятий была осуществлена в три этапа.

На первом этапе был реализован *алфавитный* принцип систематизации. Ещё в XV-XVI вв. в различных ремёслах и искусствах стали появляться наставления, которые приобретали форму словарей. В самом конце XVII в. вышел "Исторический и критический словарь" П. Бейля, в котором статьи располагались в алфавитном порядке. Чуть позже в Англии появилась "Энциклопедия, или Всеобщий словарь ремесел и наук" Э. Чэмберса. По его примеру во Франции во второй половине XVIII в. под руководством Д. Дидро и Ж. Даламбера была создана "Энциклопедия, или Систематический словарь наук, искусств и ремесел". В предисловии к ней говорилось: "Цель Э. – объединить знания, рассеянные по поверхности земной, изложить их в общей системе для людей, с которыми мы живем, и передать их людям, которые придут за нами".

Алфавитный принцип позволяет собрать в одной книге неограниченное число понятий, что можно рассматривать как его достоинство. Однако предлагаемый им порядок систематизации имеет чисто внешний, формальный характер и сам по себе никак не способствует появлению в головах людей целостной научной картины мира.

На втором этапе немецкий философ Христиан Вольф предложил иной принцип всеобщей систематизации понятий – в порядке их внутренней связи, где каждое понятие должно определяться предыдущим и предполагать следующее. Если алфавитные энциклопедии представляли собой агрегат знаний, то Вольф намеревался построить систему, подобную живому организму.

Однако на деле ему удалось воплотить свои грандиозные планы лишь частично. Более или менее успешно он реализовал только *отраслевой* принцип распределения понятий (по отраслям знаний). С этой целью он выделил и описал несколько десятков наук. Но в рамках каждой такой науки он действовал отнюдь не заявленным им "строго доказательным дедуктивным методом", а его полной противоположностью – методом философской эклектики. Это значит, что очертания наук не имели у него чётких границ. Преемственная связь между ними отсутствовала. Понятия распределялись произвольно, а их содержание излагалось догматическим способом, допускающим любые разрывы и перескоки мысли.

На третьем этапе был разработан и реализован принцип всеобщей систематизации понятий в порядке *логической преемственности их смысла*. Сделать это удалось представителям немецкой классической школы философии: Канту, Фихте, Шеллингу и Гегелю. Мы не будем рассматривать здесь персональные заслуги каждого из этой великой четвёрки. Скажем только, что отправной точкой стало критическое отношение всех четверых к вольфовской системе наук. Сам же принцип *логической преемственности понятий* был сформулирован Иоганном Готлибом Фихте, а реализован Вильгельмом Гегелем.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель родился 27 августа 1770 г. в Германии, в г. Штутгарте. Окончил богословский факультет Тюбингенского университета. Работал домашним учителем во Франкфурте, затем – директором гимназии в Нюрнберге. С 1816 г. в течение двух лет занимал должность профессора философии в Гейдельбергском университете, а последующие 13 лет заведовал кафедрой философии в Берлинском университете. Последние годы жизни избирался ректором университета. Умер скоропостижно 14 ноября 1831 г. Похоронен в Берлине.

Для того чтобы выстроить систему понятий по принципу логической преемственности их смысла, Гегелю потребовалось изучить и переосмыслить все науки своего времени. В результате ему пришлось проделать беспрецедентную по масштабам работу мысли, которая воплотилась в 17 томах его научной системы. Им были написаны и изданы следующие работы:

1807 г. – "**Феноменология духа**",

1812-1816 гг. – "**Наука логики**" (большая логика),

1817 г. – "**Энциклопедия философских наук**", включающая в себя:

- "**Науку логики**" (малую логику),

- "**Философию природы**",

- "**Философию духа**".

1821 г. – "**Философия права**".

Кроме того, в ходе преподавательской деятельности им был прочитан ряд лекционных курсов, изданных учениками после его смерти:

- "**Лекции по эстетике**",

- "**Лекции по философии религии**",

- "**Лекции по философии всемирной истории**",

- "**Лекции по истории философии**".

Главным или, как принято теперь говорить, *системообразующим* произведением Гегеля является его трёхтомная "**Энциклопедия философских наук**". В ней он в *краткой, тезисной* форме выстроил в единый логически последовательный ряд все те понятия и определения, посредством которых мы осмысливаем мир и передаём друг другу информацию. Из "**Энциклопедии**" вытекают и к ней сводятся все другие произведения Гегеля, в которых более подробным образом излагаются её отдельные разделы. Исключение составляет только "**Феноменология духа**", которая представляет собой первоначальный вариант построения его научной системы. От него он впоследствии отказался в пользу того варианта, который был реализован им в "**Энциклопедии философских наук**".

В своей "**Энциклопедии**" Гегель разделил все арсеналы эксплуатируемых человечеством определений (понятий) на три группы. Первую группу составили определения *чистого понятия*. Вторую – определения *природы*. Третью – определения *человечества*. Затем он систематизировал каждую группу определений по отдельности. В первом томе – "**Науке логики**" – выстроил понятие *чистого понятия*. Во втором томе – "**Философии природы**" – понятие *природы*. В третьем томе – "**Философии духа**" – понятие *человечества*.

Наибольшую сложность для осмысления составляет его "**Наука логика**", в которой он выстроил понятие чистого понятия. *Чистое понятие*, или *понятие в*

чистом виде, – это то общее, что присуще понятиям всех предметов. Если каждый конкретный предмет имеет своё собственное понятие, то, следовательно, у всех у них (у их понятий) должно быть что-то общее. Вот это общее и есть то, что Гегель назвал *понятием как таковым*, или *чистым понятием*.

Любой предмет представляет собой некую *целостность*, которая состоит из *частей*, а части – из *элементов*. Соответственно, чтобы понять предмет (получить его понятие) надо сначала выявить в нём все его части и элементы, а затем связать их мысленно воедино, чтобы получилось понимание целого.

На языке *чистого понятия* целое называется *всеобщностью*, части – *особенностью*, а элементы – *единичностью*. Однако для того чтобы получить возможность использовать в своих умозаключениях эти определения, необходимо, как мы уже сказали, прежде выявить в самом предмете все его реальные части и элементы. Но ещё раньше нам потребуется обнаружить сам предмет и отделить его от остального мира. Соответственно, вся процедура постижения понятия любого предмета включает в себя три этапа. На первом мы только *обнаруживаем* сам факт бытия интересующих нас предметов. На втором – *выявляем* их внутреннее строение и внешние связи. На третьем – мысленно *постигаем* их понятие как таковое. Отсюда три части "Науки логики" Гегеля: "Учение о бытии", "Учение о сущности", "Учение о понятии".

Каждому этапу постижения *чистого понятия* соответствует свой круг используемых мышлением определений, которые называются *категориями*. Категория означает то конкретное, что мы высказываем о предметном мире, что мы утверждаем в отношении него. Таковыми являются *всеобщие признаки*, которыми обладают все окружающие нас предметы. Все они имеют *количественные* и *качественные* параметры, *форму* и *содержание*, *причину* и *следствие*, *единичное*, *особенное* и *всеобщее* значение и т.д. Вот эти определения и были систематизированы Гегелем в "Науке логики", благодаря чему он выстроил в ней понятие *чистого понятия*.

Пустого, беспредметного мышления не бывает. Оно всегда направлено на постижение понятия того или иного предмета. А это значит, что наука о *чистом понятии* и наука о *мышлении* – логика – представляют собой одну и ту же науку.

Отделив определения чистого понятия от определений природы и человечества, Гегель в итоге сумел сделать то, что прежде не удавалось никому, – навёл действительный порядок в арсеналах человеческого разума и

установил ведомственную принадлежность всех понятий без исключения. Поскольку все понятия были расставлены по своим местам, то каждое из них раскрылось во всём богатстве своего содержания.

Тем самым Гегель решил главную задачу своего времени – привел принцип деятельности мышления людей в соответствие с принципом религиозной картины мира. В окончательном варианте разработанная им система понятий приобрела следующий вид.

I. ЧИСТОЕ ПОНЯТИЕ

1. Бытие
2. Сущность
3. Понятие как таковое

II. ПРИРОДА

4. Небесная механика
5. Планета
6. Биосфера

III. ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

7. Человек
8. Общество
9. Знание

С исторической точки зрения появление "Энциклопедии философских наук" представляло собой закономерное возрастное событие в жизни всего человечества – акт его *вхождения в свой ум*. Достигается такое вхождение путём наведения порядка в том массиве многообразных знаний о мире, которые уже накоплены им (человечеством) и составляют имманентное содержание его духа. А сама процедура наведения такого порядка предстаёт как специальная наука, основы которой и были разработаны Гегелем в его "Энциклопедии".

Иначе говоря, не только каждому молодому человеку требуется по достижении определённого возраста начинать разбираться в мире и в самом себе, что достигается только посредством собственного ума и в его пространстве, но и всему человечеству тоже. Вот эта работа по введению человечества в ум была начата Вильгельмом Гегелем в его "Энциклопедии философских наук". Продолжить её – задача современной философии.

В результате такого "вхождения в ум" и наведения в нём порядка человечество получает следующее.

1. Первый набросок единой *картины мира*, написанной уже не посредством библейских образов, а посредством логики научных понятий.

2. В рамках этой картины все частные науки получают своё определённое место, что позволяет каждой из них обрести свой внутренний *остов* – последовательно развивающийся ряд несущих её конструкцию понятий. Для

частных наук в их нынешнем состоянии это далеко не лишнее приобретение. Достаточно полистать учебники, чтобы убедиться в том, что эти науки представляют собой сегодня довольно архаичные образования, состоящие в основном из разнообразных сведений прикладного характера. Но прикладные исследования и рациональный строй наук – это две разные вещи. Первые продиктованы потребностями практики, тогда как рациональный строй наук принадлежит единой научной картине мира и определяется ею.

3. "Энциклопедия философских наук" раскрывает в чистом виде архитектуру человеческого ума, лежащую в его основе *матрицу* понятий. В этом значении она представляет собой новый образовательный предмет – *науку о разуме*, о той самой "гармошке в голове", которую необходимо иметь каждому человеку. В условиях современного информационного коллапса необходимость появления такой науки уже очевидна. Все другие науки только загружают в сознание человека различные "объёмы" знаний, но ни одна из них не нацелена на наведение порядка в нём самом.

4. Происходящий на наших глазах процесс интеграции человечества в единое мировое сообщество порождает потребность в появлении некоей всеобщей духовной основы, способной объединять сознание всех людей планеты. Для каждого народа такой основой является его национальный *язык*. Для определённой группы народов – исповедуемая ими *религия*. А для всего человечества таким знаменателем является та данность, что все люди *разумны*. Поскольку именно гегелевская философия раскрывает понятие разума, то только она способна выступать в качестве такого всеобщего *духовного знаменателя*.

5. "Энциклопедия философских наук" Гегеля представляет собой первое и единственное на планете произведение, в котором описывается *дерево понятий* нашего естественного человеческого разума, или, если хотите, дерево действующих в нашем мышлении "гиперссылок". Уже только по этой причине к его наследию следовало бы отнести сегодня с предельным вниманием. Прежде чем создавать искусственный аналог разума, необходимо выяснить, что он представляет собой в своём естественном состоянии.

Вот то далеко не полное значение, которое "Энциклопедия философских наук" имеет для современного мира.

К сожалению, все произведения Гегеля оказались написаны невероятно трудным языком. Объясняется это тремя причинами. Во-первых, их новаторским содержанием, которое, как и всё новое вообще, не сразу находит свою оптимальную форму. Во-вторых, в то историческое время учёным приходилось создавать свои труды обычным пером при свечах, поэтому многократно переписывать их в целях нахождения более удобных для читателя формулировок было делом весьма обременительным и затратным по времени. В-третьих, в ту эпоху ещё не обо всех вещах можно было говорить и писать открытым текстом. Большинство из раскрытых Гегелем понятий нельзя было делать достоянием общества. Если бы их смысл стал доступен его современникам, то сам он подвергся бы жесточайшим преследованиям как со стороны церкви, так и со стороны государства. По этой причине ему сознательно приходилось излагать свои мысли таким нарочито сложным, малопонятным языком, который позволял улавливать их суть лишь частично и по разрозненным фрагментам. Он почти нигде не использовал никаких примеров, а если и приводил их, то либо из далёкого прошлого, либо из отдалённых областей знания.

За прошедшие после смерти Гегеля 180 лет его произведения были переведены на все европейские языки и неоднократно переиздавались. Через знакомство с ними прошло не менее 10 поколений читателей. Однако главные вопросы: **что** он сделал, **зачем**, с какой **целью** – так и оставались без ответа.

"Великий человек обрекает других на то, чтобы они его объясняли" – эта фраза принадлежит самому Гегелю. И в ней нет отзвуков величия, а есть лишь горечь сожаления. Осудив себя на тяжкий труд, великие люди заранее просят снисхождения у своих потомков. Они надеются, что следующие поколения выполнят за них ту работу, которую сами они уже не смогут сделать.

Объяснить великого учёного – значит, суметь переложить его труды с его собственного языка (языка производителя) на язык простого читателя (язык потребителя). Если объективно необходимый товар не пользуется у потребителя спросом, значит, виноват не потребитель, а товар, значит, товар ещё не готов к потреблению и требует дополнительного этапа *обработки*.

Цель нашей книги состоит как раз в том, чтобы изложить содержание учения Гегеля о человеке доступным для читателя языком. (Предыдущий опыт показывает, что эта цель вполне достижима. Изданная мною в 1999 г. монография ""Наука логики" Гегеля в доступном изложении" успешно

разошлась и получила хорошие отзывы.) Предлагаемая здесь форма изложения представляет собой некое подобие реферата – свободный пересказ содержания данного учения Гегеля в том виде, как я его понимаю. Точно так же, по сути, пишутся и все другие книги по истории философии, с той лишь разницей, что в них разъясняются только основные положения отдельных учений различных философов. А в отношении научной системы Гегеля мы должны исходить из того, что все её положения являются *основными*.

Учение Гегеля о человеке имеет три варианта. Это не три различных учения, а именно три варианта изложения одного и того же учения.

Первый содержится в "Феноменологии духа". В этой работе даётся самое подробное изложение понятий *сознания* и *самосознания* человека. Однако написаны эти разделы невероятно трудным, "зашифрованным" языком.

Второй – в "Философской пропедевтике", курсе, который Гегель читал в старших классах гимназии. Как отдельное произведение он особой ценности для нас не представляет и годится лишь в качестве дополнения к двум другим.

Последний вариант представлен в третьем томе "Энциклопедии философских наук" в разделе "Субъективный дух". Он является самым полным и включает в себя учения о всех формах человеческого духа: о душе, сознании, самосознании, разуме, интеллекте, воле, свободе. В предлагаемой читателю работе мы будем основываться главным образом на этом варианте.

Однако, поскольку дух не существует без тела, постольку в начале нашей книги мы рассмотрим учение Гегеля о теле человека. Оно было разработано им во втором томе его "Энциклопедии" – "Философии природы".

Все приведённые здесь примеры принадлежат непосредственно мне. Насколько правильно они передают гегелевский ход мысли, судить Вам. Сравнивайте с оригиналом, вся нумерация параграфов для этого сохранена.

Было бы хорошо, если бы читатель позабыл на это время всё то, что ему прежде приходилось слышать о философии Гегеля: все те звонкие ярлыки, бездумные обвинения и абсурдные приговоры. Вся эта мишура предубеждения нам здесь будет только мешать. Лучше мы доверимся непосредственно текстам его работ и собственной способности мыслить.

г. Самара. 10 апреля 2011 г.

ТЕЛО

Как биологическое существо человек относится к роду *homo*, виду *sapiens*, отряду приматов, классу млекопитающих, царству животных. В единстве с представителями четырёх других царств живых организмов – бактериями, вирусами, растениями и грибами – животные образуют биосферу – сферу жизни на Земле.

Согласно современным данным биосфера представляет собой единый всепланетный организм, который осуществляет "непрерывный биогенный ток атомов" из неживой материи в живую и из неё – обратно в неживую материю. Энергетическим источником этого "тока атомов" является солнечный свет и внутренняя энергия планеты. Но генерируется он только самой биосферой.

Каждое из пяти царств живых организмов выполняет в системе биосферы свою определённую функцию. *Бактерии* являются пионерами жизни. Они извлекают девственное неорганическое вещество и синтезируют из него первичные органические соединения. *Вирусы* выполняют противоположную функцию. Они проникают в клетки бактерий и разрушают их. Тем самым они обеспечивают формирование биогенного субстрата (почвы), состоящего из первичных органических соединений. На этом субстрате произрастают *растения*. Их биосферная функция состоит в том, что они производят основную массу живого вещества. Вес растительной органики составляет более 99% веса всей биомассы планеты. *Грибы* разлагают отмирающую органику до первичных органических соединений и тем самым замыкают процесс "биогенного тока атомов". Наконец, *животные* выполняют в биосфере функцию поддержания происходящих в ней процессов в состоянии динамического равновесия.

Вес животных незначителен, но их разнообразие достигает 1,5 млрд видов. Из этого количества только 4% приходится на позвоночных и 0,4% – на млекопитающих, к числу которых относится и человек. Животные без устали отлаживают механизм биосферы. Потребляя растительную органику, они стабилизируют производство её массы. Широко рассеивая отходы своего

пищеварения, предотвращают перепроизводство растительной органики в местах её произрастания. Более 80% цветковых растений не могут опыляться без помощи насекомых. Животные транспортируют "чужое" репродуктивное вещество – споры, семена, личинки, чем обеспечивают распространение различных видов по всей доступной для проживания территории. Свойство некоторых морских животных концентрировать в своём наружном скелете определённые химические элементы обуславливает их незаменимую роль в деле стабилизации уровня содержания солей в водах озёр, рек, морей и океанов. Если другие четыре царства биосферы либо создают, либо разрушают живое вещество, то животные призваны поддерживать этот процесс в состоянии динамического равновесия.

Биосферная функция животных обусловила появление у них отличительной способности к активному перемещению по территории планеты, что, в свою очередь, предопределило особенности строения их организма. Животные имеют автономное, компактное, предназначенное для активного передвижения тело.

Данное понимание биосферы, как и сам этот термин, появилось только в XX столетии. А в те времена, когда жил и творил Гегель, его ещё не было. Из пяти царств живых организмов были известны только два: растения и животные. Грибы, как правило, относили к растениям. О существовании бактерий и вирусов тогда даже не подозревали.

В силу недостаточного уровня развития знаний о живой природе Гегель не имел возможности подойти к исследованию образа животного организма, отталкиваясь от понятия биосферы. Он вынужден был довольствоваться только методом сравнения животных с растениями. Но даже такой ограниченный подход позволил ему определить главную отличительную особенность животных – активный подвижный образ их жизни. Если образ растения формируется исходя из принципа его непосредственной слитности с питающими его стихиями (солнечным светом, воздухом и почвой), то образ животного формируется на основе обратного принципа – его свободного отношения к потребляемому субстрату.

Отталкиваясь от этой особенности, Гегель построил своё учение о животном организме, относя к нему и организм человека.

После таких предварительных замечаний мы переходим непосредственно к изложению сути данного учения.

§ 352. Последовательность рассмотрения животного организма:

- *Строение организма.*
- *Процесс ассимиляции* им окружающей среды.
- *Родовой процесс.*

Строение организма

§ 353. Активный, подвижный образ жизни животных обусловил наличие у их организмов следующих трёх *функций*.

1. Непосредственное *единство* животных со средой обитания даёт им функцию *чувствительности*. Органы чувств животных постоянно нацелены на восприятие изменяющейся вокруг них обстановки.

2. Противоположность животных внешнему миру – функцию *возбудимости*. Если *чувствительность* касается всех предметов окружающего мира вообще, то *возбудимость* относится только к тем предметам, которые являются для данного вида животных *своими* и в отношении которых они предпринимают активные действия. Например, пчела летит к цветочной пыльце, лиса устремляется в погоню за зайцем и т.д.

3. Содержательное единство животных с внешним миром даёт им функцию *воспроизводства*. Потребляя предметы окружающей природы, животные воспроизводят себя в своей *единичности*, а через соединение с особью противоположного пола воспроизводят свой *род*.

Из трёх перечисленных функций основополагающей является *воспроизводство*. Обе другие – *чувствительность* и *возбудимость* – развивались в дополнение к ней.

Данные функции выражают триединство определений понятия *животных*: всеобщее – особенное – единичное.

а) *Чувствительность* есть *всеобщее* определение животных. Все особи непрерывно чувственно ощущают окружающую их природу и всё происходящее в ней.

б) *Возбудимость* есть та же самая чувствительность, только специализированная по составу внешних раздражителей и проявляющаяся не в пассивной, а в активной форме. Она поэтому выражает собой *особенность* различных видов животных. Каждый вид имеет в окружающей природе свои собственные раздражители, в отношении которых он возбуждается и предпринимает активные действия. Кошка возбуждается на мышку, щука – на пескаря, верблюды – на колючки и т.д.

в) *Воспроизведение* есть *единичная* определённая животными. Жизнь каждого животного – это беспрестанный процесс воспроизводства им самого себя как в своей единичности (пищеварение), так и в своей родовой всеобщности (деторождение).

§ 354. Данные функции обуславливают наличие в организмах животных трёх соответствующих им систем:

- чувствительность – *нервной* системы,
- возбуждение – *кровеносной* системы,
- воспроизводство – *пищеварительной* системы.

Каждая из этих систем, в свою очередь, также подразделяется в самой себе на три подсистемы, соответствующие данным функциям.

1. Нервная система

Нервная система включает в себя три подсистемы.

а) Как *чувствительность* она выражена *костной* системой организма, которая представляет собой переход нервных волокон в свою противоположность – в бесчувственность кости. Переход, но не перейдённость! Костный остов живого тела подвержен всем протекающим в нём процессам. (Скелетом он становится только у умерших особей.)

б) Как *возбудимость* нервная система представлена спинным и головным *мозгом* в их единстве с *соматической* нервной системой, посредством которой осуществляется активная связь организма с внешним миром. Соматическая нервная система включает в себя *ощущающие рецепторы* внешних органов

чувств и *двигательные эффекторы*, расположенные в мышцах тела. Импульсы, идущие от внешних органов чувств, возбуждают мозг, который реагирует на них тем образом, что посылает сигналы к двигательным эффекторам, приводящим в действие соответствующие группы мышц.

в) Как *воспроизведение* она представлена **вегетативной** нервной системой, которая управляет "внутренним хозяйством" тела: обменом веществ, кровообращением, дыханием, пищеварением, выделением и размножением. Вегетативная нервная система в значительной степени автономна по отношению к мозгу животных. Во время сна, например, жизнь всего организма находится под её контролем.

2. Кровеносная система

Кровеносная система подразделяется на следующие три подсистемы.

а) Как *чувствительность* она выражает собой переход *рецептивности* организма в его *реактивность*, что осуществляется посредством **мышечной системы** животных. Мышцы тела опираются на костный остов и подчиняются двигательным эффекторам соматической нервной системы. Мышечная система включает в себя противоположность сгибающих и разгибающих мышц, за счёт которых животные перемещаются по территории обитания, захватывают средства пропитания и обороняются.

б) Как *возбуждение* кровеносная система представлена двумя **внешне направленными кругами** кровообращения. Первый круг проходит через лёгкие, второй – через органы пищеварения. В **лёгочном круге** кровь поглощает атмосферный кислород и освобождается от диоксида углерода CO_2 . В **пищеварительном круге** она забирает из стенок кишечника органические соединения и разносит их по клеткам тела. В почках она освобождается от продуктов клеточного процесса.

Что касается **лёгочного круга** кровообращения, то по поводу него вопросов не возникает. Физиологи однозначно выделяют его из общей кровеносной системы, называя при этом **малым кругом** кровообращения. Сложнее обстоит дело с **пищеварительным кругом**, который почему-то остаётся за пределами их внимания. Тот факт, что животные регулярно поглощают атмосферный кислород, не подлежит сомнению. Но они так же регулярно поглощают из окружающей среды и кое-что посущественней – готовую органику. Поэтому

внешне направленная система их кровообращения с необходимостью имеет в себе и второй – *пищеварительный* – круг. (Ниже мы рассмотрим его более подробно.)

в) Как *воспроизведение* кровеносная система представлена в организме животных ***внутренне направленным кругом*** кровообращения. Он включает в себя *сердце*, магистральные *вены* и *артерии*, отходящие от них *сосуды* и *капилляры*, которые пронизывают собой все ткани тела и доходят до каждой клетки. Данный круг кровообращения обеспечивает транспортировку кислорода и питательных веществ ко всем клеткам тела и обратную транспортировку продуктов их обмена к почкам и лёгким.

3. Пищеварительная система

Пищеварительная система включает в себя следующие подсистемы.

а) Как *чувствительность* она представлена ***системой эндокринных желез***, куда входят: гипофиз, шишковидное тело (эпифиз), щитовидная и паращитовидная железы, островковый аппарат поджелудочной железы, надпочечники, яичники, вилочковая железа (тимус). Данные органы являются железами внутренней секреции. Их деятельность через *гипоталамус* непосредственно связана с вегетативной нервной системой. Эндокринные железы регулируют механизм роста и воспроизводства тканей: обмен веществ, восстановление повреждений, иммунные реакции и т.д.

б) Как *возбуждение* она представлена собственно ***пищеварительной системой***, которая включает в себя:

- процесс ***непосредственного пищеварения***, осуществляемый кишечником и лимфатической системой организма;

- процесс ***опосредованного пищеварения***, осуществляемый при участии специализированных *пищеварительных* органов: желудка, поджелудочной железы и печени.

У простейших животных существует только *непосредственное пищеварение*. У высших животных имеется как *непосредственное* пищеварение, так и *опосредованное*.

в) Как собственно *воспроизведение* она представлена ***половой системой*** животных, посредством которой воспроизводится сам субъект жизни – организм животного в целом. Половая система развилась из системы

пищеварения и непосредственно связана с ней. Посредством рождения детёнышей животные продолжают жизнь своего рода.

§ 355. Образ животного в целом. Данные системы организма – *нервная, кровеносная и пищеварительная* – определяют собой внешний образ животных по трём направлениям.

Во-первых, тело животных подразделяется на три внешне различимые части:

- голову,
- грудь,
- брюшко.

Голова является центром чувствительности, **грудь** – возбуждения, **брюшко** – воспроизведения. Особенно наглядно это представлено в облике насекомых. У рыб, птиц и животных голова также заметно обособлена от туловища, тогда как грудь и брюшко разделены невидимой снаружи диафрагмой. (Линия талии, если таковая имеется, несколько не совпадает с линией диафрагмы.)

Каждая из указанных систем, концентрируясь в одной части тела, проходит также через центры других систем. В голове имеются не только мозг, но и кровеносные сосуды и органы пищеварения: железы, рот. Область груди является не только сосредоточием кровеносной системы (сердце, лёгкие), но в ней же находится часть спинного мозга, а также пищевод и органы лимфатической системы. В брюшной полости присутствуют не только органы пищеварения и размножения, но и элементы нервной и кровеносной систем.

Во-вторых, каждая из рассмотренных систем имеет в теле животного как внутреннюю, так и внешнюю сторону своего проявления. Во внешнем облике животных *нервная* система представлена органами чувств: глаза, уши, нос, язык, пальцы. Система *возбуждения* – органами передвижения (плавники, крылья, лапы, ноги), схватывания (клюв, клешни, рот, руки), обороны (рога, бивни, зубы). Система *пищеварения* – органами разжевывания и перемалывания пищи (когти, зубы, язык), фекальным отверстием, а также формообразованиями, содержащими запасы питательных веществ (горбы у верблюдов, курдюки у овец).

Во внешнем облике мы имеем удвоение и симметрию членов и органов. Симметричны органы чувств (глаза, уши, ноздри), стороны лица и тела, двигательные конечности (плавники, крылья, лапы, ноги). Но симметричность

касается преимущественно формы и размеров органов тела, тогда как их функциональные возможности, как правило, неодинаковы. У большинства людей правая рука развита лучше. Есть понятие "толчковой" ноги. Люди редко одинаково хорошо слышат на оба уха или видят на оба глаза или обоняют обеими ноздрями. Стороны лица, глаза, уши также несколько отличаются друг от друга, и т.д.

Во внутреннем устройстве организма мы находим преимущественно единичные органы, не имеющие никакой правильности формы.

В-третьих, каждая особь принадлежит к одному из полов: мужскому или женскому. В силу этого необходимым элементом её внешнего образа являются органы, предназначенные: а) для спаривания и б) для вынашивания и выкармливания потомства.

В основе женских и мужских половых органов лежит один и тот же тип половой системы, поэтому они гомологичны по своему значению (от греч. *homologia* – согласие). Их различие обусловлено тем, что у каждого пола один и тот же орган развит в противоположном направлении. Женской матке в мужской половой системе соответствует предстательная железа, влагалищу – ствол пениса, яичникам – яички и т.д.

Чем более высоко развит вид животных, тем в большей степени половое различие распространяется на весь облик особей. У людей это различие охватывает также духовную сферу, что является природным началом существования двух *натур*: мужской и женской.

Таким образом, организм животных представляет собой целостную неделимую единицу жизни, состоящую из строго определённого ряда систем и органов. Соответственно, целью функционирования всего организма является их согласованная бесперебойная деятельность. При этом сами же органы и системы являются средством достижения этой всеобщей цели организма. Выполняя свои специализированные функции, они воспроизводят жизнь всего организма. Если перестаёт функционировать одна система, то останавливается деятельность остальных.

§ 356. Являясь одновременно и целью деятельности организма, и средством достижения этой цели, все его особенные системы и органы порождают своей согласованной деятельностью некую всеобщую по отношению к ним силу, каковой является *душа* животного. Будучи всеобщим началом организма, душа поддерживает и контролирует деятельность всех его органов и систем. При

этом она не ограничивается пассивным следованием за протекающими процессами. Она проявляет себя по отношению к ним как господствующая над ними сила. Возвышаясь над их физиологической связью, она устанавливает свои собственные связи там, где их нет и, наоборот, прерывает их, где они есть.

Такая деятельность души проявляется в том, что один и тот же член или орган тела делается способным выполнять сразу несколько функций. Например, рот выполняет не только функцию пищеварения, но и участвует в создании звуков. При потере животным слуха или зрения его душа привлекает к выполнению их функций остальные органы чувств. При потере конечностей происходит то же самое. С другой стороны, душа способна изолировать деятельность отдельных членов и органов, хотя физически они продолжают быть связанными. Животное может действовать только одной частью тела, тогда как другие части будут оставаться в покое: конь бьёт копытом, кошка чешет лапой за ухом, один глаз прищурен, одно ухо прикрыто, одной рукой размахиваем при ходьбе, покачиваем головой и т.д.

На протяжении всей своей истории люди пытались определить место пребывания души в теле. В качестве такового назывались голова, сердце, система эндокринных желез. Но такие поиски лишены смысла, поскольку душа находится не в каком-то одном месте, она присутствует во всём теле, в каждом его органе, в каждой его клетке. Весь организм одушевлён. В простейшем варианте душу можно представить в образе *вегетативной* нервной системы организма, которая, как уже было упомянуто, в очень малой степени зависит от мозга. Но поскольку внутренние процессы в организме существенным образом связаны с его внешними проявлениями, с его взаимодействием с окружающей природой, постольку деятельность души связана также и с *соматической* нервной системой и, соответственно, с мозгом. (Подробнее понятие *души* будет рассматриваться в следующем разделе.)

Являясь всеобщим началом организма, душа выступает субъектом суждения о нём. Когда мы говорим о живом существе, то первое определение, которое мы ему даём, – это одушевлённость: "Собака – одушевлённое существо". В других случаях мы говорим о "числе душ", о "пропавших душах" и т.д.

Благодаря всеобщей функции души каждая особь ощущает в самой себе все свои члены и органы: биение сердца, работу желудка, напряжённость конечностей, тяжесть головы и хвоста, чувственные импульсы, поступающие в мозг от внешних органов чувств, и т.д. Всё это многообразие частных

ощущений сливается в особи в одно общее внутреннее чувство, которое называется *чувством самого себя*. Данное чувство является неотъемлемым свойством всех животных, сохраняющимся в них на протяжении всей их жизни. В отличие от нас, людей, животные *не знают* себя извне и не узнают себя в зеркало. Они находят и удерживают самих себя лишь посредством внутреннего *чувства самого себя*.

Чувство самого себя субъективно по своей природе; у каждой особи оно своё. В силу этого оно позволяет животным отделять самих себя от остального мира. То, в пределах чего данная особь себя ощущает, то она и есть. А то, что остаётся за пределами её самоощущения, находится, следовательно, вне неё. Благодаря такому внутреннему чувству животные устанавливают свою противоположность по отношению к внешнему миру. Снимается эта противоположность в процессе *ассимиляции* ими предметов и условий окружающей среды.

Процесс ассимиляции

§ 357. Ассимиляция животными окружающей среды осуществляется в двух формах:

- *идеальной* форме;
- *реальной* форме.

1. Идеальная ассимиляция

§ 357а. **Виды чувств.** Идеальная ассимиляция основана на способности животных иметь ощущения. Процесс ощущения животными внешнего мира распадается на пять видов чувств: *осязания, обоняния, зрения, слуха и вкуса*. Низшие виды животных всё ощущают только через осязание. У высших видов развиты все остальные чувства.

Механические определения предметов – тяжесть, упругость, форма, теплота, воспринимаются посредством чувства *осязания*. Соединение предметов со светом воспринимается посредством чувства *зрения*. Воздействие воздуха на

вещество – посредством чувства *обоняния*. Взаимодействие предметов с водой – посредством чувства *вкуса*. Соударение предметов, порождающее звук, воспринимается посредством чувства *слуха*.

§ 358. Органы чувств. Каждый из указанных видов чувств представлен в организме животных специализированным внешним органом.

Осязание осуществляется посредством *рецепторов кожи*, расположенных по всей поверхности тела. Поскольку чувство осязания первично по своему происхождению, постольку оно способно в определённой степени замещать потерю других видов чувств. Ощущая сотрясение окружающей среды, кожа способна воспринимать звук; при соприкосновении с жидкими веществами – их вкус. Чувство осязания способно воспринимать даже цвета. Слепые люди нередко обладают способностью определять цвета предметов на ощупь. Все другие виды ощущений – *зрение*, *вкус*, *нюх* и *слух* – развились из осязания, а воспринимающие их органы – уши, глаза, нос, язык – являются формообразованиями кожи.

Глаза воспринимают свет и тени, за счёт чего животные созерцают образ предмета. Слуховой орган – *ухо* – воспринимает колебания воздушной среды, порождаемые сотрясением соударяющихся предметов. Чувство *слуха* связано со способностью животных к свободному перемещению по территории обитания. *Нюх* (обоняние) есть восприимчивость слизистой оболочки *носа* к распространяемым через воздух испарениям вещества. Деятельность носа связана с дыханием. *Вкус* есть рецептивность *языка*, специализированного на восприятии химического состава вещества. Данная способность языка связана с главной функцией рта – захватыванием и пережёвыванием пищи.

2. Реальная ассимиляция

§ 359. Из совокупности воспринятых ощущений в мозге животных формируется идеальный образ предмета. Если этот образ является для данного вида животных "своим", т.е. если он уже содержится в их представлении, тогда они предпринимают в отношении данного предмета активные действия. Сами по себе предметы окружающего мира не могут иметь какого-либо значения для животных, если их определённость уже не заложена в них в виде запаха, звучания, образа и т.д.

У каждого вида животных существует свой круг предметов природы, которые представляют собой сферу их *инобытия*. Потребляя их, они воспроизводят своё бытие. У одних видов этот круг широк, у других, наоборот, узок. Ко всем прочим предметам они остаются равнодушными.

§ 360. Тождество (одинаковость) содержания потребности (вожделения) животного и того внешнего предмета, посредством которого она удовлетворяется, есть то, что мы называем *инстинктом*. Совершенно справедлива точка зрения, согласно которой животные, в отличие от человека, не осознают своих целей как таковых, но столь же справедлива и та точка зрения, что животные содержат определённую своих целей в самих себе и преследуют их инстинктивно. *Инстинкт* есть целевая деятельность животных, осуществляемая ими бессознательно.

§ 361. Ощущая в себе недостаток чего-либо (жажда, голод, холод, сырость), животные стремятся восполнить его за счёт средств природы. Процесс *реальной ассимиляции* ими окружающей природы подразделяется на следующие виды:

- *пожирающая;*
- *приспосабливающая.*

В первом случае речь идёт о внутреннем употреблении животными материала окружающей среды, во втором – о её внешнем приспособлении для нужд их организма.

§ 362. Пожирающая ассимиляция, в свою очередь, включает в себя два процесса:

- дыхание,
- питание.

Дыхание. Низшие виды животных обладают только кожным дыханием. Поглощение кислорода и выделение углекислого газа осуществляется у них посредством простой диффузии молекул через поверхность тела.

У высших видов животных также имеется кожное дыхание, но в дополнение к нему у них развит и второй способ, осуществляемый посредством специализированных дыхательных органов. У животных и птиц таким органом являются *лёгкие*, у рыб – *жабры*.

Лёгкие представляют собой нацеленный на взаимодействие с атмосферным воздухом орган. В силу такой специализации существует опасность их бесконтрольного развития в направлении увеличения объёмов осуществляемого ими процесса взаимодействия с воздухом. Подобная перспектива, с одной стороны, противоречит интересам организма в целом, поскольку в этом случае всему организму придётся работать только на лёгкие, а с другой стороны, ведёт к деградации самих лёгких вплоть до низведения их вновь на уровень кожного дыхания. Во избежание такой перспективы деятельность лёгких (жабр) с самого начала их появления в организмах животных поставлена под контроль другого органа – *селезёнки*.

Лёгкие и *селезёнка* представляют собой парные органы, действующие по принципу единства противоположностей. Достигается такое единство тем образом, что в лёгких эритроциты крови соединяются с кислородом, который они разносят по клеткам тела. Селезёнка же разрушает эритроциты и тем самым регулирует уровень их содержания в крови. Поскольку главное назначение эритроцитов – переносить кислород и углекислый газ, постольку, изменяя их концентрацию в крови, селезёнка посредством этого контролирует объём деятельности лёгких. При необходимости она способствует увеличению числа эритроцитов, а при её отсутствии снижает его. За счёт этого селезёнка, с одной стороны, ограничивает возможность лёгких в плане абсолютного увеличения масштабов их деятельности. С другой стороны, при снижении потребности организма в кислороде она помогает лёгким сохранять свои "производственные мощности" под минимальной нагрузкой.

Только единство противоположных функций *лёгких* и *селезёнки* обеспечивает устойчивую работу опосредованного ими же способа дыхания в условиях широкой амплитуды нагрузок, приходящихся на организм животного. У человека, например, объём дыхания колеблется от 8-10 литров в минуту в состоянии покоя до 100 и более литров при интенсивной физической работе.

Через лёгкие в организм человека поступает до 98% объёма кислорода и только 2% приходится на кожное дыхание. Но эти цифры не должны заслонять от нас то обстоятельство, что именно кожное дыхание является первичным. Лёгочное дыхание развилось в дополнение к нему, а не наоборот.

Питание. Процесс питания животных состоит из следующих этапов:

а) вхождение организма в связь с предметом потребления – *механическое завладение*;

б) разложение его вещества до простейших органических соединений и их усвоение – *переваривание пищи*;

в) прекращение связи с предметом и выведение его остатков из организма – *эксреция*: пот, кал, моча.

§ 363. Механическое завладение. Прежде чем завладеть средством потребления, животному необходимо отыскать его в окружающем мире и приблизиться к нему. Это обуславливает наличие у животных органов передвижения: хвостов и плавников, крыльев, лап, ног, и т.п.

В целях непосредственного захвата предмета и направления его в пищеварительную систему на конечностях животных сформировались пальцы, когти, клешни, а в ротовой полости – челюсти, зубы, клюв. С помощью них животные захватывают добычу и направляют её в рот (пасть).

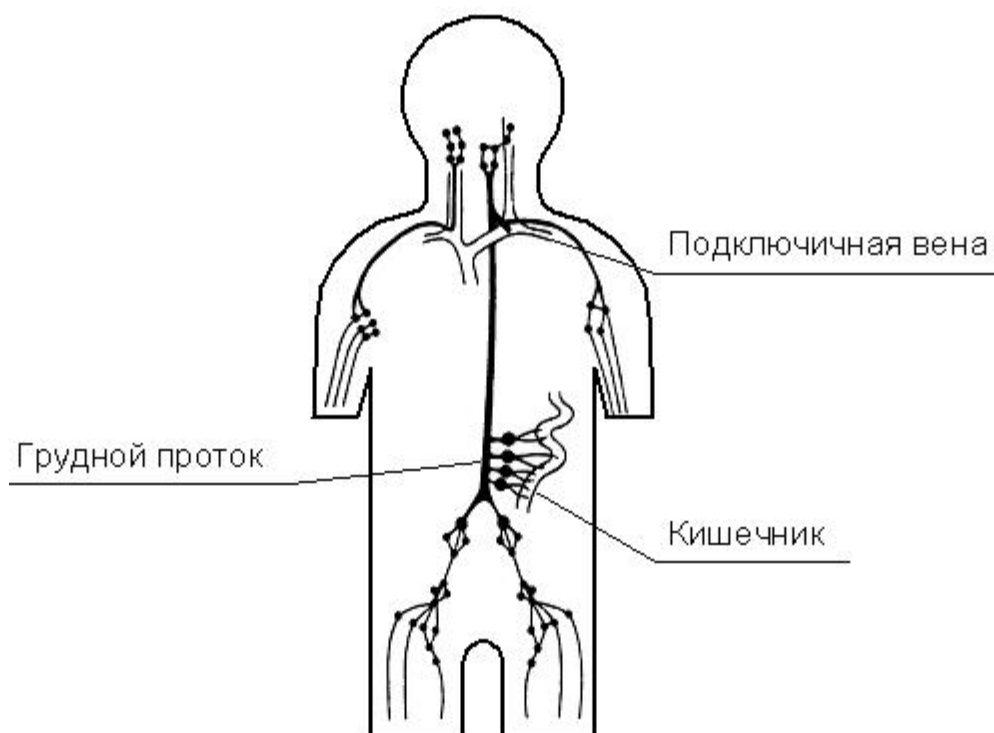
Процедура измельчения предмета во рту имеет ещё механический характер, но его соприкосновение со слюной делает этот процесс уже органическим и полагает начало превращения потребляемого предмета в *пищевой комок*.

Чем бы ни питался тот или иной вид животных – растениями, грибами или плотью животных, – вся эта пищевая масса в ходе переваривания расщепляется до степени простейших органических соединений, в качестве каковых она попадает в кровь и при её посредстве – в клетки тела.

§ 364. Этапы пищеварительного процесса. *Слюна*, вырабатываемая находящимися в ротовой полости железами, растворяет и размягчает пищу. Далее по пищеводу она поступает в желудок, где обрабатывается *желудочным соком*, содержащим около 0,05% соляной кислоты. Желудочный сок окисляет пищу, в процессе чего происходит так называемая кислотная *денатурация* белков. *Панкреатический сок* поджелудочной железы, в котором преобладает щелочное начало, вновь раскисляет пищу. Далее поступающая из печени в область двенадцатиперстной кишки *желчь* обжигает содержащиеся в пище жировые глобулы, чем способствует их расщеплению до жирных кислот. *Кишечный сок*, имеющий также слабощелочное начало, довершает процесс воздействия организма на поступивший в него извне материал – пищу. В результате совокупного действия слюны, желудочного сока, панкреатического сока, желчи и кишечного сока пища разлагается на простейшие органические соединения: *углеводы*, *аминокислоты* и *жиры*, которые всасываются в стенки кишечника.

Судьба попавших в стенки кишечника органических соединений. Из стенок кишечника органические соединения переправляются к клеткам тела двумя путями. Первый – *непосредственный* путь, при котором они из стенок кишечника поступают в сосуды *лимфатической системы*, по ним попадают в большой кровеносный круг и через него разносятся по всему телу. Второй – *опосредованный* путь, при котором они из стенок кишечника попадают в капилляры кровеносной системы, а далее – в *воротную вену* и через неё – в *печень*. В печени они проходят дополнительную обработку, после чего по печёночной вене переправляются в большой круг кровеносной системы и через него разносятся по всему телу. Рассмотрим оба пути продвижения органических соединений подробнее.

Непосредственное пищеварение. У низших видов животных вообще нет органов, вырабатывающих желудочный сок, панкреатический сок или желчь. У них элементы питания всасываются непосредственно через кожу и далее попадают напрямую в лимфу (тканевую жидкость), с которой распространяются по клеткам тела.

Высшим видам животных также присущ такой непосредственный способ пищеварения. Поверхность их пищеварительного тракта – ротовая полость, гортань, пищевод, желудок и кишечник – представляют собой ту же самую кожу, только вывернутую вовнутрь и проходящую полой трубкой через всё

тело. Осуществляемое *стенками кишечника* (внутренней кожей животных) всасывание органических соединений – это и есть начало непосредственного способа пищеварения. Переход органических соединений из стенок кишечника в сосуды лимфатической системы является его продолжением. Вместе с лимфой они по *грудному потоку* доходят до подключичной вены, через которую вливаются в большой круг кровеносной системы и по нему разносятся по клеткам тела.

Выведение продуктов клеточного обмена при таком способе пищеварения осуществляется через пот, выделяемый *внешней кожей* животных. Человек, например, выделяет за день от 0,5 до 12 литров пота, в зависимости от эмоциональной и мышечной нагрузки, а также от температуры окружающей среды. Состоит пот из *воды, солей и мочевины*, которые представляют собой продукты клеточной переработки белков и других органических соединений.

Так осуществляется *непосредственный способ* пищеварения у высших видов животных. В принципе, он у них такой же, как и у низших видов. Но (!) если бы процесс пищеварения осуществлялся только в такой форме, то эволюционное развитие животных остановилось бы где-то на ступени дождевых червей. К счастью для всех нас, этого не произошло, и у многих видов животных дополнительно сформировался ещё и *опосредованный способ* пищеварения.

Опосредованное пищеварение происходит по следующей схеме. Одна часть органических соединений, как мы уже знаем, попадает из стенок кишечника в лимфатическую систему. Другая часть поступает в омывающую стенки кишечника кровь. Эта кровь собирается в *воротную вену*, по которой она вливается в печень. Там она соединяется с кровью, поступившей по печёночной артерии от лёгких. Насыщенная кислородом артериальная кровь начинает активно взаимодействовать с органическими соединениями, содержащимися в крови воротной вены, в результате чего одна их часть *преобразуется* в новые соединения, а другая часть попросту уничтожается.

Углеводы. Лишь небольшая часть поступившей в печень с кровью воротной вены глюкозы (углеводов) сразу же переправляется на питание клеткам тела. По печёночной вене она уходит в большой круг кровеносной системы, по которому разносится по всему телу. Но *большая часть* глюкозы перерабатывается в печени в *гликоген* и в этом виде откладывается в ней про запас. В период между приёмами пищи он (гликоген) вновь преобразуется в глюкозу, которая направляется на питание клеток тела.

Аминокислоты. Иная судьба уготована в печени аминокислотам. Одна их часть сразу же уходит на питание клеток тела. Но из 20 необходимых организму видов аминокислот животные получают из потребляемой ими органики только 10. Остальные 10 они синтезируют сами. Поэтому другая часть поступивших с кровью воротной вены аминокислот подвергается в печени **трансаминированию**. Это значит, что из них создаются все другие необходимые для организма аминокислоты, которые затем по *печёночной вене* направляются в большой круг кровеносной системы и разносятся по всем клеткам.

Третья часть аминокислот подвергается в печени **дезаминированию**. От них отщепляется аминогруппа (NH_2), которая там же преобразуется в мочевины ($\text{H}_2\text{N}\cdot\text{CO}\cdot\text{NH}_2$). Далее эта мочевина по печёночной вене направляется в большой круг кровеносной системы, по которому доходит до почек и при их посредстве попадает в мочевой пузырь, откуда выводится наружу. Оставшаяся в печени без своей аминогруппы часть бывших аминокислот становится углеводом, который преобразуется в гликоген и откладывается там же (в печени) про запас. В цифрах такая *дезаминирующая* деятельность печени выглядит в среднем следующим образом: на 100 граммов потреблённого человеком белка образуется до 30 граммов мочевины.

Жиры. Значительная часть всосавшихся в стенки кишечника жиров поступает в лимфу и направляется непосредственно на питание организма, минуя печень. Но та их часть, которая из стенок кишечника попадает в кровь воротной вены, направляется в печень. Туда же, в печень (через воротную вену), вливается и венозная кровь селезёнки, которая в обилии насыщена соединениями, состоящими из жиров. В печени все эти соединения претерпевают преобразования, после чего одна их часть отправляется по печёночной вене на питание клеток тела, а другая часть выводится из организма в форме вырабатываемой печенью желчи. Желчь – это результат разрушения в печени холестерина и ряда других богатых жирами соединений.

Такова судьба попадающих в печень через воротную вену органических соединений. Если учесть, что для образования такого количества **мочевины** и **желчи** требуется определённая работа всех органов тела (сердца, мышц, лёгких, селезёнки, желудка, поджелудочной железы, кишечника), то возникает вопрос: зачем организму такие затраты? Зачем сначала извлекать из пищи органические соединения, а затем уничтожать их? К чему этот труд?

Ответ на данный вопрос заключается в том, что *опосредованный способ пищеварения*, как и *опосредованный способ дыхания*, также основан на единстве противоположности осуществляющих его органов. Одной стороной этой противоположности являются *желудок, поджелудочная железа и кишечник* вместе взятые. Они нацелены на активное взаимодействие с попавшей в организм пищевой массой и на максимальное изъятие из неё органических соединений. Другой стороной этой противоположности является *печень*, которая выполняет по отношению к ним обратную функцию. Она сдерживает их деятельность, пресекает их излишнюю увлечённость внешним материалом (пищей). Достигает она этого тем образом, что попросту уничтожает то, что они извлекают из пищевой массы.

Растения и грибы не могут достичь подлинной субъективности своего образа, поскольку вся поверхность их тела занята осуществлением пищеварительного процесса. Каждой клеткой своей поверхности они устремлены навстречу питающим их стихиям. В отличие от них, у животных на производство пищеварительного процесса отвлечена лишь некоторая часть поверхности тела. Благодаря этому остальная поверхность освободилась от непосредственной слитности с потребляемым ими органическим субстратом. Взамен такого абсолютного сокращения "производственных площадей" произошло многократное увеличение их эффективности за счёт формирования специализированных пищеварительных органов. Благодаря деятельности желудка, поджелудочной железы и кишечника животные способны интенсивно и глубоко перерабатывать большие объёмы потребляемой ими органики.

Но появление в организме животных специализированных на взаимодействии с внешним материалом органов породило новую опасность. В отсутствие контроля за их деятельностью со стороны организма они способны заставить его работать только на самих себя. Дай им волю, и они принудят его тратить все свои силы только на то, чтобы производить слюну, желудочный, панкреатический и кишечный сок. В результате вся поверхность тела животных – и внешняя и внутренняя – деградирует в обратном направлении и вновь вернётся на ступень непосредственного кожного пищеварения.

Чтобы представить себе данную перспективу более наглядно, следует провести сравнение между животными и растениями. Лёгкие животных – это зелёная крона растений. Пищеварительный тракт животных – это корневая система растений. С этой точки зрения организм растения предстаёт перед

нами как состоящий только из лёгких и из пищеварительного тракта. Причём его лёгкие (крона) и его пищеварение (корень) работают лишь на самих себя и соединяющие их элементы: стебель, ствол, ветви.

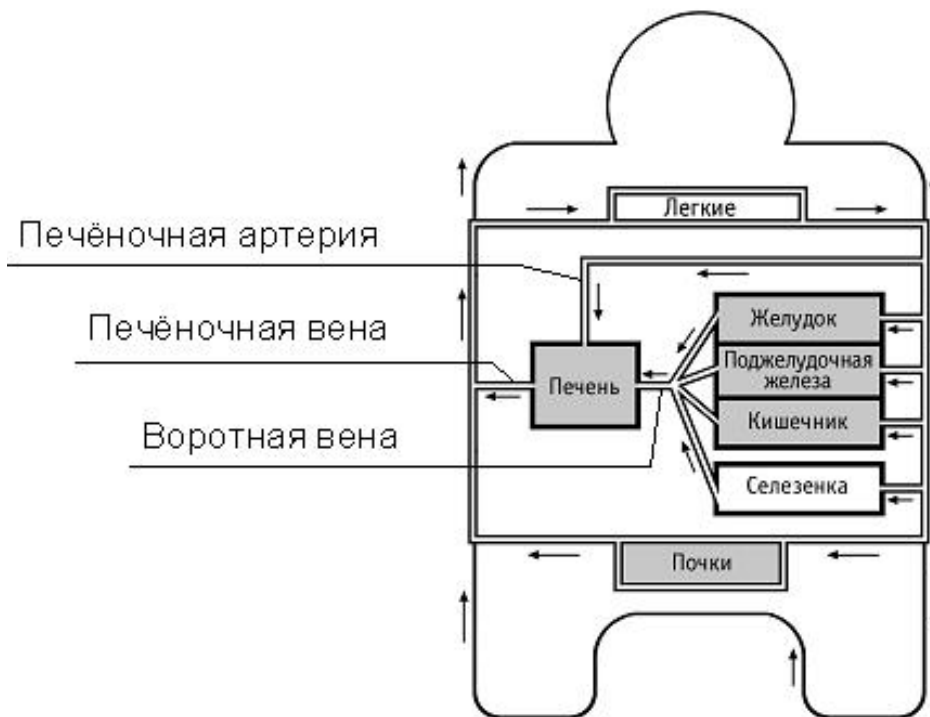
Но у животных другая функция в биосфере, отличная от функции растений. Их назначение состоит в том, чтобы вести активный образ жизни. А значит, их организм должен представлять собой автономную подвижную систему и должен быть способным прерывать свою связь с питающим его органическим субстратом. Достигается это за счёт образования специализированных органов пищеварения, деятельность которых, однако, поставлена под контроль противоположного по отношению к ним органа – печени.

Те органические соединения, которые из стенок кишечника поступают не в лимфатическую систему, а в кровь воротной вены, формально предназначены к своему уничтожению. Однако, поскольку участь их предрешена, печень может позволить себе распорядиться ими творчески. То из них, что можно сохранить и отложить про запас, она сохраняет (дезаминирование). То, что можно переделать для нужд организма, она переделывает (трансаминирование). Ну а всё лишнее она вынуждена просто удалять из организма в форме мочевины и желчи.

Печень, следовательно, – это *костёр инквизиции*, выступающей под знамёнами сохранения автономного и подвижного образа жизни животных, обеспечения подлинной субъективности их организма. В ней сжигаются результаты излишней увлечённости пищеварительных органов внешним материалом (пищевой массой). Уносящаяся к почкам мочевина – это дым её костра. А изливаемая печенью желчь – это его пепел или, лучше сказать, раскалённая лава. Своим появлением в пищеварительном тракте она (желчь) накладывает нижнюю границу деятельности желудка и поджелудочной железы. Как струя огня, она отсекает их от пищевой массы. При этом организм также преследует свою выгоду. Желчь, как уже говорилось, помогает расщеплять содержащиеся в пищевой массе жировые глобулы.

Благодаря тому, что печень обрела способность к такой творческой работе с поступающими в неё органическими соединениями, стало возможным перераспределение функций между *непосредственным* и *опосредованным* пищеварением в плане их более узкой специализации. На долю непосредственного пищеварения осталась функция поглощения и распространения преимущественно *жиров*, тогда как *углеводы* и *аминокислоты* стали поступать к клеткам организма, только проходя через печень.

Таким образом, развитие опосредованного способа ассимиляции животными материала окружающей среды привело к возникновению в их организмах двух пар противоположных органов. Первая противоположность положена процессом *опосредованного дыхания*. Её сторонами являются *лёгкие* и *селезёнка*. Вторая противоположность положена процессом *опосредованного пищеварения*. Её составляющими являются, с одной стороны, *желудок, кишечник, поджелудочная железа*, с другой – *печень*.

В том, что делает *селезёнка* по отношению к *лёгким*, а *печень* по отношению к *желудку, поджелудочной железе* и *кишечнику*, надо видеть механизм переключения деятельности организма с внешнего материала на внутренний. Тем самым организм животных выходит из отношения противоположности с внешним материалом и полагает противоположность внутри самого себя. Деятельность печени направлена не на пищевую массу, а на уже изъятые из неё органические соединения. Точно так же деятельность селезёнки направлена не на ассимиляцию атмосферного воздуха, а на находящиеся в крови элементы, обеспечивающие транспортировку кислорода по всему организму. Только благодаря противоположности их функций данные органы обрели устойчивый образ и способность к работе в условиях широкой амплитуды нагрузок.

За счёт опосредованного дыхания и опосредованного пищеварения организм животных отсоединяет сам себя от потребляемого им органического субстрата,

благодаря чему он обретает способность к существованию в качестве подвижной автономной системы.

Но это только один – *внешний* – результат развития опосредованного способа ассимиляции животными материала окружающей среды. Вторым результатом является то, что противоположность указанных органов стала базовым элементом развития *внутреннего* строения всего организма в целом. Они являются **реперными точками** организма животных, вокруг которых формировались все другие его системы. Благодаря им организм животных получил богатую инфраструктуру внутренних органов, что, в свою очередь, стало условием для появления у животных высокоразвитой нервной системы и её центрального узла – мозга.

Для того чтобы стать подлинным субъектом, а в более отдалённой перспективе – и носителем сознания, мало вести просто обособленный от ассимилируемого субстрата образ жизни. Необходимо ещё иметь развитую систему внутренних органов. (С одним кишечником, как у дождевых червей, разумным существом не станешь.) Вот такая инфраструктура внутренних органов сформировалась у животных благодаря развитию у них опосредованного способа дыхания и пищеварения.

Так что механизм выстраивания "сдержек и противовесов" изобрели отнюдь не государственные деятели. Такой механизм действует внутри каждого из нас, и мы сами, в определённом смысле, являемся его результатом. И когда, например, писатели-фантасты предлагают нам образы инопланетных разумных существ, то предпочтение следует отдавать всё же тем из них, у которых предполагается наличие хотя бы селезёнки и печени.

§ 365. Экскреция. Завершается процесс питания актом отталкивания организмом от самого себя остатков пищи. Обычно выделения животных рассматриваются только как удаление из организма чего-то ненужного, непригодного для него. Но животное и не должно было принимать в себя ничего неподобающего или непотребного. Выведение экскрементов есть не что иное, как акт, которым организм, опознав заблуждение своей алчности, отбрасывает от себя воспринятый им извне материал и созданные им самим для его переработки средства.

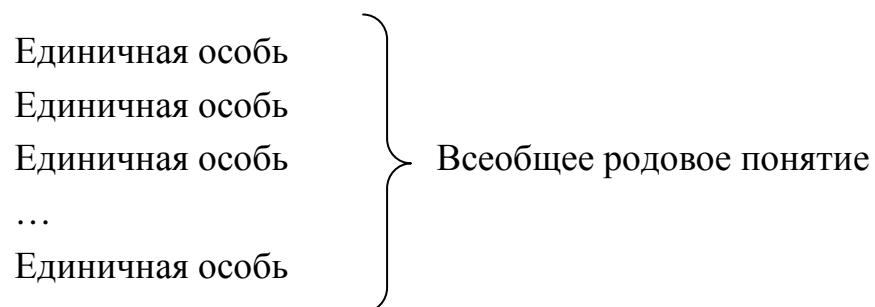
Экскременты – это в значительной степени то, что производит сам организм. Это слюна, которой выделяется 1,5-2 литра в сутки, это желудочный сок, которого выделяется до 2 л, панкреатический сок – 1,5-2 л, кишечный сок – от 1

до 3 л, желчь – 1,5-2 литра. Общий объём таких выделений составляет у взрослого человека 8-10 литров в день. Значительная часть входящих в них соединений реутилизируется самим организмом, а остальная часть выводится вовне вместе с потом, калом и мочой.

Приспосабливающая ассимиляция происходит в форме действий животных, направленных на *преобразование* окружающей среды для целей своей жизни. Животные активно приспособливают среду обитания к формам и потребностям своего организма. Они благоустраивают то место, где отдыхают, где зимуют и растят потомство: строят норы, гнёзда, логовища, прокладывают тропы к водоёмам. Устраивают хранилища, запруды, западни. Некоторые виды животных используют для этих целей свои выделения, которыми они помечают территорию обитания, пути миграции, места брачных встреч. Из своих же выделений они изготавливают паутину, липучки, коконы, соты и т.д.

К приспособляющей деятельности животных относится также и голос. С его помощью они внедряют свою субъективность в окружающую их воздушную среду: пение, кваканье, рык, имитация провоцирующих звуков и т.д. Издаваемые животными голосовые и иные звуки – это, с одной стороны, акт проявления ими своей власти над механическими параметрами среды обитания. С другой стороны – это проявление особью своего самоощущения. Только обладая таким самоощущением, животное становится способно выражать своё внутреннее состояние посредством голоса. Растения обладают *звучностью* ("в лесу раздавался топор дровосека"), животные – *голосом*.

Через реальное взаимодействие с окружающей средой животные раскрывают своё видовое понятие. Животная особь есть то, что она есть, только через своё действительное поведение. Причём реальностью понятия какого-либо вида животных является не отдельная особь, а все его особи вместе взятые.

Единичные особи могут как соответствовать своему родовому (видовому) понятию, так и не соответствовать ему. Обнаруживается это только через их

реальное поведение. ("Если тебе *корова* имя, у тебя должно быть молоко и вымя".) В тех случаях, когда какая-либо особь начинает вести себя не так, как ей *положено* по её понятию, возникает несоответствие между реальностью проявления данной особи и её видовым (родовым) понятием. Такие особи, как правило, либо изгоняются своими сородичами из стаи, либо даже *заклёвываются* до смерти. Здесь в качестве примера можно вспомнить сказку о *гадком утёнке* Г-Х. Андерсена. Этого "утёнка" клевали за то, что он не соответствовал существующим на том птичьем дворе "стандартам". Он не был ни уткой, ни индюком, ни курицей.

§ 366. Когда же поведение *единичной* особи соответствует поведению всех других особей того же вида, тогда она является полноценным носителем своего *всеобщего* родового понятия (Е – В). В данной формуле (Е – В) не хватает, однако, среднего звена, которым является особенное (О). *Особенность* – это то, что с необходимостью принадлежит как *единичным* особям, так и образуемой ими *всеобщности* – роду. Иначе говоря, она связывает между собой единичное и всеобщее: Е – О – В. Такой внутривидовой особенностью животных выступает их *половое отличие*. Всеобщность рода распадается в самой себе на две особенные части, каковыми являются два его противоположных пола. Каждая единичная особь (Е) связана с всеобщностью своего рода (В) посредством принадлежности к женскому или мужскому полу (О). Соответственно, особи могут быть либо самками, либо самцами. Через половое отношение особей осуществляется единство и развитие рода.

Родовой процесс

§ 367. *Род* есть субстанция, по отношению к которой все его единичные особи являются лишь акциденциями. Процесс жизни рода осуществляется согласно трём моментам его понятия.

Со стороны *всеобщности* род есть тотальность (совокупность) своих особей. В этом качестве он (род) проявляет себя в *межвидовой борьбе*.

Подразделяясь на свои *особенные* части – мужскую и женскую половину, род обуславливает наличие *полового отношения* между особями, благодаря которому происходит его (рода) бесконечное развитие.

Поскольку каждая единичная особь несёт в себе только одну особенность своего рода (один пол), она изначально не соответствуют всеобщности своего родового понятия. Это несоответствие обуславливает преходящий характер бытия особей – *рождение* и *смерть*.

§ 368. Межвидовые отношения. Как тотальность своих особей, род обособлен по отношению к особям других видов. Все другие виды животных существуют для него на положении окружающей его среды. Соответственно, в межвидовой борьбе все особи одного рода выступают либо как мощь, пожирающая особей других видов, либо как мощь, сопротивляющаяся агрессии со стороны других видов. В последнем случае, жертвуя своими единичными представителями, род сохраняет себя в своей всеобщности.

Травоядные животные питаются растительной органикой. При этом сами они, за редким исключением (слоны, бегемоты), также могут являться средством пропитания для хищных животных. С плотоядными животными дело обстоит сложнее. Они могут быть как хищниками, питающимися животными других видов, так и средством пропитания для более крупных хищников. Когда один вид животных является средством пропитания для других, тогда *насильственная смерть* является естественным финалом жизни для многих его особей.

Борьба между особями внутри одного вида также имеет место, но она редко заканчивается смертью. Причины внутривидовой борьбы коренятся не столько в потребностях физического выживания особей, сколько в потребностях психического плана, порождаемых коллективной формой их сосуществования. (Эта тема будет подробно рассматриваться в учении о *сознании*.)

§ 369. Половое отношение. Единичные особи в силу их принадлежности лишь одному полу оказываются несоразмерными своему всеобщему родовому понятию. Сама этимология слова "пол" приводит нас к слову "половина". Особь ощущает в себе этот недостаток и стремится восполнить его через соединение с особью противоположного пола. Совокупление двух разнополох особей есть акт смыкания рода в самом себе, акт слияния двух его особенных половин в одно целое. В процессе совокупления обе особи обретают друг в друге своё собственное продолжение или, говоря другими словами, в своей противоположности они находят лишь дополнение самих себя.

С точки зрения отдельной особи акт совокупления может рассматриваться как нечто спорадическое, случайное и даже вовсе не обязательное. Но с точки зрения существования всего рода половое сношение следует рассматривать как перманентное действие, обеспечивающее его развитие. Пока сердце рода (то, которое у самцов) бьётся в теле рода (в том, что у самок), пока кровь рода (семенная жидкость) свободно циркулирует по его плоти, перемешиваясь в каждом новом поколении во всех направлениях, род продолжает сам себя.

§ 370. Рождение. Результат спаривания – народившийся детёныш – первоначально представляет собой бесполое существо. Как единство противоположности своих родителей, он ещё несёт *в себе* всеобщность рода. Однако со стороны его действительного существования его назначение состоит в том, чтобы со временем также стать особью определённого пола и повторить путь своих родителей. Генетическое чувство рода, обязанность взрослых особей возратить себя роду в образе своих детей есть высшее назначение животных, которое они способны находить в себе. Родившись, развившись и вернув себя в детях роду, особь совершает в итоге полный круг своей жизни.

В конце этого круга она вновь становится бесполом существом. Вместе с прекращением половой функции она теряет ту свою особенность, которая связывала её с родом. Всё её естество ниспадает теперь в единичность её существования. Некоторые виды животных умирают сразу после исполнения своей репродуктивной функции: рыбы, членистоногие, насекомые. Их половая особенность оказывается снятой, а какой-либо другой особенности, способной и дальше связывать их с родом, они не знают. Другие виды животных продолжают какое-то время существовать и после того, как угасает их половая функция, но их жизнь уже не развивается, а только *длится*.

§ 371. Здоровье. Когда все системы и органы тела работают согласованно и с полной отдачей, тогда весь организм в целом соответствует своему понятию. Такой организм является *здоровым*. Иначе говоря, здоровым организм бывает тогда, когда все его члены и органы полагают себя в качестве текучих моментов, подчиняющих свою деятельность интересам всего организма. В здоровом организме не происходит ничего такого, чего бы он не мог самостоятельно преодолеть и подчинить своим всеобщим интересам.

При появлении частичного несоответствия организма своему понятию, наступает состояние *болезни*.

Болезнь. Организм приходит в состояние болезни, когда какой-либо его орган обособляется от остальных и начинает работать на самого себя, нанося ущерб жизнедеятельности всего организма. В этой ситуации слаженность действий всех других органов и систем организма наталкивается на препятствие в виде такого органа и вступает с ним в конфликт. Душа как всеобщее начало организма обнаруживает наличие таких конфликтов и сигнализирует о них появлением *боли*.

То обстоятельство, что многие болезни возникают из-за попадания в организм болезнетворных образований, не отменяет сказанного. На телах животных и внутри них обитают мириады различных организмов (бактерий, вирусов, грибов), которые непрерывно воздействуют на все их органы и системы. И то, что в определённых ситуациях отдельные органы уступают их натиску, говорит не только о силе их вредоносного воздействия, но и о слабости самих заболевших органов. Слабость же органа выражается в снижении его зависимости от общей жизни всего организма.

§ 373. Течение болезни. Первая стадия – *латентное* развитие болезни без ощущения недомогания. На этой стадии болезнь проникает в организм и утверждается в нём.

На второй стадии болезнь достигает ступени *наличного бытия*, т.е. заболевание захватывает отдельную систему или орган и у индивида появляется ощущение недомогания. На этой стадии болезнь может приобретать две формы:

- *хроническую*, когда заболевание отдельного органа не переходит в заболевание всего организма, и

- *острую*, когда вместе с заболевшим органом болеет весь организм.

Достигнув острой формы, болезнь переходит в третью стадию своего развития. Заболевание отдельного органа (системы) становится общим делом всего организма, который направляет все свои силы на его преодоление. Эта стадия сама по себе уже является началом излечения болезни.

Кризис – это начало овладения организмом самим собой, момент преодоления им упорства заболевшего органа и подчинение его своей всеобщей жизнедеятельности. Обильный пот – это выведение из организма уже переработанных им болезнетворных новообразований.

Выздоровление означает, что всеобщая жизнедеятельность организма преодолела свою зависимость от заболевшего органа и поставила его под свой контроль.

§ 373. Лечение. Вывести из понятия *болезни* методы лечения невозможно. Решающее слово здесь принадлежит практике, но общие принципы таковы.

Стимуляция деятельности организма за счёт введения в него лекарственных средств. Лекарство производит раздражение, которое с трудом поддаётся преодолению. Организм наталкивается в нём на что-то чуждое и неудобоваримое для себя, против чего он вынужден напрячь все свои силы. Подобно тому как клин выбивается клином, так и посредством направления сил организма на преодоление лекарственного средства происходит снятие его заикленности на заболевшем органе. Напрягаясь против лекарственного средства, организм преодолевает сопротивление заболевшего органа и восстанавливает равномерный ход своей общей жизнедеятельности.

Второй вид лечения, наоборот, состоит в том, чтобы подавить деятельность организма за счёт голода, диеты, кровопускания. Этим способом организм ставят в такое положение, при котором он вынужден обращаться к своим внутренним резервам и питаться за их счёт. В этой ситуации организм первым делом начинает перерабатывать попавшие в него инородные тела, а также свои собственные болезнетворные новообразования. Именно этот метод лечения в основном используют животные.

Третий вид лечения состоит в корректировке душевного состояния больного посредством психотерапии и сна. Благодаря внешнему воздействию субъект расслабляется и погружается в сон, во время которого организм отдаётся во власть своей вегетативной нервной системы. В таком состоянии достигается *большая* глубина сосредоточенности организма на самом себе. Через это снимается психическая акцентированность субъекта на утвердившемся в нём заболевании, благодаря чему возрастает физиологическая власть организма по отношению к заболевшему органу.

§ 374. Смерть от болезни. Организм животного представляет собой определённый потенциал сил, за счёт которых он способен преодолеть как внешнее воздействие, так и развившееся внутри него противоречие. Однако если заболевший (повреждённый) орган будет продолжать упорствовать в своей замкнутости на самом себе, а организм не найдёт в себе сил на

приведение его в подчинённое положение, то в этом случае реальное состояние дел в организме животного будет всё меньше соответствовать его понятию. В итоге наступает момент, когда расхождение между реальностью организма и его понятием становится необратимым, и тогда наступает *смерть от болезни*.

§ 375. Естественная смерть. Несоразмерность единичных особей со своим родом есть изначальная болезнь, которой их организм болен с рождения. В этом смысле сама *жизнь* содержит в себе зародыш смерти. Снятие этой несоразмерности и есть завершение единичной жизненности. Неотвратимость смерти – это *рок*, который с рождения определён всем живым существам и который незримо сопровождает нас через всю нашу жизнь. *Memento mores* – помни о смерти!

Смерть придаёт жизни главное – смысл. У животных он – в продолжении рода. После того как в образе своих детей особи вернут себя роду, непосредственно отмирает только одна система их организма – половая. Но так как каждый организм изначально болен своей несоразмерностью роду, то рано или поздно он приходит к тому, что подвергает свою единичность полному отрицанию, и сие отрицание означает *естественную смерть* особей.

§ 376. Жизнь – это бесконечный процесс взаимодействия единичных особей с окружающим их миром. Положительным результатом такого взаимодействия является то, что особи приобретают некоторые "знания" о том мире, в котором они существуют. Эти "знания" они передают новым поколениям. Тем самым уже в животном мире мы находим не только биологическую функцию рода, но и духовную, проявляющуюся в форме накопления, хранения и передачи "знаний".

Мы переходим к понятию *души* человека.

ДУША

Ты слушать исповедь мою
Сюда пришёл, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, –
А душу можно ль рассказать?

§ 377-386. Автономный, подвижный образ жизни животных predetermined их главное свойство – способность к активному чувственному восприятию окружающего мира. Путём совершенствования данной способности природа в итоге пришла к тому, что в лице биовида *homo sapiens* противопоставила себя самой себе, чтобы увидеть и постичь себя. В образе человека она создала своего собственного агента, глазами и умом которого она познаёт себя и руками которого преобразует.

В силу возложенной на человечество функции люди, в отличие от остальных образований природы, стали обладателями и носителями духа. Соответственно, тело человека превратилось во вместилище его духа и в его же (духа) послушное орудие.

§ 387. Формирование духа человека происходит в процессе его взаимодействия с окружающим миром. Проявляющаяся в ходе этого всеобщая способность животных к активному чувственному восприятию предметов природы служит тем каналом, через который в каждого человека поступают многообразные ощущения. Из таких первичных ощущений образуется всё дальнейшее содержание человеческого духа.

Само *отношение* взаимодействия человека с окружающим миром содержит в своём интенсивном развитии три ступени. Согласно этому в каждом из нас существуют следующие формообразования нашего духа:

1. Наше непосредственное чувственное единство (слитность) с внешним миром даёт нам наличие *души*.

2. Осознаваемое нами отношение противоположности нашего Я к внешнему миру даёт наличие *сознания*.

3. Наше осознанное содержательное единство с окружающим миром проявляется, собственно, как наш *дух*, выступающий в двух формах:

а) теоретической деятельности – как *интеллект*;

б) практической деятельности – как *воля*.

Все указанные формообразования составляют единый человеческий дух как таковой. Однако для того чтобы понять, что он (дух) представляет собой, нам потребуется рассмотреть каждое его формообразование по отдельности. В ходе этого нам в ряде случаев придётся забежать вперёд и привлекать для объяснения начальных форм духа те определения, которые сами по себе будут рассматриваться позднее. Так, например, при знакомстве с понятием *души* мы не сможем обойтись без привлечения некоторых определений, относящихся к *сознанию*. Такова особенность учения Гегеля о духе человека, поэтому его рекомендуется прочитать два раза

После таких предварительных замечаний мы переходим непосредственно к учению о душе.

§ 388. Материей мы называем всё то, что разделено, что обособлено, что оказывает нам сопротивление и что благодаря этому становится доступным для нашего чувственного восприятия. Соответственно, *материальность* мира означает, что всё в нём разделено и существует только в виде множества отдельных образований.

Вместе с тем всё то, что разделено и обособлено, находится в нём только во взаимосвязанном единстве. Все единичные предметы предполагают друг друга и опосредуют своё существование друг другом – будь то система небесных тел, система живых организмов биосферы или система общества, в котором мы живём. Всё в мире находится в согласованном состоянии, несмотря на то, что всё, казалось бы, разделено и обособлено.

§ 389. Вот этот феномен гармоничного единства всего того, что разъединено и обособлено, является обратной стороной материальности мира, его *имматериальностью*.

Материальность и *имматериальность* представляют собой две стороны одной медали. Разъединённость и обособленность материальных образований природы немислима без их системной организованности – имматериальности. Так, например, тела небесной сферы отделены друг от друга и каждое из них представляет собой обособленный сгусток материи. Однако все они находятся в определённой соотнесённости друг с другом, благодаря чему составляют единую в себе систему свободно двигающихся тел. В факте гармоничного сосуществования множества видов живых организмов, составляющих систему биосферы, мы также находим проявление имматериальности природы. Точно так же и каждый живой организм, рассматриваемый сам по себе, представляет собой единую взаимосвязанную систему различных членов, систем и органов.

Имматериальность, понимаемая в указанном смысле, является основанием наличия в мире души. Душа – это экзистирующая истина материи, состоящая в том, что имматериальность каждой конкретной системы тел природы имеет свой особенный характер. И вот этот особенный характер организации различных систем природы проступает в своём первом определении как их *душа*. Это уже потом, в ходе её рационального познания, мы будем отображать имматериальность (организованность) природы посредством схем, законов, формул, графиков и прочих наукообразных форм. Но на начальной ступени её восприятия, когда она ещё не стала предметом нашего сознания, а только чувственно ощущается нами, мы постигаем особенный характер имматериальности её систем как их индивидуальные души.

Каждая система небесных тел имеет некоторую особенность своей имматериальности (число и размер входящих в неё тел, своеобразие их орбит), что и составляет её индивидуальную душу. Каждая экосистема биосферы в силу присущих ей климатических и ландшафтных отличий, а также своеобразия видов живых организмов, которые её составляют, имеет свою особенную душу. И, наконец, каждый живой организм в силу присущих ему видовых особенностей, а также возрастных и половых отличий, имеет свою индивидуальную душу. (Прекрасная поляна, тихое озеро, милое животное. Неприятный лес, нехорошая речка, дурное животное.)

Душа не приходит к живым организмам, как, впрочем, и ко всем неживым системам природы, откуда-то со стороны. Её никто "не вдыхает" в них. Она принадлежит им имманентным образом. Как *материальность* мира неотделима от его *имматериальности*, так и живое тело, являясь системой многих органов, неотделимо от своей души, выполняющей в нём роль его всеобщего имматериального начала.

Каждый живой организм является подчинённым элементом внешней по отношению к нему среды, в которой он обитает. На протяжении всей своей жизни он активно взаимодействует с ней. А это значит, что его душа обращена не только внутрь своего организма, но также и вовне него, в тот мир, в котором обитает данное живое существо. Посредством органов чувств душа животных непрерывно впитывает в себя многообразные ощущения предметов внешнего мира.

Вот эта способность животных к ощущению внешнего мира даёт их душам второе назначение – быть вместилищем всех воспринимаемых ими внешних ощущений. Душа животных, следовательно, не только управляет физиологическими процессами внутри организма, но и, поскольку эти процессы зависят от их активного взаимодействия с окружающей средой, осуществляет непрерывный чувственный контакт с внешним миром.

Это свойство материи *быть ощущаемой* для самой себя мы находим уже на низших ступенях её развития. Так, например, конфигурация движения небесных тел основана на взаимном ощущении ими своих масс. Гармония сосуществования множества особей различных видов в живой природе также основана на практике чувственного восприятия ими друг друга.

Заключённая в *имматериальности* природы способность быть ощущаемой и присущая животным, и человеку в частности, способность иметь *ощущения* даёт в результате каждому индивиду тот первичный материал чувственных ощущений, на базе которого в нём развиваются все дальнейшие формообразования его духа: душа, сознание, интеллект и воля. И первой в этом ряду стоит душа, поскольку она выражает собой ещё неосознанное, только чувственное единство человека с окружающим миром.

Наши души находятся в непосредственном единстве с внешним миром. Они погружены в него, чувственно слиты с ним. Что бы мы ни делали, чем бы ни было занято наше сознание, душа, в отличие от него, постоянно чувственно впитывает в себя всё происходящее вокруг нас. Но лишь иногда, и чаще это происходит в юном возрасте, мы обращаем своё внимание на данное

обстоятельство. В такие минуты нами завладевает ощущение глубочайшего симпатического (чувственного) единства с природой. Подобно листикам на кроне дерева, мы начинаем ощущать в себе интимнейшее чувство родства всего, что наполняет наши души, со всем тем, что окружает нас.

Тени сизые смешались,
Цвет поблекнул, звук уснул –
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полёт незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всём!..

Вот эта формула – *всё во мне, и я во всём!* – выражает собой основополагающий принцип существования нашей души.

§ 390. Определения понятия души:

- *природные качества.*
- *чувство самого себя.*
- *внешний облик.*

Природные качества

§ 391. Все мы рождаемся в лоне нашего мира и проживаем в нём свою жизнь. Соответственно, всеобщая имматериальность природы во всех её конкретных проявлениях непосредственным образом проникает в наши души и откладывается в них. В силу такой природной предопределённости душа каждого человека обладает:

- *природными качествами как таковыми;*
- *переменной естественных состояний;*
- способностью к *ощущению.*

1. Природные качества как таковые

§ 392. Природные качества как таковые предшествуют всему тому богатому содержанию, которое душа каждого человека наживает самостоятельно в процессе его жизни.

Первую группу составляют те природные качества, которые откладываются в душе под воздействием космического и метеорологического процесса планеты и потому имеют *всеобщий* характер:

- смена времён года;
- чередование частей суток;
- изменения погоды.

Вторую группу составляют те природные качества, которые обусловлены разделением всей массы человечества на *особенные* части:

- религиозные;
- национальные;
- семейные;
- зодиакальные.

Третья группа природных качеств имеет *единичный* характер:

- врождённые задатки человека;
- темперамент;
- характер.

ВСЕОБЩИЕ ПРИРОДНЫЕ КАЧЕСТВА. Растения и животные находятся в непосредственном единстве с космической и метеорологической жизнью планеты. Можно поэтому сказать, что они стоят ближе к ней, но это выражение лишено смысла, поскольку растения и животные сами являются частью природы. У людей непосредственная связь с космической и метеорологической жизнью планеты также присутствует, но в меньшей степени. Чем более люди образованны и отделены от природы благами цивилизации, тем менее они зависимы от происходящих в ней процессов.

Смена времён года. Растения всецело зависят от смены времён года. Весной они оживают и расцветают, летом идут в рост и формируют плоды, осенью плодоносят, а зимой у них происходит приостановка развития. Поведение животных также напрямую зависит от времён года, в соответствии с которыми у них существуют периоды спаривания, сезоны миграций, время спячки и т.п.

У людей смена времён года проявляется в форме перемены *предрасположенностей* души. Условия *зимы* располагают к самоуглублению, к обучению, к сосредоточению наших сил на творчестве и домашней жизни. *Весна* усиливает чувство природного единства индивида с родом, что, с одной стороны, выражается в повышении влечения к противоположному полу, а с другой – в обостряющемся чувстве одиночества. Именно на весну приходится как массовый расцвет любовных чувств, так и наибольшее число суицидов. *Лето* – время суетливое, когда человек чувствует себя вырванным (или вытолкнутым) из привычного ритма трудовых будней на свободу. Оно располагает к активному отдыху, к сближению с природой, к путешествиям. *Осенью* нарастает предрасположенность к восстановлению трудового и жизненного ритма, к упрочению достигнутых результатов, к переключению внимания человека на творчество, на созидание.

И с каждой осенью я расцветаю вновь.
Здоровью моему полезен русский холод.
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн...

Смена времён года не вызывает у человека никаких неподконтрольных его сознанию проявлений. И если, к примеру, многие религиозные праздники привязаны к тому или иному периоду года, то сделано это не по природному инстинкту, а по вполне сознательному расчёту.

Чередование времени суток обуславливает перемену *настроенности* души. *Утром* душа ещё находится в состоянии погруженности в себя, в сущностный мир человека. Поэтому утром в нас господствует настроение сосредоточенности и серьёзности в отношении предстоящих дел. *Днём* душа предаётся работе, в процессе которой она интенсивно воспринимает разнообразный материал окружающей нас действительности. *Вечером* душа пребывает в состоянии рассредоточенности. Она настроена на отвлечённые размышления и развлечения. *Ночью* душа человека переходит из утомляющего состояния дневной суеты к состоянию уединённости в самой себе. Во сне вся разномастность дневных впечатлений погружается в глубины души и чувственно переживается ею.

Перемена погоды. Растения и животные задолго предчувствуют перемену погоды, что наглядно отражается на их поведении. Перемена погоды влияет и на *самочувствие* людей. Если температура за сутки изменяется на 15-20 градусов и, соответственно, меняется атмосферное давление, то это сказывается на состоянии всех людей. Менее резкие перемены погоды ощущают на себе *метеочувствительные* люди. Но в отличие от смены времён года и чередования частей суток, которые подвержены определённой закономерности, изменения погоды менее предсказуемы. Но, опять-таки, влияние погоды на состояние души имеет только процессуальный характер и не затрагивает самой сути человеческой деятельности.

§ 393. ОСОБЕННЫЕ ПРИРОДНЫЕ КАЧЕСТВА. Антропологические различия человеческих рас (негроидной, европеоидной, монголоидной) связаны с географическими особенностями тех территорий планеты, где они формировались. Но сами по себе они не влияют на природные качества человеческих душ. Неважно, к какой расе принадлежит человек, важно, в какой среде он вырос, какое воспитание и образование получил.

Особенные природные качества наших душ определяются следующими факторами:

- религиозным;
- национальным;
- семейным (родовым);
- зодиакальным.

Религии. Являясь базовым элементом культуры народов, религия накладывает свой отпечаток на душевный склад людей, её исповедующих. Первое различие проходит между представителями мировых религий: буддизм, иудаизм, христианство, мусульманство. Далее различия наблюдаются уже внутри самих религий. Христианский мир делится на католиков, протестантов, православных и другие конфессии. Исламский мир – на суннитов и шиитов. В буддизме – махаяна, ламаизм, тантризм.

Все содержащиеся в них различия отражаются на качествах, присущих людским душам, но с разной степенью интенсивности, что зависит от условий воспитания, уровня образования, идеологии общества в отношении церкви. У одних людей они могут проявляться больше, у других – меньше, но если брать в целом весь народ, исповедующий ту или иную религию, то эти различия

проступают весьма отчётливо: христианская Европа, мусульманские Ближний Восток и Средняя Азия, буддистские Китай и Юго-восточная Азия.

§ 394. Нации. Особенности качества души получают дальнейшую спецификацию через *национальный дух*, или *национальный характер* того народа, которому принадлежит человек. При формировании национальных качеств сказывалось влияние географических особенностей территории проживания народа: море, степь, лесостепь, тундра, горы. Мы выделяем характер *горских* народов, характер *степных* народов, характер *северных* народов. Территория проживания *великих* народов включает в себя, как правило, разнообразный рельеф: леса, степи, горы, море, что также отражается на их национальном характере.

Помимо внешних факторов, при формировании национального духа народов существенную роль играет их рефлексия в отношении друг друга. Каждый народ, стремясь осуществить себя в своей национальной самобытности, развивает в себе те особенные качества, которые менее развиты у других. Иначе говоря, черты национального характера развивались по принципу "что одному любо, то другому не годится". В результате сегодня при упоминании таких слов, как *англичанин, француз, итальянец, немец, русский, китаец* и т.д., в нашем представлении возникает вполне определённый образ человека, отличающийся от всех остальных набором своих национальных душевных качеств.

Семейные (родовые) качества. Они также имеют место быть и передаваться по наследству. Говорят, например: "У нас в роду все хорошо поют". Или: "У них вся семья помешана на кошках".

Зодиакальные типы. Помимо религиозных, национальных и семейных качеств, люди различаются также по зодиакальным особенностям своего душевного склада. Данные качества описываются по двум схемам: по европейской, где год разделён на 12 периодов, и по восточной, где деление проводится по годам 12-летнего цикла.

Различия психологических типов людей, рождённых под разными знаками Зодиака, столь очевидны и, более того, столь обстоятельно исследованы, что не учитывать их невозможно. Другой вопрос: чем они определяются? Здесь можно указать на три фактора.

1. Влиянием периодически изменяющихся комбинаций звёзд, на чём настаивают сами астрологи.

2. Различием времён года, в течение которых шёл период внутриутробного развития человека. Уж если яровые посевы отличаются от озимых, то надо полагать, что и души людей, рождённых в разные периоды года, тоже могут чем-то отличаться друг от друга. (§ 405.)

3. Между *всеобщими* качествами людей, которые у отдельных народов проступают в форме национальных черт их характера, и *единичными* качествами каждого конкретного человека должна находиться связующая их *особенность*. Так вот, такой природной особенностью могут являться как раз зодиакальные различия психических типов людей. Иначе говоря, разделение всей массы людей на несколько зодиакальных типов необходимо для гармонизации жизнедеятельности самого общества. Благодаря им обеспечивается необходимое богатство особенных душевных качеств составляющих ткань общества индивидуумов.

Таковы три фактора, которые можно рассматривать как причины существования зодиакальных различий. Что же касается более подробной характеристики данных различий, то по этому вопросу следует обращаться к соответствующей литературе.

Религиозные, национальные, родовые и зодиакальные различия составляют особенные природные качества людей. Они проявляются через внешний облик, образ жизни, их предрасположенность к определённым видам деятельности, к профессиям и т.д. Однако, выделяя эти качества, важно помнить, что все они относятся лишь к *ступени* природных определений *души* и не затрагивают самой сути человеческого духа. Сознание людей свободно по отношению к природным качествам душ и не зависит от них. А это значит, что теоретикам сегрегации всех мастей – расистам, националистам и религиозным фундаменталистам – следует уяснить себе, что **все рассуждения о духовном превосходстве одной расы, нации или религии над другими не содержат в себе никакой истины!** Главным в человеке является разум, для которого не существует никаких ограничений, связанных с природными качествами души.

§ 395. ЕДИНИЧНЫЕ ПРИРОДНЫЕ КАЧЕСТВА. Всеобщие и особенные качества получают своё действительное проявление только через души конкретных людей. Душа каждого человека содержит в себе определённую

меру всех рассмотренных выше качеств. К ним присоединяются его индивидуальные природные качества, каковыми являются:

- а) природные задатки: *талант* и *гениальность*;
- б) темперамент;
- в) характер.

Под **природными задатками** следует понимать совокупность тех качеств человека, которые даны ему от рождения, в отличие от всех тех знаний и умений, которые он приобретает по ходу своей жизни. К природным задаткам принадлежат *талант* и *гениальность*. Оба слова выражают определённую предрасположенность, которую человек получает от природы, но *гениальность* шире *таланта*.

Гениальность порождает нечто новое в сфере *всеобщего*, тогда как *талант* порождает новое только в сфере *особенного*. Иначе говоря, гений создаёт (разрабатывает) новый принцип, тогда как талант действует в пределах уже открытого принципа. Например, гениальностью обладал сам Вильгельм Гегель, поскольку он впервые реализовал в своей "Энциклопедии философских наук" принцип всеобщей логической систематизации понятий нашего разума. Все последующие комментаторы его учения являются в лучшем случае только талантами.

Но природные задатки сами по себе, без претворяющей их в жизнь воли человека, мало чего стоят. Для того чтобы талант и гениальность получили своё развитие и воплотились в реальные дела, соответствующие их мере, человек должен много трудиться. Как говорил прирождённый изобретатель Томас Эдисон: "Во мне 1% гения и 99% потения". В религии же эта мысль выражена иначе: "Кому много дано, с того много и спросится".

Помимо большого труда, талант и гениальность предполагают также необходимость овладения человеком всеми теми достижениями, которые уже накоплены человечеством в соответствующей сфере деятельности. Без этого природные задатки человека обречены либо погибнуть, либо выродиться в пустую оригинальность.

Если талант и гениальность проявляются через тот или иной вид деятельности человека, то *темперамент*, напротив, не имеет никакой непосредственной связи с различными видами деятельности людей. Нельзя сказать, что все музыканты – сангвиники, а библиотекари – флегматики.

Темперамент не относится ни к содержанию поступков, ни к способностям человека, ни к страстности его отношения к делу. Главное различие общепринятых типов темперамента – *сангвинического, флегматического, холерического и меланхолического* – заключается в том, каким образом *субъективный мир* человека интегрируется в *объективные процессы*.

Один человек легко настраивается на работу и сразу же приступает к её исполнению. Другому, наоборот, требуется некоторое время на то, чтобы внутренне подготовиться к ней, сосредоточиться на её исполнении. Одни футболисты перед игрой усиленно разминаются, разогревают себя. Другие, наоборот, сидят на траве в расслабленном состоянии. Одному человеку необходим размеренный образ жизни, где у него всё идёт "по графику", согласно которому он методично переходит от одного дела к другому и при этом ни о чём не забывает и всё успевает. Другой человек более импульсивен. Он легче перестраивается с одной работы на другую, но именно по этой причине он менее предсказуем и надёжен.

Можно предполагать, что сангвиники и холерики легче вовлекаются в работу, тогда как меланхолики и флегматики более зависят от своей субъективности, им требуется больше времени для того, чтобы настроиться на неё. С другой стороны, сангвиники и холерики более подвижны и легче переходят от одного дела к другому, тогда как флегматики и меланхолики, наоборот, более углубляются в суть работы и труднее выходят из неё.

Темперамент – это неустойчивое качество, которое меняется в зависимости как от возраста человека, так и от перемены внешних обстоятельств его жизни. Чем более цивилизованной делается наша жизнь, тем менее проявляются те манеры поведения людей, которые диктуются их естественной (животной) природой. Контраст различных типов темперамента в древности и в средние века проступал в поведении людей более резко и непосредственно, чем в настоящее время. В современном урбанизированном и технологичном обществе это различие теряет своё былое значение. Параметры поведения человека задаются уже преимущественно со стороны общества – воспитанием и действующими в нём нравственными нормами.

В отличие от темперамента *характер* человека представляет собой то, что отличает его от всех других людей. Только через характер человек приобретает свою устойчивую определённую, свою индивидуальность. Характер – это процессуальная сторона деятельности человека, в ходе которой он, не давая

сбить себя с выбранного пути, преследует свои цели и интересы, сохраняя во всех действиях согласие с самим собой. Человек с характером импонирует другим людям, поскольку они знают, с кем в его лице имеют дело. От каждого человека следует требовать, чтобы он проявлял характер.

Однако для того, чтобы характер человека оказался востребованным, требуется ещё и насыщенное содержание его целей. Великие цели порождают великие характеры. И наоборот, если человек цепляется за мелкие и бессодержательные цели, то вместо характера он проявляет упрямство, которое имеет лишь форму характера, но не его содержание. В упрямстве – этой пародии на характер – индивидуальность человека становится отталкивающей, препятствующей налаживанию отношений с другими людьми.

Если *задатки* и *темперамент* человека имеют природное происхождение, то *характер*, как говорят, дело наживное. И тем не менее нельзя отрицать, что и характер имеет под собой некоторую природную основу, что одни люди уже от рождения предрасположены к обладанию более сильным характером, чем другие. Поэтому мы рассматриваем характер именно здесь, в учении о природных качествах души.

К более уникальным качествам душ людей относятся *идиосинкразии*: боязнь высоты, склонность к воровству, умение двигать ушами, способность легко садиться на шпагат, перемножать в уме большие числа, испытывать симпатии к одним словам и именам и неприязнь к другим и т.п. Данные свойства имеют единичную, случайную природу и потому не могут обладать всеобщим значением.

Таковы природные качества души:

- а) всеобщие – зависимость от времён года, времени суток, погоды;
- б) особенные – религиозные, национальные, семейные, зодиакальные;
- в) единичные – талант и гениальность, темперамент, характер.

2. Естественные состояния

§ 396. Естественные состояния души человека обусловлены:

- *возрастом*;
- *половым отношением*;
- *сном и бодрствованием*.

ВОЗРАСТЫ. Возрастной ряд начинается с непосредственного отделения индивидуума от рода, т.е. с момента рождения человека, и заканчивается духовным слиянием человека с обществом и отрицанием его природной единичности – смертью. То, что в биологии представлено противоположностью *индивид – род*, в человеческом мире существует как противоположность *человек – общество*. В основе рода лежит генетическое единство людей, в основе общества – их духовное единство. Слияние природной и духовной основ общества проявляется в душе каждого конкретного человека тем образом, что последовательность физических изменений его организма синхронизирована с последовательностью изменений его духовного состояния. Отсюда развивающийся ряд возрастов: детство – отрочество – юность – зрелость – старость.

Детство – это период непосредственного единства индивида со своим родом. Новорождённый малыш – это ещё не человек в собственном смысле этого слова, это природный материал для дальнейшего формирования из него человека. Задача ребёнка в этот период состоит в том, чтобы отделиться от породившего его рода и осознать себя в своём наличном бытии.

На пути к этому ребёнок первым делом осваивает свои органы чувств. Он учится узнавать свои ощущения и доверять им. (Попробуйте вспомнить, уважаемый читатель, свои самые первые ощущения цвета, запаха, вкуса и то удивление, с которым Вы их находили в себе.) Слившись со своими ощущениями, ребёнок начинает воспринимать окружающий мир как нечто внешнее по отношению к себе. Обретая чувство внешности реального мира, он и самого себя учится воспринимать в качестве реального предмета.

Появление предметного отношения к самому себе порождает у ребёнка потребность в применении своих сил. Через овладение ходьбой он получает доступ к перемещению в пространстве, что порождает у него чувство самостоятельности. Овладевая своими руками, он начинает проявлять свою самостоятельность в действии. Через общение с другими людьми он обретает своё Я, благодаря чему освобождается от безраздельной погруженности в процедуру чувствования самого себя и становится сознательным субъектом.

Отрочество – это период становления индивидуальности ребёнка, его природного своеобразия. В этом возрасте у детей формируется интеллект, они делают любознательными. Им уже недостаточно воспринимать только те

предметы, которые встречаются непосредственно в опыте. Развивающееся мышление подростка требует отвлечённых образов, что обуславливает появления в этом возрасте влечения к чтению книг и слушанию рассказов о далёких мирах, о заморских странах, о необычных явлениях, о страшных и героических историях, чтобы представляемые образы не просто пассивно входили в сознание подростка, а захватывали всё их существо, помогая тем самым ощущать свою индивидуальность.

В отроческие годы дети движимы мыслью, что они ещё не являются тем, чем они должны быть в этой жизни. Поэтому подростки хотят учиться. Но чему именно должны учиться, они не знают. В этом возрасте дети ещё не способны разумно проявлять свою волю, поэтому во всех своих занятиях они нуждаются в наставлениях взрослых. И коль скоро их формирующийся рассудок в этот период ещё сосредоточен преимущественно в сфере образных представлений, то для удержания стремления подростков к развитию в правильном направлении им необходимы примеры для подражания: образ Спасителя, пророка, народных героев, исторических деятелей, современных кумиров.

С наступлением половой зрелости у молодых людей просыпается мощное чувство рода. Мальчики и девочки становятся юношами и девушками.

Юность – это возраст, когда дух человека входит в отношение противоположности к обществу. С одной стороны, сознание юношей устремлено к постижению этого мира и к отысканию своего места в нём. С другой стороны, они ещё видят этот мир не таким, каков он есть, а таким, каким они его хотят видеть, исходя из своих возросших на чувственности представлений и идеалов. Юноши поэтому склонны к предъявлению завышенных требований как по отношению к обществу в целом, так и по отношению к тем его сферам, которые вызывают у них наибольший интерес. Положительной стороной наличия таких идеалов является осознание юношами необходимости получения соответствующего их интересам и целям образования.

Исходя из своих идеалов юноша может считать, что весь мир пребывает во зле и что его надо непременно перестроить. Однако по мере предпринимаемых им попыток по преобразованию мира он, погружаясь в реальные дела, постепенно всё дальше отходит от своих идеалов. Он начинает осознавать, что всё обстоит как раз наоборот, что это он существует со своими идеалами лишь благодаря тому, что существует этот мир. Что он может найти сферу

приложения своих сил и задатков только в этом, пусть далеко не совершенном, но всё же единственно данном нам мире. Достигнув такой точки зрения, юноши и девушки становятся *взрослыми*.

Но и после этого человек ещё долгое время продолжает нести в своей душе мечты и идеалы своей юности. И где-то лишь на четвёртом десятке лет жизни он начинает постепенно забывать о них. В этом возрасте человек как существо конечное, которому отпущен определённый срок жизни на земле, становится подобным двуликому богу Янусу, который в мифологии древних римлян был богом входов, дверей, переходов. Он имел два лица, одним из которых обозревал уже пройденный этап жизни, другим созерцал грядущее. Так и человек в возрасте 30-40 лет, с одной стороны, ещё продолжает нести в себе свои юношеские идеалы и мечты, а с другой – начинает усматривать всё более явно проступающие очертания своей дальнейшей жизни. То, чего он успел достичь к этому возрасту, позволяет ему в определённой степени судить о том, чего ещё он может ожидать впереди. "*Первый тайм мы уже отыграли...*". Конечно же, будет ещё и второй тайм, и что-то ещё можно будет успеть поправить, но уровень игры, на который ты оказался способен, уже определён. Вот только в этом возрасте исчезают последние иллюзии юности и дух человека, наконец, смиряется с тем, на что он действительно оказался способен в этой жизни. Такое примирение с реальностью даётся всем по-разному. Кто-то никого не винит за победившую его идеалы прозу жизни, кто-то начинает винить в этом своего ближнего, кто-то – дальнего.

Зрелость. В зрелом возрасте место идеалов занимает реальное *дело*, практическая деятельность людей. Это возраст *мужа*, когда человек живёт уже преимущественно интересами того дела, которому служит. За счёт своей деятельности (работы) человек интегрирует себя в общество, где, с одной стороны, он реализует самого себя в своей особенности, свой творческий потенциал, а с другой – осуществляет развитие своей страны. Только через практическую деятельность на благо себе и обществу человек обретает свою значимость и оправдание своей жизни.

Но так как успехи общественного развития становятся заметными только при весьма значительной сумме сделанного, то, соответственно, и человек лишь в конце жизненного пути, оглянувшись назад, сможет увидеть свой вклад в общее дело. Осознание этого вклада освобождает человека от грусти по поводу его несостоявшихся юношеских идеалов. То истинное, что содержалось в них,

получило своё претворение, ну, а то вздорное, что с ними соседствовало, безвозвратно ушло, как и должно было уйти, в реку забвения, в Лету.

В каждой жизни, в каждой профессии есть нечто закономерное, устойчивое, повторяющееся. И чем дольше человек живёт и трудится, тем в большей мере из всего богатства их содержания для него проступают их основные черты. Благодаря им он полностью овладевает своей профессией и всей своей устоявшейся жизнью. Он внутренне срачивается с ними, в результате чего у него постепенно угасает интерес и к делу, и к повседневной жизни вообще. Дойдя до вершины своего духовного развития, равно как и в силу физического износа организма, человек переходит в последний свой возраст – старость.

Старость. Прожитая жизнь в снятом виде представляет собой состоявшийся акт слияния индивида с обществом. Пожилой человек всё освоил в этой жизни: было детство, была учёба, были удалы и любовь, супружество и дети, были работа и творчество, были взлёты и падения, было здоровье, и вот пришла немощь... Пройдя через все эти определения своей жизни, человек в итоге срастается с ними. Изначальная противоположность к данному содержанию теперь уже снята им, и у него постепенно затухает интерес к тому, чем он жил. Из всего того, что ему может ещё встретиться, существенное он уже знает. Ум старика обращён только к этому существенному содержанию и к тем прошедшим временам, когда он овладевал им.

Конец – делу венец. Это состоявшееся единство с внешним миром возвращает душу человека в исходное состояние, к ещё не знающему противоположности состоянию младенчества. *Впадание в детство* и *выживание из ума* свидетельствуют о том, что дух старика стремится начать новую жизнь. Но поскольку его тело уже исчерпало все свои ресурсы, то наступает смерть.

Таким образом, последовательный ряд возрастов образует единый цикл жизни человека:

1. Детство – период отделения ребёнка от рода.
2. Отрочество – становление индивидуальности.
3. Юность – вхождение в состояние противоположности к обществу.
4. Зрелость – единство противоположности.
5. Старость – состоявшееся единство индивида и общества.

Завершается ряд возрастных состояний тотальным отрицанием дальнейших изменений – *смертью* человека.

§ 397. СОСТОЯНИЯ ОБУСЛОВЛИВАЕМЫЕ ПОЛОВЫМ ОТНОШЕНИЕМ. Второй вид природных состояний души человека обусловлен половым отношением.

1. **Половая самоидентификация.** Первая фаза развития полового отношения – это вхождение индивида в состояние половой самоидентификации, ощущение им своей половой особенности. Казалось бы, само собой разумеется, что я всегда являюсь мужчиной, а та или иная особа – женщиной. Но то, что само собой разумеется, делается привычным настолько, что нередко забывается само собой. Только в период гиперсексуальности, который приходится на молодые годы, чувство половой принадлежности неотступно сопровождает человека. В последующие годы человеку приходится периодически вспоминать об этом. Лишь ощущая в самом себе недостаток своей противоположности, мы становимся способными осознавать самих себя в своём половом отличии.

2. **Состояние противоположности.** Второе состояние, вызываемое половым отношением, – появление в душе человека влечения к особе противоположного пола. В этом состоянии абстрактная противоположность полов принимает конкретные очертания. Причём объект полового влечения определяется не столько нашим сознанием, сколько нашими душами. Чувственный интерес к определённой личности возникает не на основе доводов разума, а на почве неподвластных сознанию симпатий души. Справедливо говорят, что любовь слепа, поскольку она является делом наших душ, а не сознания.

Мне не к лицу и не по летам...

Пора, пора мне быть умней!

Но узнаю по всем приметам

Болезнь любви в душе моей...

Когда я слышу из гостиной

Ваш лёгкий шаг иль платья шум,

Иль голос девственный, невинный,

Я вдруг *теряю весь свой ум...*

3. **Единство противоположности – соитие.** При совокуплении любовников их души переходят в состояние ощущения своего единства с родом, которое

сохраняется после этого ещё какой-то срок, по истечении которого они вновь входят в состояние половой самоидентификации.

На первый взгляд может показаться, что род – это так далеко от нас, от пары его представителей, которые в эти моменты всегда думают только о себе. Однако бесчисленное количество совершаемых нами за свою жизнь половых актов тем не менее несёт в себе и некоторый реальный результат – рождение детей. Тем самым чувственный эгоизм индивидов содержит в себе и всеобщий интерес продолжения рода человеческого.

§ 398. СОСТОЯНИЯ СНА И БОДРСТВОВАНИЯ. Третий вид естественных состояний души – это чередование *сна* и *бодрствования*. К состоянию *бодрствования* относится всякая отмеченная признаком *самосознания* деятельность человека. В период бодрствования душа человека активно воспринимает в себя всё ощущаемое им богатство красок окружающего мира. При погружении в *сон* деятельность самосознания человека прекращается. Вместо неё активизируется чувственная жизнь души.

В состоянии *сна* душа переживает воспринятые ею в период бодрствования многообразные ощущения внешнего мира. Пробуждение души есть акт *суждения* человека: "Я открыл глаза; я проснулся". В этом суждении мы из бессознательного состояния сосредоточенности на внутренней жизни души переходим в состояние активной внешней деятельности своего сознания.

Поскольку дневной свет способствует обнаружению содержания внешнего мира, а ночь, наоборот, затемняет его, постольку для людей вполне естественным является бодрствовать днём и спать ночью. Период бодрствования, в течение которого душа пребывает в напряжённом состоянии по отношению к внешнему миру, имеет в себе некоторую меру. Деятельность бодрствующего духа вызывает утомление и влечёт человека к переходу в состояние сна. Сон, в свою очередь, также имеет известную границу в самом себе и переходит в свою противоположность – в состояние бодрствования духа.

Таковы естественные состояния души: *возрастные, половые*, а также состояния *сна* и *бодрствования*. В отрицательном отношении *бодрствование* определяется через *сон*, и наоборот. В положительном отношении отличие бодрствования от сна состоит в активизации *ощущающей* деятельности человека.

3. Ощущение

§ 399. В момент перехода человека из состояния сна в состояние бодрствования полностью восстанавливается его способность к *ощущению* внешнего мира. Проснувшись, мы первым делом открываем глаза и активизируем деятельность своих органов чувств: слуха, обоняния, осязания, вкуса, зрения. Потягиваясь, мы прощупываем своё тело и убеждаемся в том, что всё у нас по-прежнему на месте. Тем самым мы удостоверяем свою пробуждённость, свой переход в состояние бодрствования.

В бодрствующем состоянии в наши души непрерывным потоком вливаются многообразные ощущения предметов внешнего мира.

§ 400. *Ощущение* – это положительное отношение человека к окружающему миру. Например, простое прикосновение представляет собой отношение между мной и чем-то внешним по отношению ко мне – тем предметом, к которому я прикоснулся. Воспринятые органами чувств ощущения снимаются душой и становятся её собственным наполнением. Если, прикоснувшись к какому-либо предмету, я почувствовал это, то тем самым данное ощущение приняло во мне идеальную форму и стало достоянием моего духа. Если теперь я прекращу само действие прикосновения, то это ощущение тем не менее останется во мне, ибо оно снято и сохранено моей душой.

То же самое происходит и тогда, когда мы вовсе не обращаем внимания на какие-либо свои внешние ощущения, хотя постоянно испытываем их. Наша душа так же преобразует их в идеальную форму и делает их своим достоянием. Например, на фоне всех тех дел, которыми Вы, уважаемый читатель, занимались на протяжении всего сегодняшнего дня, вокруг Вас постоянно бурлила жизнь. Пока Вы утром приводили себя в порядок, по радио или телевизору передавали какие-то сообщения, где-то по соседству хлопали двери, лаяли собаки... Когда Вы вышли на улицу, Вас обдувал ветерок, плывущие по небу облака то заслоняли, то открывали солнце. Мимо Вас проносились какие-то машины, мелькали лица людей, менялись фасады зданий и интерьеры помещений, где-то играла музыка, доносились какие-то разговоры, ощущалось разнообразие запахов и т.д. И хотя на всё это Вы не обращали никакого внимания, поскольку Ваше сознание было занято другими проблемами, тем не менее Ваша душа восприняла в себя все эти ощущения, идеализировала их и сохранила в своих сокровенных глубинах.

Душа – это бездонная шахта, в которую уносятся все бессознательно воспринимаемые нами ощущения. Глаза, уши, нос, рецепторы языка и кожи функционируют в нас в течение всего дня и на протяжении всей нашей жизни. Через них нескончаемым потоком в наши души вливается масса внешних ощущений, которые становятся их собственным наполнением. Если для нашего сознания существуют только те ощущения, на которые мы обращаем своё внимание (внимание своего Я), то для нашей души важны все ощущения вообще, которые *где-либо, когда-либо и как-либо* воспринимались нашими органами чувств. Все они поглощаются ею и становятся её собственным содержанием.

Человек никогда не может знать, сколько ощущений он имеет в глубине самого себя, поступивших в него, минуя его сознание. Сколько всего человек видел, слышал, обонял, вкушал, осязал, он никогда не знает. Но всё это поступает в глубины его души и сохраняется в ней. Нейроспециалисты утверждают, что у человека в процессе мышления задействовано только 5% объёма мозга. Исходя из этих цифр, можно предположить, что остальные 95% задействованы на восприятие и переработку той бездны ощущений, которая накапливается в нас за все прожитые годы. И эти 95%, как мы узнаем позднее, также представляют собой необходимый компонент деятельности нашего мышления.

Душа человека неповторима. Ощущения сиюминутны и конкретны. Они всегда принадлежат тому или иному человеку, в отличие, например, от слов, которые обладают одинаковым значением для всех людей. В силу такой мимолётности и адресной конкретности воспринимаемых нами ощущений в каждом из нас содержится *своя* уникальная *бездна ощущений*, накопленных нами за всю нашу жизнь. Поскольку *моя* бездна *моих* ощущений составляет содержание *моей* души, постольку её (бездны ощущений) индивидуальное своеобразие предопределяет собой уникальность и неповторимость *моей души* в целом.

Помимо того что душа каждого человека содержит в себе свою уникальную бездну ощущений, она также, в силу своих природных качеств, проявляет своё собственное отношение к ним, определяя их значение для самой себя. Поэтому одно и то же содержание ощущений может восприниматься разными людьми по-разному. Когда один из двух стоящих на улице собеседников говорит: "По-моему, холодно", а другой: "По-моему, нет", то ощущают они при этом одну и

ту же температуру воздуха. Но вот то, что эта температура отразилась в их душах по-разному, позволило каждому из них сказать: *по-моему*. Поскольку я ощущаю мир *по-своему*, во всей совокупности воспринятых мною за всю мою жизнь ощущений я имею отличное от всех других содержание *своей* души.

§ 401. Ощущения поступают в наши души с двух сторон. Извне в нас поступают чувственные импульсы, идущие от воспринимаемых нами внешних предметов. Таковыми являются ощущения цвета, звука, запаха, вкуса и осязания. Другой поток ощущений приходит в наши души изнутри, со стороны нашего сознания. Это внутренние ощущения души, называемые иначе аффектами. (От лат. *affectus* – душевное волнение.) К ним относятся: горе, гнев, стыд, досада, страх и другие. Они возникают в результате деятельности нашего сознания.

Внешние ощущения. Способность к ощущению окружающих нас предметов обуславливает наличие в нашем теле соответствующих *органов чувств*: глаз, ушей, носа, языка, рецепторов кожи вообще. В них дух человека имеет своих внешних агентов, нацеленных на восприятие содержания окружающего нас мира. Они специализированы следующим образом:

- а) *зрение* и *слух* являются чувствами *всеобщности* окружающего нас мира предметов;
- б) *обоняние* и *вкус* – чувствами *особенности* предметов;
- в) *осязание* – чувством их *единичности*.

Глаза и *уши* воспринимают одновременно все находящиеся вокруг нас в данный момент предметы. *Зрение* воспринимает освещаемые предметы. Оно имеет дело не со светом как таковым, а со спектром цветов. Соединяясь с тёмными телами, свет *омрачается* и порождает *цвет*. *Свет* есть средство видения, тогда как *цвет* – это то, что мы собственно видим. Иначе говоря, мы видим не свет как таковой, сам по себе свет невидим, а цвета, возникающие при соединении света с реальными предметами.

Хотя в обычной жизни зрение представляется нам самым важным чувством, но на деле всё обстоит как раз наоборот. Зрение является самым несовершенным чувством. Посредством зрения мы воспринимаем предметы не как объёмные трёхмерные тела, а как плоскостные изображения с присущими

плоскости двумя измерениями: ширины и высоты. Глубину предметов мы учимся постигать только при помощи чувства осязания. Ощущая руками объёмную форму предметов, мы замечаем далее, что их глубине соответствует *тень*, падающая от них. С учётом созерцания теней нам в дальнейшем начинает казаться, что мы видим также и глубину предметов.

С этим несовершенством зрительного восприятия связано также и то, что расстояние удалённости от нас предметов мы постигаем не за счёт чувства зрения как такового, а лишь за счёт умозаключений своего рассудка. Зная по опыту, что чем дальше от нас находятся предметы, тем более мелкими они нам кажутся, мы по их размерам судим о степени отдалённости их от нас. Подобную картину восприятия глубины пространства мы можем наблюдать у детей раннего возраста (до 1 года), глазам которых и дальние, и ближние предметы представляются находящимися на одной линии. По этой причине ребёнок протягивает ко всем предметам руки, желая убедиться, находятся они рядом или удалены. Если при этом ребёнок сидит у вас на руках, то от этого первым делом страдают ваши волосы, нос, уши. По этой же причине все транспортные средства оборудуются задними стоп-сигналами, которые синхронно загораются при начале торможения, предупреждая водителей следующих сзади автомобилей, что дистанция начинает сокращаться.

К указанным недостаткам зрения надо добавить ещё тот, что оно даёт нам представление только о внешнем облике предметов и ничего не говорит об их внутреннем содержании. Ощущение внутренности тел нам доставляет *слух*. Внутреннее колебание сотрясённого тела в самом себе, ритмичное дрожание его частиц порождают его звучание. Благодаря звучанию внутреннее пространство предмета делается внешним, доступным для нашего восприятия. Вспомните, уважаемый читатель, как, держа в руках незнакомый предмет, мы сначала рассматриваем его, а потом, желая выяснить, каков он изнутри, стучим по нему, определяя по частоте звуковых колебаний материал, из которого он состоит.

Нос и *рот* предназначены для более близкого контакта с исследуемым предметом. *Обоняние* воспринимает запахи предметов, образуемые благодаря испарению и улетучиванию их вещества. Для ощущения *вкуса* необходим уже непосредственный контакт субъекта с предметом. Соприкасаясь с предметом, наш язык обнаруживает в его составе различные химические соединения, что даёт нам ощущения сладкого и горького, солёного и нейтрального, щелочного и кислого.

Осязательные рецепторы пальцев рук и кожи вообще дают нам восприятие *единичности* предметов. Поскольку в основе **осязания** лежит непосредственный контакт субъекта с массой и формой предмета, это чувство является конкретнейшим и важнейшим из всех чувств. Строго говоря, только чувство осязания позволяет нам воспринимать единичные предметы в их отдельности. Оно даёт нам сведения о таких свойствах тел, как *тяжесть, форма, упругость, характер* поверхности, *температура* и других.

Чувство осязания является наиболее важным для живых организмов. Оно первично по своему происхождению. Все другие органы чувств вышли из него. Поэтому потеря зрения и даже слуха может быть компенсирована посредством осязания, но не наоборот.

Таким образом, благодаря внешним органам чувств многообразные ощущения предметов окружающего нас мира становятся внутренним достоянием нашей души.

Внутренние ощущения. Если внешние ощущения поступают в арсеналы души через телесные органы чувств (глаза, нос, уши, язык, кожу), то ***внутренние ощущения*** (аффекты), наоборот, появляются в ней благодаря деятельности нашего сознания. Наши мысли бывают различными по своему эмоциональному содержанию: горькими, радостными, грустными, страшными, возвышенными, нежными, злыми... Сообразно этому они вызывают в наших душах различные ощущения: волнения, переживания, угрызения, обиды и т.д. Но для того чтобы такие идеальные ощущения души (аффекты) могли быть почувствованы самим человеком, они должны быть положены в нём как нечто отличное от их идеальной формы и вместе с тем тождественное ей по своему содержанию. Происходит это тем образом, что внутренние ощущения души ***воплощаются*** в теле человека.

Наше тело повсеместно проникнуто душой, в силу чего *воплощение* её внутренних ощущений становится сколь возможным, столь и необходимым явлением. Все идеальные переживания и волнения души переходят *в плоть* человеческого тела, или, говоря иначе, они *во-плоть(ть)-аются* в нём.

И кто ***во власти ощущений,***
Когда ***кипит и стынет кровь,***
Не ведал наших искушений:
Самоубийство и любовь!

В этом четверостишии Фёдора Тютчева для нас показательны первые две строчки, говорящие о проявлении в теле "власти ощущений", под воздействием которых в нём "кипит и стынет кровь". Ярчайшим примером *воплощения* идеальных переживаний души являются *стигматы* – кровавые раны, проступающие у фанатично верующих людей в тех местах их тела, где они были нанесены во время казни Иисусу Христу. На этом же эффекте основан принцип действия знаменитых детекторов лжи.

В зависимости от своего идеального содержания внутренние ощущения души *воплощаются* в различных системах и органах тела человека. Одни – через кожу, другие – через органы кровеносной системы, третьи – через пищеварительные органы, четвёртые – через органы половой системы и т.д. Какую-либо закономерность здесь установить сложно. Действует один и тот же принцип: "Все болезни от нервов!", но проявляется он у всех по-разному.

Горе – это бессильное самозамыкание души в самой себе. Оно находит своё воплощение преимущественно через заболевания пищеварительной системы и половых органов.

Радость – это одноактное признание соответствия какого-либо события или какой-либо вещи моему субъективному представлению. Радость восстанавливает положительное отношение человека к миру, возбуждая работоспособность всех его систем. *Удовлетворённость* есть более длительное, спокойное чувство соответствия чего-либо внешнего нашим внутренним представлениям без момента интенсивности.

Чувство *гнева* мобилизует организм против враждебных сил. Оно воплощается в области груди, в сердце – в средоточии возбудимости и стремления вовне. Когда душа в гневе, у человека учащается сердцебиение, кровь бросается в лицо, мускулы напрягаются. Когда же гнев вынужден оставаться внутри человека, без излияния его вовне, тогда у него появляется близкое горю чувство *досады*, и в дело вступает система пищеварения. Досада воплощается в форме излития желудочного и панкреатического соков, а также желчи. Через это действие раздражённость организма выплёскивается на находящееся внутри него, но чуждое ему самому содержание желудка.

Родственное гневу чувство *стыда* воплощается также через кровеносную систему. *Стыд* – это зачаток гнева на самого себя, это протест против своего неподобающего поведения. При ощущении стыда кровь приливает к лицу, у человека краснеют щёки, шея, уши.

Гордость, наоборот, есть удовлетворительное чувство соответствия поступков человека тому, чем он хочет и обязан быть. Проявляется гордость в напряжении мышц тела, в выпрямлении осанки, во вздёргивании головы, что, в частности, приводит к некоторому задиранию носа.

Страх – это сжатие души в себе самой перед угрозой кажущейся неминуемой потери в форме физического или морального ущерба для себя или своих близких. Проявляется страх в оттоке крови от лица, в побледнении кожи и дрожи тела. В *испуге* мы ощущаем внезапное несоответствие чего-либо внешнего (ситуации, предмета) нашему субъективному представлению. Испуг воплощается в нервной системе организма, что приводит, в частности, к заиканию, трясучке, обездвижению конечностей.

Зависть – это чувство непреодолимой зависимости от каких-либо обстоятельств. Зависть, следовательно, – это хроническое чувство страха за своё положение, которое приводит к заболеваниям сердечно-сосудистой системы.

Жалось к самому себе отражается на печени, **жадность** – на желудке.

Таким образом, внутренние идеальные ощущения души (аффекты) воплощаются в теле, благодаря чему они делаются ощутимыми как для самого человека, так и для окружающих его людей. У радостного человека лицо светится, глаза сияют, внутри всё поёт, ноги пляшут. У человека, скованного горем, лицо мрачнеет, глаза тускнеют, тело обмякает.

Неужель под душой так же падаешь, как под ношей?

Воплощение внутренних ощущений души происходит также и посредством *голоса*. В *плаче*, в *смехе*, в *криках*, в *причитаниях* внутренние ощущения человека находят такой способ своего внешнего проявления, при котором они исчезают с той же скоростью, с которой успевают обнаружить себя. Переходя в звуки, они незамедлительно покидают человека.

Смех вызывается противоречием, обнаруживающимся в результате того, что нечто оборачивается своей противоположностью, за счёт которой оно само себя отрицает. При этом предполагается, что сами смеющиеся не находятся во власти такого предмета и не рассматривают его как свой, ибо в противном случае они не смеялись бы, а плакали.

Плач противоположен смеху. В плаче проявляется внутренняя разорванность человека – *боль*. В слезах боль преобразуется в химически нейтральное соединение – воду. В выделении слёз заключается целебное действие плача.

Язык позволяют человеку выражать свои внутренние переживания в словах, благодаря чему они приобретают предметную форму и становятся внешними. Есть большой смысл в том, что в случае смерти читают молитвы, поют погребальные песни и выражают соболезнования. Сколь ни тягостны и ни формальны слова соболезнования, тем не менее они содержат в себе ту хорошую сторону, что в ходе их проговаривания происходит повторное обсуждение случившейся утраты. Благодаря этому интимная скорбь души выносится вовне. В таких ситуациях рекомендуют *разговорить* замкнувшегося в горе человека, помочь ему *излить* свою душу.

Таковы внешние и внутренние ощущения людей. Внешние ощущения, поступая через органы чувств тела, становятся внутренним идеальным достоянием души, а внутренние идеальные ощущения (аффекты) души, воплощаясь в теле, делаются внешними.

§ 402. На этом мы завершаем рассмотрение природных качеств души. Они формируются: а) временами года, временем суток, погодой; б) религиозной средой, национальным духом народа, семейными чертами, зодиакальной принадлежностью; в) врождёнными задатками, темпераментом и характером. Душа также подвержена смене своих естественных состояний, которые проявляются: а) как возраст; б) как половое влечение; в) как чередование сна и бодрствования. И, наконец, в *бездне* своих ощущений душа каждого человека находит своё собственное неповторимое содержание. Противопоставляя себе это содержание, душа делает его предметом своего внутреннего восприятия, благодаря чему у человека формируется *чувство самого себя*.

Чувство самого себя

§ 403. Душа каждого человека находит себя в бездне наполняющих её ощущений. Но находит себя не пальцами, не языком и не глазами, подобно тому как наше сознание обнаруживает окружающие нас предметы, и не умом, ибо в душе ума ещё нет. Она находит себя посредством *обретения* в самой себе *чувства самой себя*. Противопоставляя себе своё собственное наполнение, душа учится чувствовать его, а через это чувство – узнавать в нём самое себя и владеть собою.

§ 404. Индивидуальное *Я* человека имеет своим основанием два корня. Первый корень – это *чувство самого себя*, которое проявляет себя по формуле: "Я есть то, что я в себе ощущаю, а то, что я в себе ощущаю, то и есть моё Я". Второй корень – это наше *сознательное Я*, которое действует на основе знаний об окружающем мире и о самом себе как реальном предмете, существующем в координатах этого мира.

Оба корня сливаются в одно наше Я, которое они совместно удерживают в рабочем состоянии на протяжении всей нашей жизни. Но здесь, в учении о душе, нас интересует только первый корень нашего Я, выходящий из *чувства самого себя*. (Второй корень будет рассматриваться в учении о сознании.) Соответственно, наша задача заключается теперь в том, чтобы проследить сам процесс формирования этого корня – индивидуального *чувства самого себя*.

Ступени формирования чувства самого себя.

На первой ступени дух человека ещё целиком погружен в мир ощущений души и подчинён ему. Это – ступень *предчувствия* человеком самого себя.

На второй ступени – *становления чувства самого себя* – дух человека входит в отношение противоположности к миру ощущений своей души, благодаря чему он начинает различать и осваивать эти ощущения. На этой ступени ещё несформировавшееся чувство самого себя подвергает дух человека опасности вхождения в состояние *помешательства*.

На третьей ступени – *утверждения чувства самого себя* – благодаря появлению *привычки* к владению своим телом и миром своих ощущений в человеке закрепляется его *чувство самого себя*.

1. Предчувствие самого себя

§ 405. На первой ступени становления чувства самого себя дух человека ещё не находится в отношении противоположности к наполнению своей души. Он ещё пребывает в состоянии полной погруженности в него. Соответственно, на этой ступени у человека нет *чувства самого себя* как такового, а есть лишь некоторое *предчувствие* самого себя.

Появляется это предчувствие в силу того, что наполнение души – бездна содержащихся в ней ощущений – живёт своей активной внутренней жизнью. Всё то, что когда-либо, где-либо и как-либо ощущалось нами, не лежит в ней

пассивным грузом. Весь содержащийся в душе сонм ощущений постоянно чувственно переживается ею, в ходе чего в нас исподволь меняются настроения, эмоциональные состояния, появляются какие-то неосознанные побуждения и предчувствия. Вот эта автономная от сознания чувственная жизнь души, которая протекает в каждом из нас, даёт эффект *предчувствия* самого себя.

Такое предчувствие самого себя в зависимости от реальных обстоятельств его проявления называют по-разному: *подсознанием, интуицией, наитием, внутренним голосом, шестым чувством, нутром*, которым чуют, и т.д. Гегель называет его *Гением*, поскольку этим именем в древнеримской мифологии называли бога, олицетворявшего собой индивидуальные задатки и внутреннее своеобразие человека. Считалось, что каждый мужчина имеет в самом себе своего Гения, а каждая женщина – свою Юнону. Но поскольку в русском языке слово *гений* имеет более широкое применение – им называют у нас то, что принадлежит гениальности, таланту и просто оригинальным поступкам человека, – постольку, во избежание разнотолков, мы будем называть ступень предчувствия человеком самого себя *интуицией*, или *внутренним голосом*.

Интуиция, или *внутренний голос* человека, вещающий от имени чувственной жизни его души, оказывает прямое влияние на все стороны его сознательной деятельности. Мы выстраиваем свою жизнь и совершаем свои поступки, руководствуясь не только сознательным расчётом, но и подсказками своего внутреннего голоса (интуиции, наития, подсознания).

Формы проявления внутренней жизни души. К проявлениям внутренней жизни души относятся такие явления человеческого духа, содержание которых не опосредовано деятельностью сознания человека, его размышлениями о данных предметах. К таковым относятся: сны, различные видения, предчувствия, озарения и т.п. Наши сознательные размышления строятся на базе имеющихся у нас знаний о внешних предметах и существующих между ними причинно-следственных связях, а также об их пространственно-временных координатах. Но благодаря внутренней чувственной жизни души в голове человека также появляются какие-то сведения о реальных предметах, которые никак не связаны со знанием их объективного положения.

Проявления внутренней жизни души бывают:

- нормальные,
- паранормальные.

К **нормальным проявлениям** чувственной жизни души относятся:

- а) обычные сновидения;
- б) нисхождение души матери на эмбрион;
- в) влияние внутреннего голоса на принятие решений сознательным Я.

а) Обычные сновидения. В состоянии сна сознание бездействует, зато активизируется чувственная жизнь души. В состоянии бодрствования, наоборот, на первое место выходит активная деятельность нашего сознания, тогда как чувственная жизнь души отходит на второй план. В период бодрствования сознание человека всему находит *рациональное*, т.е. опосредованное деятельностью мышления, объяснение. Поскольку во время сна сознание отдыхает, присущая ему рациональная картина миропонимания затемняется и ей на смену приходит продуцируемое чувственной жизнью души *иррациональное* видение событий, называемое *сновидениями*.

В состоянии сна душа человека находится в непосредственном отношении со своим внутренним миром, с бездной (сонмищем) заполняющих её ощущений. Все те ощущения, которые незримо и бесконтрольно со стороны бодрствующего сознания поступали в душу человека на протяжении всей его жизни и последних дней в особенности, во время сна перемещаются на первый план. Складывающиеся из них образы предметов и событий выходят из-под власти сознания, которому они подчинены в период бодрствования, и попадают под власть чувственной жизни души. Душа *переживает* всю массу своих ощущений и выстраивает свою чувственную вязь образов и событий.

В период сна человек не имеет возможности соотносить свои представления с объективным положением дел, отслеживаемым нашим сознанием в состоянии бодрствования, поэтому в сновидениях встречаются самые причудливые и рационально не объяснимые сочетания образов и событий. Только в зависимости от того, в какое время ночи приснился человеку сон, мы можем обнаружить в его содержании какую-либо связь с действительностью. Дополуночные сновидения ещё связаны, как правило, с делами минувшего дня. Но уже в полночь сон делается более крепким и душа, освобождаясь от образов минувшего дня, погружается в свои глубины. После полуночи содержание снов становится совсем произвольным.

В состоянии сна душа человека имеет в своём распоряжении весь арсенал своих как былых, так и совсем свежих ощущений, в том числе и тех, на которые сознание человека никогда не обращало своего внимания. С этой точки зрения

можно сказать, что душа располагает значительно *большим* объёмом информации как о внешних обстоятельствах жизни, так и о функциональном состоянии самого человека, чем его сознание. Поэтому в сновидениях часто возникают такие образы и их сочетания, которые могут указывать на приближение какого-то события, о котором сознание человека ещё ничего не знает. Такие сны называют *вещими*.

В ходе своей интенсивной ночной жизни душа чувственно улавливает тенденции грядущего дня и утром после пробуждения подсказывает нам их. Поэтому-то и говорят: "Утро вечера мудренее", поскольку ночная жизнь души не только даёт возможность отдохнуть сознанию, но и на протяжении всего сна осуществляет свою собственную, недоступную для сознания работу, по результатам которой выдаёт нам к утру свои рекомендации. Но эти рекомендации поступают в наше сознание не в форме рациональных доводов, а в форме интуитивного чувства (наития), склоняющего нас в сторону принятия того или иного решения.

Во сне многие люди находили ответы на те вопросы, решением которых они были заняты в период бодрствования. Такие творческие озарения приходятся в основном на начальную фазу сна, называемую состоянием *дрёмы* или *полудрёмы*. Умирает же большинство людей, наоборот, под утро, в период так называемой *вегетативной бури* в организме, когда душа, настраиваясь на содержание нового дня, выявляет потенциальную неспособность своего организма прожить этот день.

б) Нисхождение души матери на эмбрион. В ситуации с беременной женщиной мы имеем два разных существа: мать и дитя, которые, однако, представляют собой единство ещё неразвернувшейся противоположности. Перспектива внутриутробного развития эмбриона заключается в том, что он должен по прошествии определённого времени отделиться от матери и стать самостоятельным субъектом. Детородная функция материнского организма, в принципе, состоит в том же: сформировать плод и вытолкнуть его из себя, с тем чтобы вернуться к своей самостоятельной жизни.

Душа матери является для эмбриона чем-то внешним по отношению к его будущей самостоятельности. Но так как эмбрион развивается в её утробе, он погружен в мир её ощущений. Ему быть да плыть тем же курсом, пока его не родят. И весь этот период душа матери дана ему как его собственная душа. Ребёнок, следовательно, получает от матери не только её плоть, но и её душу.

Материнская душа – это начало нисхождения духа рода человеческого на формирующегося в ней нового человека. Подобно тому как в жизни общества старшие поколения передают сознанию молодых людей все свои знания, умения и традиции, так и на эмбриональной стадии мать передаёт ребёнку весь сонм ощущений своей собственной души. Девять месяцев пребывания в утробе – это по сравнению с общей продолжительностью жизни человека составляет что-то около 1% времени. Но за этот период эмбрион воспринимает от матери глубинный, наследный пласт мира ощущений её души, который становится фундаментом его собственного духа.

Этот наследный пласт ощущений души передаётся от поколения к поколению по материнской линии. Когда говорят, что женщина даёт жизнь, то это не совсем правильно. Новая жизнь зарождается только через слияние репродуктивного вещества представителей обоих полов. Но то, что женщина на протяжении 9 месяцев вынашивает ребёнка, который за этот период вбирает в себя весь мир ощущений её души и делает его своим, – этот дар является действительно привилегией женщин. В этом, видимо, кроется исток подсознательного благоговейного отношения мужской половины человечества к девушке, к женщине, к матери. На этом же основано чувство женской гордости, чувство природного превосходства. Сугубо женская фраза "Я тебя под сердцем носила" в невыразимой форме содержит в себе напоминание о том, что в каждом из нас заложена не только материнская плоть, но и её душа.

По этой же причине носящая женщина не способна скрыть своего истинного отношения к ребёнку: хочет она его или нет, любит она его или нет. Всё это, как материал простого внутреннего чувствования, нескрываемо для него и откладывается в недрах его души. Эмбрион подвержен всем душевным переживаниям своей матери, которые отражаются на его физическом развитии. Да и после своего рождения дети ещё долгое время – до 10-12 лет и более – продолжают находить чувственную опору в душе своей матери.

Здесь же, видимо, лежит ответ на вопрос: можно ли детей выращивать в пробирке? Можно, если в качестве пробирки будет использоваться хотя бы лоно донорской женщины-матери, ибо в дополнение к пробирке требуется ещё и наличие живой души. То же самое касается и проблемы **клонирования**. В одну и ту же душу, как в одну и ту же реку, нельзя войти дважды, всякий раз вас будут омывать не только другие воды, но и другой поток ощущений. А поскольку душа является внутренним архитектором нашего тела, *клон* будет

отличаться от своего *оригинала* не только *идеальным* миром ощущений своей души, но и *физическими* особенностями своего организма. Душа, следовательно, неповторима не только в пространстве, но и во времени.

Когда речь заходит о таких вещах, как *реинкарнация* (переселение души усопшего в новое тело), когда человек заявляет о том, что ощущает в себе связь с прошлыми временами, отстоящими от нас на тысячелетия, что он, например, чувствует себя древним египтянином или средневековым рыцарем, то для *рационального* объяснения таких явлений остаётся только одна зацепка: связующая души поколений нить – период эмбрионального развития человека. За этот 1% времени от общей продолжительности жизни, который каждый человек проводит в материнской утробе, он впитывает в себя наследный, эстафетный пласт мира ощущений души, который затем таким же образом передаёт своим детям. Вот этот наследный пласт ощущений может рассматриваться в качестве той пуповины, которая связует души многих поколений людей и может вызывать у отдельных индивидуумов ощущение их принадлежности к культурам других времён и народов.

в) Влияние внутреннего голоса человека на его сознательное Я.
Чувственная жизнь души оказывает непосредственное влияние на все решения, принимаемые нашим сознательным Я. Переживая бездну своих ощущений, душа не хуже него, хотя и по-своему, "знает" окружающую обстановку и наше функциональное состояние на данный момент. А учитывая то, что она имеет в своём распоряжении и тот сонм ощущений, о наличии которого наше сознание даже не подозревает, можно сказать, что вещающий в каждом из нас от имени души внутренний голос (интуиция) более осведомлён об обстоятельствах нашей жизни и более подготовлен к принятию тех решений, которыми обременено наше бодрствующее сознание. Поэтому именно наш внутренний голос является, в конечном счете, тем оракулом, от мнения которого зависят все решения, принимаемые нашим сознательным Я.

Не только отдельные поступки, но и весь жизненный путь человека определяется при неизменном участии голоса его души. Переживая содержащуюся в ней бездну ощущений, душа чувственно улавливает как изменяющуюся вокруг нас оперативную обстановку, так и общую направленность развития мира. За счёт этого она помогает входящему в жизнь молодому человеку определять свой путь не только по здравому расчёту, но и

по *наитию*, по подсказке его внутреннего чувства, по непонятно откуда приходящему к нему ощущению того, к чему ему следует стремиться и какие шаги предпринимать. Поэтому мудрые наставники советуют молодым людям в первую очередь *искать* в этой жизни *самих себя*, а стало быть, прислушиваться к самому себе, к голосу своей души. "Вот мой секрет, он очень прост: зорко только сердце, глазами главного не увидишь", – говорил один из героев Антуана де Сент-Экзюпери.

Бодრствующее сознание человека столь сильно зависит от повелений его внутреннего голоса, что наше самостоятельное сознательное Я вполне может считаться несамостоятельным. Причём таковым ему суждено оставаться на протяжении всей нашей жизни.

И ни науки, ни искусство,
Ни жар страстей и ни вино
Не истребят *шестое чувство*,
Что нам с рождения дано.

Но такое миролюбивое взаимодействие двух начал нашего единого Я существует лишь в условиях здорового состояния духа человека. В тех же случаях, когда между ними происходит разлад и чувственная жизнь души завладевает сознанием человека, наступает черёд *паранормальных* проявлений её внутренней жизни.

Возможность паранормальных проявлений душевной жизни обуславливается тем, что единый дух человека подразделяется на *душу* и на *сознание*. В нормальном состоянии они сливаются друг с другом в одно наше "Я". Когда же сознание по какой-либо причине перестаёт выполнять свою функцию в организме, тогда наша душа принимает её на себя и начинает работать как за себя, так и за бездействующее сознание.

Современные парапсихологи называют такие состояния духа человека "отчуждением личности", но это слишком грубое определение. Находясь в таком состоянии, человек утрачивает лишь тот принцип связи с окружающими предметами, который присущ его сознательному Я, – через осознаваемую им противоположность к внешнему миру. Эта противоположность аннулируется, а ей на смену приходит душевный принцип связи человека с окружающим миром, основанный на непосредственной чувственной слитости с ним.

§ 406. К паранормальным проявлениям чувственной жизни души относятся:

- а) лозоходство;
- б) лунатизм (сомнамбулизм) и каталепсия (кататонический ступор);
- в) ясновидение.

При возникновении таких состояний в голове человека появляются новые **знания**, никак не связанные с работой его сознания. Человек находит в себе какие-то сведения о реальном мире, но не так, как это происходит в повседневной жизни, когда мы получаем знания о предметах либо путём их самостоятельного исследования, либо по сообщениям, поступившим от другого человека. При паранормальных проявлениях душевной жизни новые знания появляются в голове человека, минуя его сознание, неведомо какими путями. (Современные парапсихологи называют такой способ получения знаний *сверхчувственным восприятием* – СВ.)

Оценивая такие явления, следует избегать двух крайних точек зрения. Одна, назовём её точкой зрения *здравого смысла*, попросту отрицает все эти факты. Другая, назовём её точкой зрения *мистифицирующего рассудка*, наоборот, переоценивает их, придавая им значение глубоких истин, перед которыми должны меркнуть все доводы разума. Для рационального объяснения указанных явлений следует обратить внимание на следующие моменты.

Первое. Необходимо освободиться от убеждения о безраздельном господстве в человеке его сознания и присущего ему мышления. Помимо сознания, у человека есть душа. Причём **душа первична** по своему происхождению. Сознание возникает позже души и на её основе. И то, что наше сознание иногда действительно уступает свою функцию душе (при лозоходстве, лунатизме, ясновидении), не следует рассматривать как какую-то катастрофу, происходящую с психикой человека, либо, наоборот, как какое-то чудо, пришедшее к нему со стороны. Скорее, это надо расценивать как временное отступление духа человека на один шаг назад, подобно тому как взрослым иногда приходится, как в детстве, перемещаться на четвереньках. Соответственно, когда сознание перестаёт выполнять свои функции, тогда душа человека по праву старшего принимает на себя его обязанности, которые она исполняет на основе присущего ей самой чувственного способа связи с окружающим миром.

Второе. В отличие от сознания, душа не находится в отношении противоположности к окружающему миру, а чувственно слита с ним. А это значит, что ко всем тем предметам, с которыми человек *сознательно* связан в своей повседневной жизни, в его душе существует параллельный мир чувственных отношений. Такие слова, как родители, дети, соседи, друзья, коллеги, туфли, костюм, шапка, дом, подъезд, город, страна, – имеют в душе каждого человека своё вполне конкретное чувственное наполнение. К каждому человеку, с которым я нахожусь в устойчивых родственных, дружеских или деловых отношениях, в моей душе существует своё конкретное чувство. Точно так же и к каждому предмету, которым я пользуюсь, в моей душе существует своё чувственное отношение: любимый диван, неудобный умывальник, тесные туфли и т.д.

Человек соединён с окружающим его миром предметов паутиной невидимых для его сознания нитей чувственной связи: личные вещи, привычный порядок в доме, на работе, в городе, в стране и т.д. И если убрать из головы человека сознательные определения этих предметов, то чувственная связь с ними останется. Этот отложившийся в душе человека круг предметов, с которым он чувственно сросся, является естественным продолжением его внутреннего мира. Разорванность такого круга выражается, например, как чувство тоски по Родине, как чувство потерянности отлучённого от родного дома или от любимого дела человека, как ощущение зияющей раны в душе при потере близкого человека. (Вспомните поведение домашней собаки, потерявшей хозяина.)

Третье. Чувственность существует для чувственности. Иначе говоря, чувственная связь людей взаимна. Не только я питаю определённые чувства к каждому знакомому мне человеку, но и они встречным образом питают их ко мне. А поскольку, как мы уже говорили, идеальные ощущения человека (его переживания, волнения и т.д.) воплощаются в его теле, мы можем узнать о состоянии другого человека не только рациональным способом (через его рассказ о самом себе, своих делах и болячках), но и чувственным способом, воспринимая его внутренний мир через ощущение его плоти.

Предметы, выходящие за пределы чувственного восприятия, такие, как научные знания, инженерные проекты и им подобные, которые доступны только для бодрствующего сознания человека, в этот круг вообще не попадают.

Четвёртое. В сознательном состоянии мы можем получить знания о чём-то далёко отстоящем от нас только при условии, если мы преодолеем это разделяющее нас пространство каким-то опосредованным способом – получим от кого-то информацию либо сами побываем на месте событий. Но для души, чувственно слитой с окружающим миром, такой преграды не существует. Когда функция сознания переходит к ней, тогда снимаются все зафиксированные мышлением определения ещё *не преодолённого* пространства: *здесь – там, близко – далеко, рядом – на краю света*, и т.д. Они имеют власть над мышлением, но не над чувственным миром души.

Пятое. Когда сознание человека "отключено", тогда происходит резкое увеличение интенсивности его душевной жизни, как за счёт активизации всех её внутренних ресурсов, так и за счёт усиления деятельности внешних органов чувств. Глубина погружения духа человека в бездну ощущений души в нормальном жизненном состоянии имеет одно значение. Но когда его душа вынуждена исполнять не только свою функцию, но и функцию сознания, тогда значение её собственных активов резко возрастает. Равным образом и разрешающая способность органов чувств человека при бодрствующем сознании имеет одни пределы, а при снижении его власти – совсем другие. Известно, например, что многие животные слышат звуки и ощущают запахи на расстоянии десятков, сотен и даже тысяч километров (лисы, верблюды, киты). И если человек отличается от животных именно мышлением, которое сдерживает возможности его непосредственной чувственной связи с миром, то в тех ситуациях, когда его деятельность парализована, психика человека возвращается в естественно-природное состояние и интенсивность его чувственной связи с внешним миром резко возрастает.

С учётом всего сказанного мы обратимся теперь к тем паранормальным явлениям, которые наблюдаются в нашей жизни.

а) При **лозоходстве** некоторые люди, будучи в совершенно здоровом уме и бодрствующем сознании, оказываются способными чувствовать места расположения под землёй воды, металлов, нефти. Такие же способности в отношении, например, чувствования подземной воды обнаруживают и многие виды животных.

б) При **лунатизме** (сомнамбулизме) человек, находясь в состоянии сна, способен ходить, производить какие-то несложные действия и даже разговаривать. Такие люди действительно спят, но при этом они хорошо ориентируются среди привычного круга предметов. Возможность такого поведения обеспечивает их душа за счёт присущего ей чувственного способа связи с окружающим миром. Важно принять во внимание, что вести себя подобным образом лунатики могут только среди тех предметов, с которыми они связаны в повседневной жизни, расположение и значение которых им хорошо знакомо: убранство собственного двора и квартиры, предметы туалета и быта и т.п. И если вдруг такой человек окажется в незнакомой обстановке, он будет ошибаться в значении окружающих его предметов. Здесь для примера можно вспомнить "окопную болезнь", которой страдал рядовой Некрасов из романа Михаила Шолохова "Они сражались за Родину". (В фильме эту роль исполняет Юрий Никулин.)

Противоположностью лунатизма является состояние **каталепсии** (катотонический ступор), при котором сознание человека бодрствует, но тело не подчиняется ему. Связь сознания с телом блокирована его душой. (Данная форма болезни станет более понятна после знакомства с §§ 409-410.)

Лунатизм и каталепсия являются болезненными состояниями духа человека, и к ним, как и к лозоходству, относятся без всякой мистики как к вполне естественным явлениям. Лунатизм, в частности, проявляется преимущественно в период полового созревания подростков, когда значительно возрастает чувственная жизнь их духа.

в) Третье явление – **ясновидение как таковое** – состоит в том, что у человека появляются видения каких-то предметов или событий, далеко отстоящих от него в пространстве либо даже во времени. Такие видения происходят при различных состояниях духа человека.

Во-первых, они могут возникать при болезненных состояниях, когда человек теряет сознание и, погружаясь в мир чувственной жизни своей души, начинает бредить. В таком состоянии человеку может пригрезиться всё что угодно. Очень редко у таких людей могут возникать видения, совпадающие с реальным положением дел.

Кроме того, погружаясь в свои глубины, душа может "вспомнить" о каком-то своём содержании, которое было давно забыто. Человек может заговорить на незнакомом языке, слышанном им когда-то давно, или повторить ранее

прочитанные, но никогда не заучиваемые тексты. В таком состоянии человек способен узнавать нечто новое о своём теле, об угрожающих ему болезнях.

Во-вторых, в результате самопогружения натренированного человека в состояние, при котором его сознание с акцентированной в нём проблемой отдаётся во власть чувственной жизни души: медитация, шаманство.

В-третьих, у некоторых людей в нормальном состоянии проявляется способность к получению каких-то сведений о предметах и событиях, к которым они не имеют прямого отношения: пропавший человек, обстоятельства совершённого преступления или несчастного случая и т.д. При этом, как правило, рядом с ними присутствует кто-то из близких того человека, сведения о котором требуется получить. Через ощущение внутреннего мира таких людей ясновидящие способны получать знания о предметах и событиях, к которым сами они не имеют отношения.

Соощущать душевное и телесное состояние близкого человека способны и вполне нормальные люди. Если душевные отношения людей (обычно родственников) имеют высокую степень интимности и глубины, то они способны испытывать на себе всё происходящее с их близкими. Таких примеров очень много и в нашей повседневной жизни. То же самое мы имеем и в ситуации с так называемыми *экстрасенсами*. Такие люди, находясь в здравом сознании, способны определять физическое и духовное состояние других людей. Определять у них очаги заболевания и душевные травмы.

Что же касается способности *предвидения* будущего, то она, надо полагать, основана на развивающем вхождении в *интенсивную суть* того события, которое стало предметом видения. Так, например, учёба в институте завершается его окончанием, обычная простуда сопровождается температурой и лечением, поездка в гости предполагает пользование транспортом и т.д. Но именно здесь у ясновидящих возникает главная трудность. Обретя видение будущих событий, они пытаются истолковать их по способу бодрствующего сознания. Для этого им необходимо ввести содержание своего видения в определения пространства и времени. В ходе этого открывается простор для фантазий и заблуждений. Время никогда не указывается и не может быть указано ясновидящими в точности.

Гипноз. Подобно тому как само собой возникающие паранормальные состояния духа человека переходят в зависимость от внешних обстоятельств (от воспринимаемого предмета при лозоходстве, от собеседника при лунатизме,

от внутреннего мира другого человека при ясновидении), так и, наоборот, причиной наступления таких состояний может стать внешнее воздействие на человека. Погружая человека в состояние сна, гипнотизёр тем самым отключает его собственное сознание и подключает своё. Гипноз – это своего рода донорское сознание.

Посредством своих команд гипнотизёр может ввести испытуемого либо в состояние лунатизма, при котором тот будет с закрытыми глазами перемещаться в пространстве, либо в состояние каталепсии, когда на испытуемого найдёт оцепенение, либо в состояние ясновидящего-контактёра, концентрируя внутреннюю чувственную жизнь его души на каком-то определённом направлении.

Однако намеренно вызываемые у испытуемых состояния не отличаются по своему содержанию от уже описанных. Гипнотизёр, в принципе, способен вызвать лишь только то, что и без него проявляет себя непосредственным образом: тот же лунатизм, каталепсия, нацеленное ясновидение, активация экстрасенсорных способностей и т.п.

Таким образом, возникающие на ступени предчувствия человеком самого себя проявления его внутренней душевной жизни обнаруживают себя в двух формах: 1) в *нормальной* форме: сновидение, нисхождение души матери на эмбрион, влияние внутреннего голоса человека на его сознательное "Я", и 2) в *паранормальной* форме, когда душа человека начинает выполнять функции его сознания: лозоходство, лунатизм, ясновидение. Но если нормальные проявления душевной жизни имеют всеобщее распространение, то паранормальные носят случайный и непредсказуемый характер. В массе своей люди этим не страдают. Да и у конкретных индивидуумов паранормальные способности проявляются не все и не сразу. У кого-то – одна из рассмотренных способностей, у другого – другая, у третьего – третья.

Возвращаясь к общей оценке паранормальных явлений нашей жизни, следует повторить, что возникают они в тех случаях, когда душа человека принимает на себе функцию своего бездействующего сознания, которую она начинает выполнять согласно присущему ей самой способу чувственной связи с внешним миром. Поэтому при ясновидении, как и в состоянии обычного сна, все возникающие образы теряют свою рациональную основу и подпадают под власть случайности чувственной жизни души. В них вторгаются посторонние

образы, а также домыслы самих ясновидящих, стремящихся увязать свои отрывочные видения в одно целое. В силу этого нельзя с уверенностью сказать, чего больше в ясновидении: истинности или заблуждений. Но, во всяком случае, нелепо считать ясновидение более высоким состоянием духа, пребывая в котором человек якобы обладает большими способностями к установлению истины, чем его бодрствующее сознание.

С другой стороны, столь же нелепо огульно отрицать такие паранормальные явления, апеллируя к тому, что человек – сознательное существо и, следовательно, только те проявления его духа, которые опосредованы деятельностью сознания, имеют право на признание. Сознание – сознанием, но и про душу нельзя забывать. Без неё наше сознательное Я теряет свои телесные корни и повисает в воздухе. Следует признать поэтому весьма удачным определение, которое используют парапсихологи, называющие такие явления *паранормальными*. Оно подчёркивает, что данные проявления психики человека нельзя считать нормальными, поскольку назначение людей состоит в том, чтобы познавать мир и действовать в нём разумным образом. Но их нельзя считать и ненормальными в сверхъестественном и мистическом значении этого слова, поскольку они основаны на чувственной жизни мира ощущений души человека.

Такова ступень *предчувствия* человеком самого себя. Это ещё не есть наше *чувство самого себя* как таковое. Для того чтобы оно утвердилось, душа должна противопоставить себе своё собственное наполнение, свыкнуться с ним и подчинить его себе. Иначе говоря, душа должна опосредовать отношение к своему содержанию собственной деятельностью. То, что есть в ней только *в себе*, она должна сделать также и *для себя* и через это обрести чувство своего тела и своего мира ощущений.

2. Становление чувства самого себя

§ 407. Душа человека непосредственно пронизывает собой всё его тело. В силу этого она вбирает в себя всё многообразие его внутренних ощущений. Наше *чувство самого себя* не заключено в каком-то одном особенном внутреннем ощущении. Такого ощущения просто нет. *Чувство самого себя* состоит из всей совокупности наших внутренних ощущений.

ощущение желудка
ощущение дыхания
ощущение головы
ощущение ног
ощущение рук
...
ощущение спины

} **Я**

Тело человека не есть некое застывшее в своих членах монолитное изваяние. Оно представляет собой живую деятельную систему многих членов и органов. Сообразно этому человек ощущает самого себя как нечто внутренне разделённое и многообразное. Соответственно, его общее чувство самого себя складывается из совокупности всех таких особенных внутренних ощущений.

Например: я чувствую самого себя через то, как я поворачиваю голову, как я закрываю и открываю глаза, как я действую своими руками, как я хожу своими ногами, как я сижу, как я лежу, как я думаю, как я хочу есть, как у меня бьётся сердце, как ступни ног обжимают ботинки и т.д. Я также воспринимаю себя изнутри через те ощущения, которые переполняют мою душу: грусть, тоска, радость, боль, злость и т.п. Все эти особенные внутренние ощущения образуют в своей совокупности моё единое чувство самого себя.

Но для того чтобы у человека сформировалось устойчивое чувство самого себя, его душа должна: а) противопоставить себе всё многообразие своих внутренних ощущений; б) научиться различать их; в) должна свыкнуться с каждым из них и взять их все под свой контроль. Такая контролируемая душой совокупность всех внутренних ощущений – членов и органов тела, appetitов и потребностей, волнений и побуждений, – даёт каждому человеку в итоге единое индивидуальное *чувство самого себя*.

§ 408. Помешательство. В силу того, что *чувство самого себя* акцидентально по своей природе, т.е. оно локализовано в пределах одного человека и распространяется только на его субъективность, оно способно ошибаться. Возникают такие ошибки из-за того, что какое-то одно из многих внутренних ощущений человека может возобладать над остальными, что в

итоге приводит к деформации всего его чувства самого себя в целом. В результате возвышения одного особенного внутреннего ощущения над другими человек может начать ощущать самого себя не тем, кем он является на самом деле, а тем, кем он себя вообразит на основании этого ощущения. Например, если у меня средний рост, короткая стрижка и я люблю размышлять о судьбах человечества, то на этом основании я могу почувствовать себя Наполеоном Бонапартом. А если у меня длинные пальцы и я ощущаю в себе склонность к музыке, то исходя из этих данных я могу почувствовать себя маэстро Никколо Паганини.

Вместе с тем, как мы уже говорили, наше "Я" имеет в своём основании два корня: а) *чувство самого себя*, о котором теперь идёт речь, и б) *знание самого себя*, о чём речь будет идти в учении о сознании. Соответственно, в своей реальной жизни человек находит самого себя не только благодаря чувству самого себя, но и благодаря *знанию* себя в качестве субъекта определённого рода и имени, занимающего то или иное место в жизни. Это знание даёт ему его сознательное Я, которое имеет рациональную картину мира и действует исходя из неё. Например: я являюсь Ивановым Иваном Ивановичем, имею среднее образование, работают плотником, женат, имею двоих детей, живу в небольшом уездном городке в центральной России. У меня такие-то родители, такие-то друзья, такие-то интересы и перспективы в этой жизни.

Но если в моём ещё неокрепшем чувстве самого себя возобладает какое-то одно особенное ощущение, то этого может оказаться достаточно для того, чтобы привести моё единое Я в замешательство. Объективно Я буду продолжать оставаться тем, кем и был – плотником Ивановым, но субъективно, в чувстве самого себя, я могу вообразить себя хоть царём Иоанном Грозным. Почему именно им? А потому, допустим, что у меня тоже душа болит за целостность России. Вот это частное чувство, сближающее меня с тем, чему посвятил свою государственную деятельность Иоанн Грозный, может распространиться на всю мою субъективность и захватить её полностью. Тем самым моё субъективное чувство самого себя и моё объективное знание о самом себе начинают расходиться друг с другом. Во мне появляются два разных "Я". Одно – выходящее из чувства самого себя, другое – из моего сознания. При этом оба "Я" знают друг о друге и именно поэтому они вступают в конфликт друг с другом: я и царь Иоанн Грозный, и одновременно плотник

Иванов. Вот эта возникающая на почве неправильного чувства самого себя внутренняя разорванность субъекта определяется как состояние *помешательства*.

При помешательстве оба пристанища моего субъективного "Я" – а) крепко держащееся за свой внутренний мир ощущений *чувство самого себя* и б) развитое *сознание* со своей объективной картиной мира – расходятся друг с другом. Оба они знают друг о друге, но каждое из них действует теперь отдельно. У помешавшегося человека возникает как бы сновидение, пришедшее к нему в состоянии бодрствования. Такие сновидения в условиях бодрствующего сознания называют *бредом*. Но источник бреда заключён не в сознании человека, а в его душе, в неправильном чувстве самого себя, за которое она отвечает. Помешательство, следовательно, – это заболевание души, а не сознания.

Медицина рассматривает помешательство как болезнь, которую ей приходится лечить. Мы же рассматриваем здесь помешательство как промежуточную ступень в деле становления индивидуального *чувства самого себя*, находящуюся между ступенью *предчувствия* человеком самого себя и ступенью уже *утвердившегося* в нём этого чувства. Поэтому мы должны рассмотреть различные формы помешательства как восходящий ряд ступеней на пути становления чувства самого себя.

Преимственность форм помешательства проявляется как общая направленность становления чувства самого себя, начальным пунктом которого является состояние полной погруженности духа человека в процедуру чувствования самого себя, а завершением – состояние развившегося и утвердившегося в нём чувства самого себя. Восходящими формами помешательства являются:

- *слабоумие*: кретинизм, рассеянность и бестолковость;
- *тупоумие*;
- *безумие*.

В силу того, что подавляющее большинство людей проходит данную фазу становления чувства самого себя, не замечая её, мы, чтобы сделать этот материал более доступным, обратимся к следующему примеру. Чтобы освоить навык вождения автомобилем, начинающему водителю необходимо научиться делить своё внимание на две части. Одна его часть должна быть направлена на

управление рычагами автомобиля, а вторая – на отслеживание ситуации на дороге. На пути к приобретению такой способности начинающий водитель (курсант) проходит ряд этапов, последовательность которых в общих чертах отражает последовательность развития форм помешательства.

Сначала курсант знакомится с общим устройством автомобиля: колёса, двигатель, багажник, салон... Затем он изучает водительское место и рычаги управления автомобилем: руль, переключатель скоростей, переключатель сигналов поворота, педали тормоза, газа, сцепления. Далее он предпринимает попытку самостоятельно проехать на автомобиле. Для этого ему следует одновременно управлять всеми рычагами автомобиля и посматривать на дорогу. Но о каком посматривании на дорогу может идти речь, если всё внимание курсанта ещё безраздельно сосредоточено *внутри* автомобиля на рычагах его управления. Вот этот начальный этап обучения вождению, где всё внимание курсанта ещё целиком поглощено только процедурой работы с рычагами автомобиля, соответствует первой форме помешательства – *слабоумию*.

Первому виду слабоумия – *кретинизму* – соответствует здесь полная погруженность внимания курсанта в процесс знакомства с рычагами управления автомобилем.

Второму виду слабоумия – *рассеянности* – соответствует здесь тот момент, когда курсант пытается воспроизвести последовательность действия рычагами управления, но при этом он ещё путает их значение.

Третий вид слабоумия – *бестолковость* – соответствует обратной ситуации, когда начинающий водитель уже удерживает в своей памяти значение рычагов, но зато путает последовательность действия ими, хаотично хватаясь то за один из них, то за другой.

Если курсант оказался способным запомнить значение каждого рычага и последовательность действия ими, то далее перед ним встаёт задача, заключающаяся в том, чтобы попробовать проехать на автомобиле. На практике для этих целей существуют учебно-тренировочные площадки (автодромы), где, как правило, имеется небольшая кольцевая трасса, включающая в себя два-три поворота, условный перекрёсток, место для отработки приёмов парковки автомобиля. Поскольку условия там просты, курсант, освоив вождение автомобиля на данной площадке, быстро привыкает к ним. Он начинает ощущать в себе уверенность и даже некоторый кураж. Но этот навык вождения ещё столь ограничен, а условия езды столь оторваны от

реальных, что говорить о наличии у него полноценной способности к вождению слишком рано. Если его тут же выпустить на большую дорогу, то он запаникует и первым делом захочет вернуться назад, на привычную тренировочную площадку, где он чувствовал себя комфортно и надёжно. Вот эта ступень освоения практики вождения автомобиля в упрощённых условиях тренировочной площадки соответствует второй форме помешательства – *тупоумию*.

Наконец, третий этап обучения вождению связан с выездом на настоящую дорогу. Только в таких реальных условиях внимание курсанта начинает испытывать полную нагрузку. Одна его часть сосредоточена внутри автомобиля на рычагах управления, другая – вне его, на постоянно меняющейся ситуации на дороге. Если действия рычагами автомобиля будут расходиться с требованиями постоянно меняющейся ситуации на дороге, то авария неминуема. Этот этап обучения вождению соответствует в помешательстве ступени *безумия*.

Чтобы дело не доходило до аварии (до безумия), есть только одна панацея – доведение привычки пользования рычагами автомобиля до автоматизма. Привычными должны стать все те действия, которые необходимо выполнять рычагами автомобиля в соответствии с постоянно изменяющейся обстановкой на дороге: угол поворота руля, сила давления на педаль газа или тормоза, правильное нажатие на переключатель сигнала поворота и т.д. Слившись с этими внутренними элементами автомобиля, водитель просто перестаёт обращать своё внимание на работу с ними. Тем самым его Я получает возможность полностью переключиться на отслеживание ситуации на дороге. Опытный водитель уже не думает о том, *как* он управляет автомобилем, а думает лишь о том, *куда* он едет. Такова аналогия развития последовательности форм – ступеней помешательства, которые нам предстоит рассмотреть теперь подробнее.

Итак, первая ступень помешательства – **слабоумие**, где существуют три формы: кретинизм, рассеянность, бестолковость.

Кретинизм представляет собой состояние полной погруженности внимания субъекта в процедуру чувствования самого себя. Это врождённое заболевание, связанное с нарушениями в эндокринной системе, при которых происходит необратимая задержка физического и психического развития человека. Природная форма кретина – образ уродца с бессмысленным взором и с

потугами бессвязной речи. Незрелое, глухое внутреннее чувство самого себя – это большее, на что способен дух такого человека.

При *рассеянности* дух человека ещё находится в состоянии погруженности в процедуру чувствования самого себя, но при этом его сознательное Я уже имеет некоторую возможность удерживать отдельные знания об окружающем мире. Но, будучи сосредоточенным на процедуре чувствования самого себя, рассеянный человек ещё не способен устойчиво сохранять в своей памяти значение тех предметов, которые его окружают. Он постоянно путает их. Рассеянность проявляется и тогда, когда вполне нормальный человек, предаваясь своим глубоким размышлениям, отстраняется от внешнего мира предметов. Находясь в таком состоянии, он воспринимает окружающие его обстоятельства и предметы не в полном объёме. Образ человека рассеянного с улицы Бассейной нам хорошо знаком по стихотворению С.Я. Маршака.

Бестолковость возникает из неспособности ещё крепко привязанного к процедуре чувствования самого себя сознательного Я человека отслеживать и удерживать в памяти многообразные связи, существующие между реальными предметами. Это образ сияющего радостным взором эрудита, способного много говорить обо всём на свете, легко соскальзывая с одной темы на другую.

Если кретинизм – это состояние полной погруженности духа человека в процедуру ощущения самого себя, то рассеянность и бестолковость, как две стороны одной медали, показывают нам, что *душевный* и *сознательный* корень единого человеческого Я отличны друг от друга.

Тупоумие (*скудоумие, ограниченность*). При тупоумии основные ресурсы человеческого духа ещё отвлечены на процедуру чувствования самого себя. Однако некоторая часть его ресурсов уже может быть направлена на приобретение положительных знаний об окружающем мире и пользование ими. Если при слабоумии погруженное в чувство самого себя сознание человека ещё не способно устойчиво удерживать знания об окружающем мире, то при тупоумии оно уже обнаруживает эту способность, но в ограниченной мере. Туповатые люди располагают правильным пониманием вещей и событий, но в недостаточном для нормальной жизнедеятельности объёме.

Такой узкий круг знаний об окружающем мире вполне удовлетворяет самих тупоумных людей, поскольку они не способны осознать того разрыва, который существует между их представлениями и реальными масштабами жизни. Это мы при общении с ними обнаруживаем такое несоответствие. Сами же

тупоумные люди не терзаются этим. Образ тупоумца – это человек сосредоточенной в себе ограниченности, эдакий *сурьёзный* мыслитель. Более распространённая форма тупоумия – это узкий круг жизненных интересов, пребывая в котором, человек тем не менее ощущает себя вполне комфортно. Есть и ещё одна форма тупоумия, при которой люди, живущие в одних социальных условиях, как правило, благополучных, уже не могут понять проблемы людей, живущих в других условиях.

Безумие (*сумасшествие*). Только в третьей форме помешательства – *безумии* – сам субъект знает о своём расщеплении на два взаимно противоречащих начала. Основанное на нарушенном чувстве самого себя ошибочное представление человека о самом себе начинает расходиться с его разумным знанием об окружающем мире и о самом себе в этом мире. Так, например, безумный человек может ощущать себя очень маленьким существом, схожим по размерам с пшеничным зерном. Такой человек панически боится, что его склюют птицы, и всё время спрячется от них. Другой безумный, напротив, может ощущать себя очень большим человеком и по этой причине постоянно испытывать страх за то, что если он вдруг пописает, то затопит весь город.

В состоянии безумия в человеке уживаются как бы два разных существа: тот, кем он себя мнит, и тот, кем он является на самом деле. Однако само такое раздвоение личности – это ещё полбеда. Истинная беда состоит в том, что безумный человек, не будучи в состоянии освободиться от такой раздвоенности, испытывает потребность в том, чтобы либо воплотить своё субъективное представление в действительность, либо, наоборот, устранить то действительное, что противоречит его субъективному представлению о себе самом. Вот эта энергия хотения безумного человека во что бы то ни стало привести окружающий мир в соответствие со своим субъективным представлением о самом себе по сути своей есть начало разумности, ибо здравый рассудок требует от человека, чтобы его чувство самого себя соответствовало его знанию о самом себе. Но поскольку суть безумия в том и состоит, что порождаемые душевнобольным человеком субъективные представления о самом себе не имеют под собой объективного основания, постольку действительность оказывается неспособной принять их в себя.

Состояние безумия может возникать как вследствие глубокого сдвига в личной жизни человека, так и в результате резких перемен в жизни общества. Герой "Записок сумасшедшего" Н.В. Гоголя – Аксений Иванович Поприщин,

будучи чиновником низшего ранга, человеком бедным и неказистым, вдруг воспылал чувством любви к дочери своего высокопоставленного начальника. Понимая однако, что он ей далеко не пара, и вместе с тем испытывая к ней глубокое чувство, он в целях преодоления этого противоречия вообразил себе, что является титулярным советником. Но и этого ему показалось мало. Узнав из газет, что у испанского престола не осталось наследников по мужской линии, он поднял планку чувства самого себя ещё выше – стал ощущать себя королём Испании. При этом он продолжал сознавать и своё объективное положение: то, что находится в Петербурге, что живёт на квартире у Мавры, работает в департаменте. Однако ряд его действий был продиктован уже тем, что он ощущал себя наследником испанского престола: приходя на работу, снисходительно просил коллег не оказывать ему почестей, терпеливо ожидал приезда делегации, которая должна была просить его занять престол, и т.д.

Вот такая раздвоенность личности отличает подлинно помешанного человека от простого мечтателя и фантазёра. Таким безобидным мечтателем был, например, другой литературный герой, выписанный пером А.Н. Островского, – Миша Бальзаминов, который только любил представлять самого себя важной и богатой персоной (царём или генералом), но реально жил в согласии с тем, чем он был на самом деле, и не испытывал потребности совершать каких-либо расходящихся с его объективным положением поступков. Нормальный человек может при желании прикинуться помешанным, но у настоящего помешанного это – устойчивое состояние, которое требует от него и совершения соответствующих действий.

Мимолётные озлобления, которые случаются с каждым из нас, – это тоже проявление вспышек безумия. Вспомните, например, как в минуты сильной обиды и гнева мы теряем чувство реальности. Нам кажется, что мы способны покарать весь оскорбивший нас мир. Нам хочется наказать обидчика, раздавить эту "гадину", изничтожить её насовсем. И хотя этот обидчик может быть недосыгаем для нас или, возможно, он на голову выше нас ростом, да и в целом, вполне вероятно, он вовсе не заслуживает той кары, которую мы уготовили ему в своём разыгравшемся воображении и которую мы не в состоянии физически или технически осуществить, тем не менее в такие минуты мы *ощуцаем* себя способными на многое.

Разумный человек всегда умеет подавить в себе такие вспышки безумия за счёт всей мощи нравственных императивов, успевая к тому же подумать о возможных последствиях своих действий. Но в подлинном безумии, где

субъективное представление человека приобретает господствующее значение над его сознанием, тёмные силы сердца, сбрасывая заслоны нравственных устоев и разумных доводов, вырываются на свободу. Тогда озлобление безумных людей в лучшем случае проявляется в мании вредить другим, в худшем – во внезапно пробуждающемся стремлении к насилию.

Такова последовательность ступеней помешательства. Такие же ступени проходит каждый человек в процессе своего индивидуального развития. В самом раннем возрасте Я ребёнка ещё целиком погружено в процедуру чувствования самого себя. Он ещё не осознаёт ни самого себя, ни того, что его окружает. Это ступень возрастного *слабоумия*. *Рассеянность* проявляется тогда, когда ребёнок ещё не способен узнавать окружающие его предметы и, соответственно, путает их значение. *Бестолковость*, наоборот, проявляется в неспособности ребёнка к последовательному применению предметов согласно их назначению.

Ступень *тупоумия* соответствует тому периоду развития, когда ребёнок ещё в значительной степени погружен в процедуру чувствования самого себя, но наряду с этим он уже увлечён некоторым ограниченным кругом дел, которые он способен самостоятельно выполнять. Он уже умеет самостоятельно кушать, ложиться спать, играть в некоторые игры, но за всем остальным должны продолжать следить его родители.

И, наконец, возрастной аналог ступени *безумия* – это разрыв между содержанием юношеских идеалов и содержанием реального мира. Юноша живёт как бы в двух мирах. Одно своё "Я" он имеет в своём идеальном вымышленном мире, сформированном на основе его субъективных чувств и побуждений. Другое его "Я" пребывает в реальном мире, который вызывает у него чувство недовольства как несоответствующий его идеалам. Это достаточно длительный период, который завершается, как правило, лишь на четвёртом десятке лет жизни, когда человек достигает возраста двуликого Януса и окончательно расстаётся с идеалами юности.

Лечение помешательства должно быть основано на признании того, что у тупоумных и безумных людей есть остатки правильного чувства самого себя, опираясь на которое, как на устойчивый плацдарм, следует подводить их к разумным мыслям, чтобы они преодолели свои причудливые мнения о самих себе и забыли о них. Столь же благотворно сказывается на лечении

помешательства и посильная работа, рациональное содержание которой также помогает больным людям вырваться из плена своих субъективных представлений и прийти к внутреннему согласию с окружающим миром.

В заключение следует сказать, что коль скоро из всех представителей животного мира только человек обладает развитым сознанием, то, соответственно, только ему дана *привилегия* на помешательство. Животным такие болезни неведомы. При этом, конечно, помешательство необходимо отличать от бешенства. Бешенство – это инфекционная болезнь плоти, тогда как помешательство – это болезнь души.

3. Утверждение чувства самого себя

§ 409. Чувство самого себя складывается из всей совокупности многообразных внутренних ощущений человека, из множества выполняемых им движений, испытываемых им физиологических потребностей, духовных влечений, и ничем от них не отличается. Чтобы утвердить в себе это всеохватывающее чувство, человеку требуется освоить все его частные проявления. Необходимо сделать каждое особенное движение своего тела привычным настолько, чтобы выполнять его, не затрачивая на это своего внимания. Точно так же необходимо свыкнуться со всеми своими внутренними ощущениями и переживаниями в их особенности. Только тогда наша душа станет способной не только различать свои многообразные внутренние ощущения, но и удерживать их под своим контролем. При этом для неё в полной мере действует правило: спасение утопающих – дело самих утопающих. И таким спасительным для нашей души способом овладения своим телом и внутренним миром своих ощущений становится *привычка*.

Привычка – это механизм утверждения в душе чувства самого себя, которое складывается из множества осуществляемых нашим телом действий. Подчинение всех отдельных движений тела душе достигается через их неоднократное повторение. За счёт многократного исполнения душа овладевает каждым особенным проявлением своего тела и закрепляет его в себе. Через множество таких доведённых до автоматизма исполнения действий душа срастается со своим телом, благодаря чему в человеке утверждается единое чувство самого себя.

В рассмотренном нами ранее примере опытный водитель управляет автомобилем, уже не обращая внимания на то, как он это делает. Это и есть результат проявления привычки. На первых порах за выполнением всех движений его рук и ног следило его сознание, но по мере того как эти движения становились всё более и более привычными, душа свыкалась с ними и брала их под свой контроль, а сознание освобождалось от них.

Формы привычки.

1. **Закалённость** организма по отношению к *природным* условиям жизни: мороз, жара, выносливость. Потребляемая пища – дело привычки. Некоторые народы едят то, что другим покажется отвратительным: собак, насекомых, пресмыкающихся.

2. Привычка также проявляется в форме закалённости души по отношению к *социальным* условиям жизни: к несчастьям, к нападкам, к несправедливости. Способность человека контролировать свои внутренние ощущения и побуждения выступает как привычка **владения собой**.

3. В **умелости**, в **навыках** человек натренировывает своё тело на исполнение множества специальных движений и далее позволяет ему действовать самому *по привычке*. В **ловкости** тело превращается в инструмент в такой степени, что как только в нас появляется какое-либо представление о том движении, которое в данный момент необходимо исполнить, наше тело тут же исполняет его. Не успею я подумать, что сейчас мне следует присесть на стул, моргнуть глазом, протереть губы, помахать рукой, хлопнуть в ладоши, поставить ногу на ступеньку и т.д., моё тело незамедлительно исполняет эти движения.

Нейроспециалисты считают, что той частью мозга, где откладывается вся совокупность ставших привычными навыков тела, является *мозжечок*. Собственно мозг обслуживает сознание, а то, что доведено до привычки и передано под власть души, закрепляется в мозжечке.

Тело человека является средой обитания его Я. Иначе говоря, наше Я живёт "одетым" в своё тело. Поэтому если мы хотим осуществлять свои цели, то мы должны в первую очередь подчинить собственное тело своему Я. От природы оно ещё не способно к исполнению всей той массы движений, которые нам необходимы в этой жизни. Чтобы овладеть ими, нам требуется натренировать своё тело на исполнение каждого из них.

Вначале наше Я ещё не способно управлять своим телом. Оно непослушно для него. Пытаясь овладеть своими руками, ногами, головой, туловищем и т.д.,

мы придаём им то слишком большой, то слишком малый импульс перемещения. Повторяя одно и то же движение много раз, наша душа, как всеобщее начало тела, начинает ощущать требуемую для его исполнения силу. Благодаря этому данное действие становится всё более соразмерным и уверенным. Чем более привычным делается то или иное движение, тем менее наше сознание обращает своё внимание на то, как оно выполняется, а наша душа, наоборот, всё более тесно срастается с ним и берёт его под свой контроль. И так происходит со всеми теми движениями, которые мы осваиваем по ходу всей своей жизни.

Так, например, способность к прямохождению превращена волей человека в привычку. Вспомните, как неловко ребёнок делает первые шаги: каждый шаг даётся ему с трудом, на каждом движении он сосредоточивает всё своё внимание. Но со временем прямохождение становится для него столь привычным делом, что он уже перестаёт обращать внимание на то, *как* он ходит, его душа осуществляет этот процесс автоматически. Точно так же за счёт выработки соответствующих навыков ребёнок доводит до автоматизма исполнение всех повседневных движений: сидеть, вставать, ложиться, залезать, слезать и т.д. Благодаря тренировке его душа срастается с ними и принимает процедуру их исполнения под своё начало.

Далее дети учатся пользоваться инструментами, первым из которых является обычная ложка. Взрослый человек, само собой, ложки мимо рта не пронесёт, но так ли всё начиналось... Вспомните первые попытки ребёнка поднести ложку ко рту. У него ничего не получается. Ложка попадает то в лоб, то в нос, то за ворот. Ребёнок весь вымазан в каше, мамам не хватает терпения смотреть на это. Но что делать, всему надо учиться и ко всему надо привыкать. И то, что работа ложкой становится для взрослого человека настолько привычной, будто он всегда *умел* это делать, говорит лишь о великом значении для нашей жизни привычки, а вовсе не о том, что мы рождаемся с ложкой в руке. Рождаемся мы с сосательным рефлексом, всё остальное даётся нам за счёт обретения привычки. Только за счёт тренировки мы овладеваем всем тем множеством инструментов, которыми нам приходится действовать в этой жизни.

Равным образом деятельность органов чувств человека следует рассматривать как проявление утвердившейся в нас привычки видеть, слышать, обонять, осязать и вкушать окружающие нас предметы. Мало просто иметь ощущения внешнего мира, надо ещё уметь находить их в самих себе. Для этого ребёнку требуются годы тренировок. Механизм нахождения нашим сознанием

в самом себе образов созерцаемых нами предметов также доведён нами посредством привычки до автоматизма. Неслучайно поэтому говорят в более узком смысле о натренированном зрении или о натренированном слухе. Все мы сначала тренируем деятельность своих органов чувств на материале нашей повседневной жизни, но затем каждый из нас натренировывает их уже сообразно своей собственной профессии.

Точно так же посредством выработки соответствующей привычки мы делаемся способными считать, читать и писать. Собственно, к обретению таких навыков и сводится задача начального школьного образования. Когда, например, мы учимся писать, то с помощью учителей обращаем внимание на массу всяческих мелочей, которые следует соблюдать при письме. Но по мере того как умение писать делается для нас всё более привычным и мы полностью овладеваем всеми относящимися к нему частностями, мы перестаём их замечать. Душа срастается со всеми этими движениями рук и начинает выполнять их автоматически, тогда как наше сознание, освободившись от них, обращает своё внимание лишь на смысл того, *что мы пишем*, а не на то, *как мы пишем*.

То же самое касается умения говорить и мыслить. Оно также вырабатывается годами вольных и невольных тренировок, благодаря чему деятельность мышления и речь становятся *привычными* для нас. Взрослый человек размышляет постоянно, не замечая того, как он это делает. Точно так же мы и разговариваем (на родном языке), совершенно не задумываясь при этом ни о грамматических правилах, ни о значении большинства произносимых нами слов. Вся эта технология порождения слов находится у нас в ведомстве души, а не сознания. Память на слова тоже является делом привычки. Если бы мы всякий раз вспоминали то или иное слово или связанное с ним правило речи, то мы не смогли бы ни мыслить, ни разговаривать. Лишь сделав все слова привычными и столь же привычными их грамматические связи между собой, мы становимся способными мыслить. Мы мыслим только благодаря выработанной с годами привычке мыслить.

§ 410. Через привычку наше сознательное Я освобождает себя от постоянного контроля за исполнением множества повторяющихся движений тела. Сделавшись привычными, они переходят под ответственность души и становятся элементом нашего общего чувства самого себя. А так как наша жизнь на 99% состоит из повторения одних и тех же действий – как рассуждал

Незнайка: "Зачем на ночь раздеваться, если утром опять одеваться?" – то из этого соотношения становится понятной та роль, которую сколь незримо, столь и мощно играет в нашей жизни её величество **Привычка**. Впрочем, почему величество? Скорее даже наоборот – *рабочая лошадка*, на которую перекладывается вся рутинная работа нашего сознания, весь груз ответственности за владение своим телом. К этой рабочей лошадке всякий раз сначала проявляют пристальное внимание, а потом потихоньку забывают о ней. Иногда она сама напоминает о себе либо положительно, в требовании освоить какое-то новое движение тела или восстановить какой-то старый навык, либо отрицательно, как требование исключить ставшие опасными для жизни человека привычки.

Привычка говорить "*здравствуйте*" и "*до свидания*", привычка стоять и лежать, привычка ходить и размахивать руками, привычка спать ночью и бодрствовать днём, привычка водить автомобиль и набирать номер телефона, привычка думать и произносить слова, привычка читать газеты и выполнять свои обязанности и т.д., всё это – привычка, вся наша жизнь – привычка.

Привычку справедливо называют *второй природой* (натурой). *Природой* – поскольку она принадлежит непосредственно телу, *второй* – поскольку она вырабатывается и утверждается с помощью сознания и становится поприщем души. Забывая о роли привычки в деле становления нашего чувства самого себя, мы оказываемся в плену мистических представлений о единстве души и тела. Мы никак не можем понять, где находится душа и как она связана с телом. Так вот, душа находится в теле везде, повсеместно, а связана она с ним посредством исполнения им массы доведённых ею до автоматизма движений.

Привычка не только освобождает сознание человека от забот по управлению своим телом, но и порабощает его. Устоявшийся ход жизни подчиняет себе дух человека, и потому нередко требуется прилагать усилия для того, чтобы вырваться из привычного круга. Особенно в преклонном возрасте нарушение привычных условий жизни сильно выбивает человека из колеи и может ускорить его смерть.

Люди, побывавшие в так называемом пограничном состоянии – в состоянии клинической смерти, говорят, что в начальный момент процесса "умирания" у них душа как бы *отлетала* от тела. Появлялось ощущение лёгкости, и в их представлении, как в ленте кино, проносились фрагменты из прожитой ими

жизни. При этом они начинали видеть самих себя (своё тело) и всё происходящее с ними в этот момент как бы со стороны. Когда же их душа вновь "воссоединялась" с телом, то видение себя со стороны исчезало и появлялось ощущение невероятной тяжести возвращения бытия.

Подобные видения – вещь крайне редкая, и большинство таких людей вообще ничего не могли потом вспомнить, но тем не менее... Здесь, видимо, в первый момент мы должны говорить об утрате человеком чувства самого себя и, соответственно, о снятии напряжения между идеальной и телесной сторонами его души. В нормальном жизненном состоянии это напряжение сдерживается привычкой. Но в пограничном состоянии, когда замирают функции органов тела, идеальная сторона души теряет свою телесную опору. Утрата чувства самого себя означает автоматический акт аннулирования всего того множества привычных движений, которые тело выполняло при жизни. Именно поэтому перед внутренним взором таких псевдопокойников проносятся кадры из прожитой ими жизни, ибо жизнь, с точки зрения осуществляемого единства души и тела, представляет собой простую временную последовательность выработки отдельных привычек. В момент же так называемого *возвращения* души в тело происходит обратное – восстановление в теле всего множества привычек во всем их прижизненном *объёме*. Конечно, когда всё то, на выработку чего потребовалась вся предыдущая жизнь человека, ради чего ему пришлось освоить до автоматизма массу специальных навыков, когда всё это *сразу, одномоментно* возвращается назад под ответственность души, то вполне допустимо, что такой акт "воссоединения души с телом" может ощущаться человеком как невероятная тяжесть возвращения бытия.

Что же касается видения умирающим человеком себя со стороны, то это, надо полагать, связано с тем обстоятельством, что наше Я, как уже говорилось, имеет два корня: а) непосредственное чувство самого себя, б) знание самого себя как реального предмета, существующего в пространственно-временных координатах окружающего мира. Если в момент "умирания" у человека *первым* начинает угасать его чувство самого себя и он перестаёт ощущать своё тело, тогда у его Я остаётся только одна "привязка" к самому себе – знание самого себя как реального предмета, существующего в пространстве окружающего мира. Если при угасшем чувстве самого себя сознание человека ещё сохраняет свою активность, то в этой ситуации у него остаётся только один путь удержания своего Я в единстве со своим телом – сообразно рациональному способу отыскания любых других внешних предметов. В своём собственном

представлении он начинает находить самого себя как бы со стороны. Он представляет себя лежащим в интерьере операционной палаты или домашней комнаты, в зависимости от реальных обстоятельств "умирания".

Данную ситуацию можно сравнить с тем, как бабушка ищет свои очки, которые в этот момент находятся у неё на лбу. Она не ощущает их на себе, поэтому вынуждена размышлять над тем, где они могут находиться. Она представляет себе, что они могут лежать на кухонном столе, или на диване, или в кармане халата, или могут находиться на её лбу. Тем самым она в своём собственном воображении отыскивает себя как бы со стороны. Аналогичным образом, надо полагать, возникает и эффект видения умирающим человеком самого себя со стороны. (Это объяснение станет более понятным, после того как мы познакомимся с учением Гегеля *об интеллекте*.)

В научных работах, посвящённых психике человека, привычку, как правило, обходят стороной. Вместо неё говорят о *психофизических реакциях*, об *идиомоторных актах*, о *мышечной памяти* и тому подобных вещах. На привычку же смотрят как на нечто случайное, мелкое и недостойное научного внимания. Но дело обстоит как раз наоборот: привычка представляет собой одно из самых фундаментальных определений души. Будучи выхваченной из общего ряда, она предстаёт мелким и ничтожным явлением, таким, например, как привычка грызть ногти или чистить зубы по утрам. Но если рассматривать её в общем строю, то она обнаруживает своё непреходящее значение для любого одушевлённого существа, к каковым относимся и мы, люди.

Внешний облик

§ 411. На достигнутой теперь ступени познания предметом нашего рассмотрения вновь становится тело человека, но уже не с точки зрения его анатомии и физиологии, что являлось нашим предметом в учении о природе, а с точки зрения *выражения* в нём духовного мира человека. Посредством воплощения внутренних переживаний и доведения до автоматизма исполнения множества повторяющихся движений наша душа становится незримым скульптором своего тела, изнутри формирующим его *внешний облик* и *манеры*.

Душа является субъектом, а тело – её предикатом, к которому она относится как к себе самой. В этом смысле тело – это сформированная при её непосредственном участии собственность души. Это её храм, в формах и линиях которого она овнешняет своё внутреннее идеальное содержание. Воплотившись в теле, душа даёт возможность почувствовать себя другим людям. Анатомически человек мало чем отличается от человекообразных обезьян, но с точки зрения духовного облика их различие безгранично.

Проступание души через тело есть то, что составляет *внешний облик* человека в обычном смысле этого слова. Человек может иметь прекрасную природную фактуру: рост, фигуру, черты лица, но при этом он может быть тщедушной личностью, что накладывает свой отпечаток на его облик. В результате при, казалось бы, прекрасных природных данных человек тем не менее не представляет собой внешне что-либо интересное и значительное. И наоборот, у человека могут быть не очень яркие природные данные: невысокий рост, грубые черты лица, нескладная фигура, но внутреннее богатство его души делает его облик приятным и притягательным. Поэтому и в языке существуют такие близкие по предмету, но различные по смыслу слова: *лицо* и *мордашка*, *красота* и *смазливость*. Слова *лицо* и *красота* подчеркивают духовное богатство человека, проступающее в его облике, тогда как слова *мордашка* и *смазливость* характеризуют лишь его удачные природные данные. Заимствуя термины картёжников, можно сказать, что природные данные – это масть, тогда как духовное содержание – это козырь. Хорошо, когда есть и то, и другое.

Выражение духовного мира человека принадлежит преимущественно лицу, так как голова есть место пребывания духа. Лицо выражает душевное состояние человека посредством присущих ему *черт*, *мимики*, *гримас*, а тело – *осанки*, *походки*, *жесты*, *позы*. Специфическая человеческая поза – это вертикальное положение. Только человек способен к прямохождению. Второе специфическое отличие – это кисть руки. Руки – это орудие орудий, которые способны выражать посредством жестов богатейшее содержание духа человека. Наклоны и покачивания головы, всплескивание и махание руками, смех и вздохи, тембр голоса и особенная манера ведения разговора... Через всё это проступает внутреннее духовное содержание человека.

Каждый человек имеет свой индивидуальный физиогномический вид, который может производить приятное или неприятное впечатление, обнаруживать сильную или слабую личность. (Физиогномика – это искусство

определения духовного содержания человека по чертам его лица и мимике.) По внешнему облику человека в нас подсознательно формируется первое впечатление о нём.

Однако облик выражает внутренний мир человека лишь только в общих чертах. Иначе говоря, внешний вид человека соответствует его внутреннему миру не полностью, а лишь в большей или меньшей степени. Поэтому первое впечатление о человеке может быть обманчивым. Очень рискованно судить о человеке только по его облику. Речи человека говорят о нём много больше, чем его внешность. Но и речи могут служить как для обнаружения истинных мыслей человека, так и для их сокрытия. Только реальные поступки способны показать, чем тот или иной человек является в действительности, ибо каков человек в своих делах, таков он и по своей истине.

В бодрствующем состоянии человек осуществляет все свои действия под диктовку своего сознания и под его контролем. Но сознание по самой своей природе не способно соблюсти всех тех тонкостей и мелочей, которых требует любое дело, любая создаваемая человеком вещь. Тончайшая оболочка "мелочей", которая присуща предметам и процессам, доступна только чувственному миру нашей души. Соответственно, и воспроизведена она может быть только при её непосредственном участии. А это значит, что все исполняемые человеком движения требуется переводить с языка сознания на язык души. Достигается это за счёт усидчивости, проявления внимания к мелочам, многократной тренировки движений и т.д. Благодаря этому работа, сделанная *с душой*, отличается от той, которая сделана *без души*.

Человек должен считаться со своим телом. Древняя заповедь: "В здоровом теле – здоровый дух" справедлива также и в своей инверсии: "У здорового духа – здоровое тело". Человек должен поддерживать гармонию своей души и плоти. Он должен обращать внимание на состояние своего тела, должен считаться с ним, ухаживать за ним, щадить и поддерживать его силы, и не должен обращаться с ним пренебрежительно и тем более враждебно. Чем более дурно мы будем относиться к своему телу, тем в большей степени мы будем зависеть от него. Из нашего соратника и друга оно (родное тело!) превратится в нашего врага и противника. Личная гигиена и занятия спортом позволяют человеку укреплять единство души и тела сообразно его индивидуальным особенностям.

§ 412. Переход к сознанию. В утвердившемся в душе чувстве самого себе заложена вся дальнейшая духовность человека. В нём человек обретает первый корень своего *Я*. Поскольку этот корень непосредственно слит с его телом, индивид за счет чувства самого себя отделяет себя от окружающего мира. По мере утверждения в человеке этого внутреннего чувства он начинает находить себя в своей противоположности к внешнему миру. А это значит, что на смену непосредственному чувственному единству человека с окружающим его миром приходит их противоположность.

Мы расстаёмся, следовательно, со степенью наличного бытия нашего духа – *душой* и переходим на степень проявления его сущности – *сознания*. Нашим предметом становится теперь осознающее себя через свою противоположность к внешнему миру наше *сознательное Я*.

СОЗНАНИЕ

Ночь. Чёрная река, длиной на века.
Смотри, как эта река широка.
Если берега принять за рассвет,
То будто дальнего берега нет.
И переправа непроста,
И нет ни брода, ни моста,
Лишь только лодка в два весла...

§ 413. В утвердившемся в душе чувстве самого себя мы находим первый корень своего *Я*. Чувство самого себя, как мост, связывает наше идеальное *Я* с каждым органом нашего тела, с каждой его клеткой. Поэтому когда человек говорит о себе "*Я*", то при этом подразумевает, что он *есть* в этом мире. Употребляемое нами для обозначения самих себя местоимение "*Я*" представляет собой сокращённый вариант суждения "*Я есть*", в котором предикат "*есть*" является неотъемлемым свойством субъекта "*Я*". Когда я говорю о себе "*Я*", то это автоматически означает, что "*Я есть*" в этом мире.

§ 414. Выражение "*Я есть*" охватывает собой только то, что находится в пределах моего чувства самого себя. Таковым является моё тело. Всё остальное, что выходит за пределы моего чувства самого себя и, следовательно, за пределы моего тела, то уже *не есть Я* или, выражаясь иначе, *есть не-Я*. То, что *не есть Я* – это весь окружающий меня мир. Моё *Я*, следовательно, граничит в своём наличном бытии с тем, что *есть не-Я*, с окружающим миром. Поэтому, когда я говорю о себе "*Я*", то при этом подразумеваю сразу две вещи: во-первых, что "*Я есть*", а во-вторых, что "*Я есть*" по отношению к "*не-Я*", к окружающему меня миру.

Сознательное *Я* каждого человека представляет собой, следовательно, развёрнутое отношение внутри самого себя, переходящее в отношение к внешнему миру. Посредством чувства самого себя оно соединено с телом – "*Я есть*", а посредством своего тела оно соотносится с внешним миром – "*Я есть по отношению к не-Я*".

§ 415. Выходящее из чувства самого себя *Я* человека ещё не имеет в самом себе никакого *собственного* (сознательного) наполнения. Оно пусто. Поэтому на первых порах оно не способно утверждать себя положительным путём, т.е. путём опоры на своё собственное содержание, и вынуждено утверждать себя только отрицательным путём, т.е. путём противопоставления самого себя (*Я*) окружающему миру (*не-Я*). А это значит, что наше едва народившееся *сознательное Я* начинает свою активную деятельность с того, что разрывает присущую нашей душе непосредственную чувственную связь с внешним миром и вступает в отношение противоположности к нему. На одной стороне этой противоположности оказывается оно само (*Я*), на другой – окружающий нас мир (*не-Я*).

В силу образовавшейся противоположности окружающий мир становится неким чуждым по отношению к нам *объектом*, а мы сами в лице своего *идеального Я* становимся столь же чуждыми по отношению к нему (к миру) *субъектами*. В результате окружающий нас мир оказывается расположенным как бы за пределами нашего зарождающегося *сознательного Я*, из-за чего у нас на первых порах даже возникает иллюзия, что мы и противостоящий нам мир чужды друг другу. Но именно образование данной противоположности является условием возникновения и дальнейшего развития сознания человека.

Чтобы преодолеть образовавшуюся противоположность с внешним миром, наше *сознательное Я* должно создать свою собственную связь с ним, отличную от той, которая присуща нашей душе. Сами по себе ощущения предметов внешнего мира как поступали, так и продолжают самотёком поступать в арсеналы нашей души, но для того чтобы теперь они стали также и достоянием нашего *сознательного Я*, оно само должно обработать их *под себя*. Ему требуется ввести их в свои собственные формы: а) обратить на ощущаемый предмет своё внимание, б) сохранить его образ в своём представлении, в) присвоить ему имя и т.д. Только действуя таким активным, созидательным образом, наше *Я* способно наполнить себя собственным содержанием – знаниями и через это стать подлинным сознанием.

Такая созидательная деятельность нашего *Я* называется *познанием*. В ходе познания мы производим знания об окружающем мире, которыми наполняем самих себя, своё *сознание*. Знания становятся собственным содержанием нашего *Я*, благодаря которым оно делается *сознательным*. Познание, следовательно, – это способ существования нашего *сознания*. Вне, помимо

деятельности познания, сознания не существует. Сознание производит знания, наполняет ими самого себя и состоит из них. Об этом же свидетельствует и этимология этого слова: *со-знание, con-sciences*.

§ 416. Поскольку деятельность познания осуществляется конкретными людьми (субъектами), внешний мир, принимая форму знаний, *субъективируется*. Но, с другой стороны, сознание человека, наполняясь знаниями об окружающем мире (об объекте), само *объективируется*. Благодаря такому вхождению друг в друга снимается изначально полагаемая противоположность сознания человека (Я) по отношению к внешнему миру (не-Я) и устанавливается их содержательное единство.

Познавательную деятельность нашего сознания можно сравнить с проявлением света. Когда потоки света попадают на тёмные тела, тогда и только тогда данные тела делаются видимыми. Но вместе с ними делается видимым и сам свет. Освещая окружающие предметы, свет обнаруживает себя. Таково же действие и сознания человека. В нём, как в зеркале, отражаются внешние предметы. Но в отличие от зеркал, которые отбрасывают от себя их изображения, создаваемые человеком знания об окружающем мире оседают в его сознании и становятся его собственным наполнением. (Светлая голова, беспросветный тупица, тёмный человек.)

Суть познаваемых нами предметов постигается только благодаря мышлению. Но для того, чтобы наше Я приобрело способность мыслить, оно должно научиться осознавать себя. **Самосознание** – это способ обслуживания нашим сознательным Я самого себя. Не бывает сознания без самосознания. Это для других людей Я каждого человека едино в себе. Но внутри самого себя оно существует и действует только в форме противоположности самому себе, в форме самосознания: Я – Я. Это значит, что оно одновременно выступает по отношению к самому себе и командиром, и исполнителем, и судьёй, и подсудимым, и прокурором, и адвокатом. Оно хвалит самого себя и ругает, жалеет и наказывает, и т.д.

В своём единстве сознание и самосознание образуют **разум**. В качестве разума наше Я уже не просто осознаёт самоё себя, но и противопоставляет себе своё собственное содержание – все те понятия, посредством которых мы осмысливаем окружающий мир и передаём друг другу информацию. Задача разума – сводить разрозненные понятия в единую логически упорядоченную систему, отражающую реальное положение дел в мире.

§ 417. Таким образом, для того чтобы получить понятие *сознания*, нам требуется рассмотреть следующий ряд его определений:

- *сознание как таковое*;
- *самосознание*;
- *разум*.

В ходе формирования *сознания* как такового мы имеем противоположность нашего *Я* внешнему миру: "Я – не-Я".

В ходе формирования *самосознания* мы имеем противоположность нашего *Я* самому себе: "Я – Я".

В ходе формирования *разума* мы имеем противоположность нашего *Я* его собственному содержанию – знаниям.

Сознание как таковое

§ 418. Сознание как таковое появляется у человека в ходе осуществления им деятельности познания. Сам процесс познания включает в себя три последовательных этапа.

На первом этапе субъект только непосредственно ощущает внешние предметы, что соответствует ступени *чувствующего сознания*.

На втором этапе он изучает их внутренне строение и их внешние связи друг с другом, что соответствует ступени *воспринимающего сознания*.

На третьем этапе он постигает законы строения данных предметов, что соответствует ступени *рассуждающего сознания*.

1. Чувствующее сознание

Познавательная деятельность нашего *Я* начинается с чувственных ощущений окружающих нас вещей. Если человек не обращает своего внимания на поступающие в него извне ощущения, то они проскакивают мимо его сознания и уходят в недра души. Но жизнь заставляет индивидов проявлять свой интерес, по крайней мере, к тем вещам природы, которые служат средством удовлетворения их физиологических потребностей. Обратив на них своё внимание, субъект тем самым делает их предметом своего сознания.

Такова суть ступени *чувствующего* сознания, где субъект только обращает своё внимание на непосредственно ощущаемую (созерцаемую) им вещь. По полноте и свежести ощущений она является самой богатой, но по степени их мыслительного оформления она является самой бедной. Акт непосредственного ощущения конкретной вещи позволяет нам утверждать лишь, что данная вещь:

- а) *есть*;
- б) *есть по отношению ко мне*;
- в) *есть ещё в виде смутного неразличимого образа*.

§ 419. *Воспринять* вещь в себя – значит сделать её образ доступным для своего сознания, запоминаемым. Для этого следует, не мешкая, пользуясь тем, что мы продолжаем ещё непосредственно созерцать данную вещь, выявить в

ней как можно больше тех её внешних и внутренних данных, которые характеризуют её собой: её форму, цвета, свойства, детали строения и т.д. Для этого требуется подвергнуть её всестороннему исследованию. Выполнение этой операции выводит наше сознание на ступень *восприятия*. (Немецкое слово *Wahrnehmung* переводится не только как *восприятие*, но и как *различение, наблюдение, исследование*.)

2. Воспринимающее сознание

§ 420. Само выражение "*чувственное восприятие*" говорит о том, что тот материал ощущений, на который наше *Я* обратило своё внимание, с необходимостью становится предметом его познавательной деятельности. Если мы знаем о том, что в данный момент ощущаем какую-то определённую вещь, то тем самым мы уже оказываемся перед необходимостью восприятия её образа в своё сознание. Но для этого мы должны всесторонне исследовать её.

В дикой природе причина восхождения психики животных на ступень воспринимающей, исследовательской деятельности состоит в том, что им как существам потребляющим необходимо отличать съедобные растения от ядовитых, безопасных животных от хищников и т.д.

Процедура всестороннего исследования вещи включает в себя: а) изучение её внешней формы; б) исследование её внутреннего строения; в) выявление её связей с другими предметами; г) переход к исследованию тех предметов, с которыми она связана. Например, если в поле нашего зрения попадает дерево, то, обратив на него своё внимание, мы начинаем исследовать его. В этих целях мы рассматриваем его внешний вид, затем выявляем элементы его строения: корень, ствол, ветви, листья. Далее обнаруживаем, что его корни уходят в почву, а листья, наоборот, тянутся к свету. Понаблюдав за ним более длительный период, мы видим, что весной оно покрывается листвой и цветом, летом плодоносит и укрупняется в размерах, осенью сбрасывает листву, а зимой приостанавливает своё развитие. Выясняется также, что в кроне дерева живут птички, его цветы опыляют насекомые, его плоды потребляют некоторые животные и т.д.

Данная ступень постижения предметов окружающего мира представляет собой то, что иначе называется *эмпирическим методом* познания. Благодаря наблюдению и более активным формам исследовательской деятельности

(замерам, сравнениям, опытам, экспериментам) сознание человека создаёт первичную базу данных об исследуемых предметах. В неё входят сведения об их строении, свойствах, связях и т.д.

Наращивая объём знаний, наше сознание в ходе этого расширяет и углубляет самое себя. Оно наполняет себя всеми теми сведениями о внешних предметах, которые само и добывает. Однако самому человеку, находящемуся на ступени *воспринимающего* сознания, ещё кажется, что его сознание представляет собой нечто отличное от окружающего мира, что, познавая этот мир, он погружается в некий чуждый по отношению к нему материал.

§ 421. Прослеживая связи вещей друг с другом, мы в итоге приходим к выводу, что все они существуют не сами по себе, в своей единичности, а только в своём взаимосвязанном единстве. Их сущность заключена не в их изолированном существовании, а в той всеобщей системе, которую они образуют и которой они принадлежат. Соответственно, для того чтобы мы могли понять суть и значение каждой единичной вещи, мы должны познать ту всеобщую систему, которую они составляют: система небесных тел, система живых организмов биосферы, общество и т.д.

При такой постановке вопроса все эмпирически выявленные внутренние и внешние различия вещей теряют свою изначально полагаемую чувственным восприятием самостоятельность. Соответственно, задача следующего этапа процесса познания заключается в том, чтобы посредством своего мышления связать все выявленные различия воедино и благодаря этому понять, что данный предмет или система предметов представляют собой в своей целостности. Дойдя до постановки таких задач, сознание человека восходит на ступень *рассудка*.

3. Рассуждающее сознание

§ 422. На ступени *чувственного* сознания мы имеем только смутные образы предметов. На ступени *воспринимающего* сознания мы подвергаем их расчленению, в ходе чего выявляем содержащиеся в них различия: части, стороны и т.д. Следующая ступень познания заключается в том, чтобы свести все обнаруженные внутренние и внешние различия предметов к их единству и доказать необходимость этого единства.

Любая совокупность явлений, будь то единичный предмет в его внутреннем убранстве либо внешняя система, состоящая из множества предметов, постигается сознанием только таким двойным способом. Сначала мы выявляем их различия: стороны, свойства, части, элементы, отношения и т.д., а затем сводим этот разрозненный материал к единству понятия. И неважно, будем ли мы рассматривать предмет как сам по себе данный (рефлексия вовнутрь) или как принадлежащий системе более высокого порядка (рефлексия вовне) – и в том, и в другом случае от нашего рассудка требуется привести к необходимому единству всё многообразие эмпирически выявленных в нём различий: сторон, свойств, частей, связей и т.д. Найти такое единство означает установить **закон**. На ступени рассудка наше сознание устанавливает законы.

§ 423. Общим знаменателем всех законов является то, что выявленные внутри какого-либо предмета или системы предметов различия (элементы, стороны, свойства, части, силы и т.д.) приводятся в них к своему единству. Иначе говоря, **законом** самих **законов** является установление **единства** выявленных **различий**.

Например, в ходе исследования дерева мы находим его различные части: корень, ствол, ветви, листья, плоды и т.д. Рассуждая, мы устанавливаем необходимость их единства, благодаря чему постигаем закон строения дерева.

Но мало только сформулировать закон, его ещё требуется доказать. Необходимость единства выявленных в предмете различий (частей, сторон, свойств) должна иметь своё обоснование. В силу этого каждый закон содержит в себе своё **доказательство**. Если в законе утверждается, что в данной системе мы имеем такое-то соотношение её различающихся элементов, то необходимость данного соотношения должна иметь своё объяснение, или, говоря другими словами, должна быть доказана. **Доказательство** является неотъемлемым компонентом любого закона.

Не следует думать, что законами можно называть лишь только те, которые мы изучаем в школе либо в других учебных заведениях. Наше сознание хранит в себе тысячи законов и постоянно продолжает открывать новые. Например, планировка данного дома – это его закон. То обстоятельство, что одна дверь открывается *к себе*, а другая *от себя*, – это их закон. Схема переключения передач в автомобиле – закон. Такая немудреная истина, что если наступить на грабли, то можно получить черенком по лбу, – тоже закон! И так далее. Архимед, Коперник, Менделеев являются, конечно, хорошими примерами для

демонстрации деятельности человеческого рассудка, открывающего законы, но созданные ими теории – дело их учёной профессии, которой заняты лишь немногие. В основной же своей массе люди постоянно открывают для себя самые простые, но необходимые для жизни законы.

Не суть важно, каковы масштабы постигаемых нами законов, насколько они локальны или глобальны и к какой области знания относятся. Не суть важно также, является ли тот или иной закон (научное положение, теория) истинным или ложным. Важно то, что они представляют собой **самостоятельную работу** нашего *Я*. Мифы, сказки, фантастические сюжеты имеют с научными положениями то общее, что в них также присутствует самостоятельная работа нашего сознания, такая же, как и при построении и доказательстве научных законов. Пусть ошибочная, но своя, т.е., исходящая от самого сознания.

Закон и его доказательство – это **явленность** нашего сознания самому себе. На их материале наше *Я* находит себя в своей собственной, очищенной от чувственных восприятий деятельности. В лице открываемых нами *формул, теорий, законов, обыденных истин* наше *Я* имеет своим предметом самое себя.

Таков путь становления нашего *сознания как такового*.

На этапе *чувственной* достоверности мы только *предъявляем* себе предметы окружающего мира; это позволяет нам говорить о том, что:

- данный единичный предмет **есть**;
- есть по отношению **ко мне**;
- есть ещё в виде **смутного образа**.

На этапе *эмпирических* исследований мы *проясняем* образ предмета, для чего:

- выявляем **различия внутри** самого предмета (рефлексия вовнутрь);
- прослеживаем его **связи** с другими предметами (рефлексия вовне);
- переходим на точку зрения **всеобщей** природы выявленных различий.

На этапе *теоретических* рассуждений мы:

- устанавливаем **единство** выявленных **различий** (частей, сторон, сил) – формулируем закон, научное положение, теорию;
- строим **доказательство** данного единства (закона);
- на материале такого доказательства **находим** своё **Я** как таковое в его самостоятельности.

Теоретические выкладки нашего рассудка (научные положения, законы, истины) представляют собственную деятельность нашего *Я*. Неслучайно поэтому человек, объясняющий другим людям суть тех или иных явлений,

испытывает от этого чувство удовлетворения. В процессе объяснения его сознание как бы разговаривает с самим собой, разъясняя и доказывая всё это в первую очередь самому себе. И хотя со стороны может казаться, что его *Я* занято каким-то внешним материалом, на деле всё обстоит наоборот: то объяснение, которое он излагает, является продуктом его собственной деятельности. Объясняя кому-либо что-либо, сознание человека при этом занято самим собой.

Если непосредственные чувственные ощущения и эмпирические исследования ещё удерживают внимание нашего *Я* на предметах окружающего мира, то на ступени теоретических построений (рассуждений) оно отвлекается от них и остаётся наедине с самим собой. И вот такое состояние уединённости нашего *Я* в самом себе, состояние его сосредоточенности на своей собственной деятельности позволяет ему сделать следующий шаг в своём развитии – противопоставить себя самому себе и через эту противоположность прийти к *осознанию* самого себя.

Необходимость осознания человеком самого себя содержится уже в том, что все мы являемся живыми существами, имеющими определённые потребности и совершающими практические действия в целях их удовлетворения. Соответственно, деятельность познания необходима нам не ради неё самой, а ради того, чтобы мы могли пользоваться её результатами в своих жизненных интересах. Но для того чтобы человек мог применять свои знания в ходе своей практической деятельности, ему необходимо осознавать самого себя. *Сознание*, следовательно, требует *самосознания*.

Таким образом, на ступени рассуждающего сознания снимается противоположность между *субъектом и объектом*, между "Я" и "не-Я", и разворачивается другая противоположность – внутри самого сознания человека. Наше сознательное *Я* противопоставляет себя самому себе: "Я – Я". Через полагание данной противоположности человек приходит к осознанию самого себя, к *самосознанию*.

Хотя процесс становления самосознания человека существенным образом связан с процессом формирования его сознания как такового, тем не менее он подчинён *собственной* логике развития, к рассмотрению которой мы теперь и переходим.

Самосознание

И нас несло к большой воде,
И нам не видно в темноте,
Что берега уже не те...

§ 424. *Сознание как таковое* действует на основе *самосознания*. *Самосознание* – это своего рода способ обслуживания нашим сознанием самого себя. Только осознавая самого себя, можно знать то, что ты знаешь, т.е. знать то, что наполняет твоё сознание. С другой стороны, чтобы осознавать самого себя, человеку необходимо знать окружающий мир, в котором он живёт и которому подчинено его "Я".

Повторим сказанное ранее. Это для других людей наше *Я* выступает как единое целое. Но внутри самого себя оно существует и действует только в форме противоположности самому себе, в форме самосознания. Это значит, что оно выступает по отношению к самому себе и командиром, и исполнителем, и судьёй, и подсудимым, и прокурором, и адвокатом, и т.д.

§ 425. "**Я есть Я**" – такова формула развитого самосознания человека. Однако прежде чем достичь её, оно (самосознание человека) проходит в своём становлении три ступени.

Первая ступень – это *единичное возделующее* самосознание, где человек осознаёт только самого себя в пределах своих животных потребностей. На этой ступени формула самосознания имеет вид: "Я – Это".

Вторая ступень – это *совместное неравное* самосознание, на которой человек проявляет своё *Я* уже сверх объёма своих животных потребностей. Однако достигается это за счёт установления между людьми отношений господства и рабства.

Третья ступень – это *всеобщее свободное равное* самосознание, на которой самосознание всех людей достигает своей развитой формы: "Я – Я".

Учение о самосознании – это кульминационная часть учения о человеке. Чисто логически она не более сложна, чем любая другая, но с экзистенциальной точки зрения она неудобоварима для понимания. Дело в том,

что каждый из нас, уважаемый читатель, является вполне сформировавшимся человеком с полностью развитым самосознанием. Но того, каким путём к нам пришло наше самосознание, никто из нас не помнит и не знает. Нам кажется, что оно появилось у нас само собой, подобно тому как мы от рождения оснащены ушами, руками, ногами. Именно это обстоятельство является главной помехой для восприятия нами тех процессов, посредством которых человеческое общество пришло к современному уровню развития самосознания людей. Поэтому для большей ясности мы предварительно обозначим, хотя и не совсем точно, хронологические рамки существования указанных ступеней самосознания.

Если разделить всю историю человечества на три последовательные эпохи: а) эпоху *антропогенеза*, б) эпоху собственно *истории* человечества и в) *современную* эпоху, то вышеназванные ступени развития самосознания людей будут *в целом* соответствовать этим эпохам:

а) ступень *единичного возделющего* самосознания – эпохе *антропогенеза*, завершившейся к периоду позднего палеолита (40000 лет назад);

б) ступень *совместного неравного* самосознания – эпохе собственно *истории* человечества, простирающейся от позднего палеолита до социальных революций нового и новейшего времени;

в) ступень *всеобщего свободного равного* самосознания – *современной* эпохе, начало которой положено формированием современных демократических государств.

Что же касается ориентиров на шкале индивидуального развития человека, то здесь мы имеем такую же последовательность ступеней:

а) ступени *единичного возделющего* самосознания соответствует начальный период жизни человека, ограничиваемый первыми 3-4 годами;

б) ступени *совместного неравного* самосознания – возраст от 4-5 лет до 18-20 лет, т.е. до момента выхода молодого человека из-под опеки родителей и его вступления в самостоятельную жизнь,

в) ступени *всеобщего свободного равного* самосознания – вся дальнейшая жизнь взрослого человека.

Опираясь на такие временные рамки, мы переходим к изложению собственно учения о самосознании, где первая ступень – это

1. Единичное вожделеющее самосознание

§ 426. Начнём опять-таки с уведомления читателя о том, что употребляемое здесь слово "вожделение" не вполне удачно передаёт смысл определяемой им ступени самосознания. В русском языке оно означает: *сокровенное желание, страстное ожидание, сильное влечение*. Так, например, ребёнок может вожделенно смотреть на лежащую на витрине магазина игрушку, или политический деятель может вожделенно стремиться к власти. В этом значении *вожделение* несёт в себе некоторый акцент на духовной приподнятости человеческих желаний и вместе с тем не предполагает строгой необходимости их исполнения: "Мало ли что ему вожделется, обойдётся и без этого", – так иногда говорят в повседневной жизни.

Здесь же, при рассмотрении первой ступени развития самосознания, *вожделение* следует понимать только в значении чисто физиологических потребностей человека, присущих ему как *животному* существу, таких как: *есть (жрать), пить, спариваться*. Эти потребности даны нам от природы, и необходимость их удовлетворения не подлежит обсуждению. Поэтому то, что здесь мы будем называть *вожделением*, ещё не несёт в себе никакого духовного содержания. *Вожделеющее самосознание* обозначает только начальную ступень осознания человеком самого себя, ступень его животности. Иначе её можно было бы назвать также *утробным*, или *животным*, самосознанием, по аналогии с тем, как человека, живущего интересами только своей утробы, принято называть *животным*.

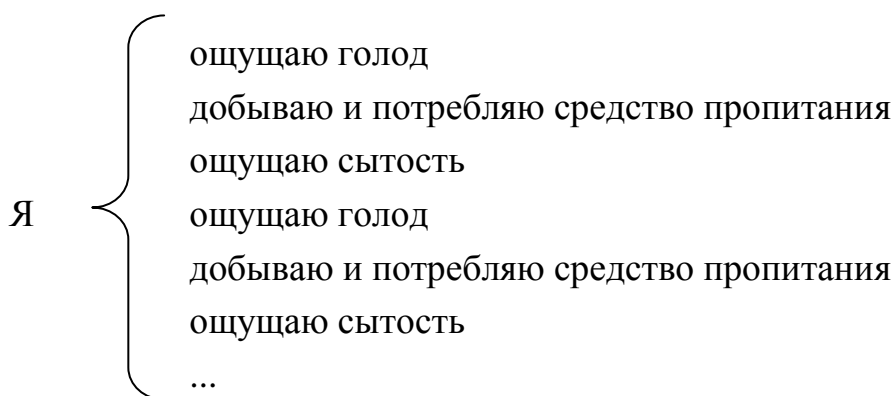
§ 427. Каждый вид животных необходимо наделён от природы узким кругом физиологических потребностей, которые сводятся главным образом к тому, чтобы есть (жрать), пить, спариваться. Человек в этом плане не составляет исключения, и, будучи по своей природе животным, он также несёт в себе все эти потребности. Через процедуру их удовлетворения у животных, включая человека, формируются первые проблески самосознания.

Виды животных специализированы в отношении потребляемых ими средств природы. Каждый вид инстинктивно знает, что именно ему требуется для удовлетворения его потребностей: коровам – трава луговая, пчёлам – цветочная пыльца, лисам – мыши, зайцы и т.д. На такие предметы природы они смотрят как на нечто предназначенное исключительно для того, чтобы служить им

средством пропитания. Но поскольку животные особи постоянно нуждается в данных предметах, они также осознают свою зависимость от них и, соответственно, свою подчинённость среде их обитания.

Отыскав в окружающей природе необходимый предмет и употребив его в пищу, особь благодаря этому приходит к ощущению сытости. Но чувство удовлетворения в живом организме всегда преходяще, и вожделение опять просыпается в нём с новой силой. Соответственно, особь вновь устремляется во внешний мир к необходимому ей предмету потребления. Отыскав, она пожирает его, а насытившись, вновь приходит к чувству согласия с собой.

В потребляемых предметах природы особь всякий раз узнаёт самое себя. Через регулярно повторяющуюся процедуру их пожирания она вырабатывает **предметное отношение** к самой себе. Животные, за редчайшим исключением, относящимся лишь к нескольким видам высших приматов, в зеркало смотреться не умеют. Их зеркало – окружающая их природа вообще и, в частности, те её конкретные предметы, которые они потребляют. Так, например, корова не только *для нас* представляет собой то существо, которое щиплет травку на лугу, но и *для себя* самой является тем же самым и не более.

Через регулярно повторяющуюся процедуру пожирания предметов природы особь научается воспринимать себя в качестве реально существующего предмета. "*Я* → *вожделение* → *предмет потребления* → *пожирание* → *чувство удовлетворения* → *Я*" – такова последовательность развития моментов вожделеющего самосознания. Когда предмет съеден и вожделение на время удовлетворено, то от этой формулы остаётся только одно начальное и оно же конечное звено – "*Я*", которое вбирает в себя все эти преходящие моменты.

В своём чередовании эти моменты вожделеющего самосознания бесконечно сменяют друг друга, но то "*Я*", которому они принадлежат, остаётся постоянно возвышающимся над ними общим знаменателем.

Быть может, Вам, уважаемый читатель, удастся вспомнить тот мимолётный эпизод из своего детства, когда Вы в первый раз обратили своё внимание на то, что Вы только что съели тот продукт питания, который находился перед Вами. В такой момент, который случается в возрасте 3-5 лет, каждого из нас впервые пронзает молния вожделеющего самосознания: "Коль скоро я съел тот предмет, который только что лежал на тарелке (булочку, яблоко, яйцо), то значит, он теперь находится внутри меня и я сам, следовательно, являюсь неким предметом?!"

§ 428. Регулярно осуществляемая животными процедура потребления предметов окружающей природы позволяет им осознавать самих себя в своей единичности: коль скоро *Я* пожираю данные предметы, то, значит, *Я* есть такой же реальный предмет. И здесь неважно, принадлежит ли данная особь к мужскому или женскому полу, является ли она юной или престарелой. Все особи животного мира вне зависимости от их половозрастных различий первым делом воспроизводят свою собственную жизнь. Соответственно, они также первым делом осознают лишь самих себя в своей *единичности*.

§ 429. Но если бы процесс жизни животных ограничивался только потребностью в питании, то их самосознание (а стало быть, и наше!) никогда не вышло бы за пределы осознания ими своей единичности. Благо что природа дала им ещё одну физиологическую потребность – половую. Её наличие обусловлено присущим всему царству животных разделением особей одного вида на мужской и женский пол и, соответственно, необходимостью их регулярного спаривания ради продолжения рода.

В отличие от потребности в питании, где каждая особь действует сама по себе (у каждого свой желудок), половая потребность для своего удовлетворения требует *взаимных* действий *двух* разнополых *особей*. Одностороннее действие было бы тщетным, ибо то, что должно произойти, может быть достигнуто только двумя особями. В силу данной необходимости каждая особь, идя на сближение с особью противоположного пола, вынуждена выходить за рамки своего единичного самосознания. В ходе спаривания каждому из партнёров приходится признавать другого в качестве столь же осознающей себя особи, каковой является и он сам.

Благодаря половым отношениям самосознание животных обогащается новыми элементами.

Во-первых, каждая особь уже не просто осознаёт себя в своей единичности, но и осознаёт свою зависимость от другой особи.

Во-вторых, обе особи взаимно признают друг друга в качестве осознающих самих себя. Самка признаёт то, что самец осознаёт себя при совершении направленных на сближение с ней действий: подношение пищи, брачные танцы, пение, ухаживания и т.п. Самец равным образом признаёт то, что самка также осознаёт себя при совершении ею встречных действий.

В-третьих, удовлетворение половой потребности происходит без пожирания того предмета, посредством которого она удовлетворяется. Спарились и мирно разошлись, позабыв друг о друге до следующего раза. (Правда, у некоторых видов насекомых спаривание всё же заканчивается тем, что самка сжирает оплодотворившего её самца. Но надо заметить, что данное безобразие природы относится всё же к разряду исключений.)

Таким образом, при совершении половых действий самец и самка уже не только осознают самих себя в своей единичности, но и взаимно *признают* друг друга в качестве осознающих себя. Только благодаря такому взаимному признанию они становятся способными к совершению данных действий в отношении друг друга.

На таких спорадических актах *признания* останавливается в своём развитии самосознание большинства видов животных, относящихся к низшему и среднему эволюционному звену. После снятия полового возбуждения самосознание особей вновь ниспадает в рамки их единичного существования и локализуется в нём. Например, связь обычной лесной кукушки с внешним миром ограничивается двумя пунктами: а) бесконечным процессом её пропитания и б) эпизодическими (раз в год) актами спаривания с особью противоположного пола. После этого кукушка-самка откладывает яйца в чужие гнезда и навсегда забывает о них. Что такое забота о потомстве, они, в отличие от большинства других видов пернатых, не знают. Их самосознание, следовательно, ограничено пределами их единичного существования. В таком же объёме осознают себя и морские черепахи. Встречаясь для спаривания с особью противоположного пола один раз в два года, самки затем откладывают яйца в прибрежный песок и навсегда забывают о них. Черепашата вылупляются и начинают свою жизнь самостоятельно, без какого-либо участия родителей.

У других отрядов животных, у рыб, например, нет даже такого эпизодического контакта разнополых особей. Самки откладывают икру без участия самцов, а самцы оплодотворяют её без участия самок. Мальки вылупляются и начинают жить также сами по себе. Все три звена родового

процесса оказываются оторванными друг от друга, и его участники ничего не знают друг о друге. Если они и признают друг друга, то только по факту своего *наличного бытия*, в качестве неопасных для себя объектов, но не в плане своего *существования*, как имеющих существенное отношение друг к другу.

Ступень *вождедеющего самосознания* представляет собой, следовательно, акт осознания особями самих себя в пределах своей *единичности* и только в объёме своих физиологических потребностей: есть, пить, спариваться. Поэтому на этой ступени у животных ещё нет своего "Я" в человеческом значении этого слова, а есть лишь эгоистичное, погруженное в их утробу, *вождедеющее Эго*.

Но хотя на ступени *вождедеющего самосознания* индивид осознаёт самого себя только в объёме своего *Эго* (жрать, пить, спариваться), тем не менее начало самого процесса становления его самосознания здесь уже положено. Однако вместо его полной формулы, каковой является "Я – Я", на данной ступени мы имеем лишь её начальный вариант: "Я – Эго". Господствующим здесь является *вождедеющее Эго* индивида, наряду с которым, однако, у него имеется уже и *осознающее его Я*.

Эго

вождедеющее Эго – осознающее Я

Отличие *осознающего Я* от *вождедеющего Эго* состоит в следующем. *Вождедеющее Эго* через чувство самого себя неразрывно связано со своим телом. *Осознающее Я* является лишь идеальным отражением *вождедеющего Эго*. Поэтому оно свободно от такой непосредственной связи с телом. В силу этого оно оказывается потенциально способным к тому, чтобы побуждать своё тело к исполнению таких действий, которые выходят за рамки обслуживания его чисто физиологических потребностей: $Я > Эго$. И если на ступени *вождедеющего самосознания* оно ещё вынуждено, подобно нитке за иглой, следовать за своим *вождедеющим Эго*, полагая, что они есть *одно*, то по мере дальнейшего развития самосознания *осознающее Я* обретает возможность проявлять себя в своей свободе от него (от *Эго*). Через действительное полагание такой свободы сознание индивидов восходит на ступень *совместного неравного самосознания*.

2. Совместное неравное самосознание

§ 430. Переход людей со ступени *единичного вожделеющего* самосознания на ступень *совместного неравного* самосознания состоялся в далёком прошлом. Он ознаменовал собой завершение процесса антропогенеза и возникновение у наших предков орудийной деятельности и общественных отношений. Учитывая такой колоссальный исторический разрыв, мы должны избегать соблазна примерять описываемый здесь процесс становления *совместного неравного* самосознания к самим себе нынешним – цивилизованным, образованным существам, уже взошедшим на ступень *всеобщего свободного равного* самосознания, а значит, находящимся в совершенно иных условиях, чем те, о которых здесь пойдёт речь.

а) Совместное неравное самосознание у животных

В сообществах высших видов животных – в стаях, в стадах, в прайдах – процесс признания особями друг друга развивается по трём линиям отношений:

- самка – самец,
- самка – детёныш,
- самец – самец.

В реальности животного мира существуют также и другие линии выстраивания отношений признания между особями (самка – самка, самец – детёныш), однако базовыми при становлении ступени совместного самосознания являются те, которые мы перечислили, поскольку они обусловлены процессом развития рода.

В развитии отношений между *самками* и *самцами* мы имеем изначальную *противоположность* их единичных вожделеющих самосознаний, приходящую через процедуру их спаривания к своему *единству* – взаимному признанию ими друг друга. Самка признаёт самца, а самец признаёт самку.

У млекопитающих видов самки вскармливают детёнышей своим молоком. Они же главным образом занимаются и их воспитанием. В силу этого между *самкой* и *детёнышем* также устанавливаются отношения признания. Мать признаёт своё дитя, а дитя признаёт свою мать. И если детёныш не слушается свою мать, то получает от неё вполне ощутимые оплеухи. В отношениях между ними мы имеем изначальное неразделённое *единство* их самосознаний, переходящее по мере взросления детёныша в их *противоположность*.

Самец – самец. В отличие от самок, которые в ходе спаривания выступают как пассивная, воспринимающая сторона, самцы представляют собой инициативную, действующую сторону полового процесса. Являясь репродуктивной единицей рода, каждый самец как факелоносец жизни нацелен на максимальное распространение своей субъективности в пределах своего сообщества. В силу данного обстоятельства в своей устремлённости к самкам самцы обречены вступать в отношение соперничества друг с другом.

§ 431. Для того чтобы сближение с самкой состоялось, самцу требуется сначала устранить препятствие, выступающее в образе другого самца. По этой причине самцам приходится вступать в отношения противоборства друг с другом: грызню, схватку. Необходимость такого противоборства является всего лишь промежуточным звеном на пути к спариванию с самкой, но именно на этой почве в родовых сообществах животных (в стаях, в стадах, в прайдах) происходит перманентная борьба самцов за утверждение самостоятельности своего *осознающего Я*.

Форма соперничества самцов – выражение знаков недовольства и угроз в адрес противника, переходящее в непосредственную физическую борьбу между ними. Но поскольку в ходе такой борьбы им приходится иметь дело не с каким-то там идеальным *Я* своего противника, а с его самым натуральным телом, снабжённым от природы когтями, зубами и необходимой для активной обороны мышечной массой, физическая борьба между самцами оборачивается на деле самой настоящей битвой на поражение. И чем более высокоразвитым является вид животных, тем более жестокие формы имеет эта борьба.

Именно *вождеющее Эго* самцов побуждает идти их на сближение с самкой. Но поскольку на пути к ней возникает препятствие в виде другого самца, то им приходится вступать в борьбу друг с другом. И *вождеющее Эго* каждого из них опять-таки благословляет их на это.

Однако в ходе развернувшейся схватки начинают страдать их тела, на которые обрушиваются удары соперника. Через чувство самого себя тело начинает взывать к своему *вождеющему Эго*, требуя от него, чтобы оно предприняло действия, направленные на прекращение этих ударов. Ради сохранения жизни и здоровья своего тела зависимое от него *Эго* уже готово отступить от своих претензий на самку и выйти из борьбы. Но не тут-то было. Помимо *Эго*, у каждого из самцов имеется ещё и *осознающее Я*. Являясь лишь идеальным отражением своего *вождеющего Эго*, оно непосредственно

не связано со своим телом. А это значит, что все физические страдания тела достаются не ему, а *Эго*. В силу данного обстоятельства *осознающее Я* может позволить себе продолжать борьбу. Более того, оно не только *может*, но и *хочет* этого, ибо только в ходе такой борьбы оно имеет шанс проявить себя в своей свободе от собственного *Эго*.

Тем самым внешнее противоборство самцов переносится внутрь каждого из них. В самосознании каждого самца разворачивается противоборство между его *вожделирующим Эго* и его же *осознающим Я*. От того, какая из данных сторон самосознания окажется сильнее – *вожделирующее Эго* или *осознающее Я*, – зависит, станет ли он продолжать борьбу или выйдет из неё.

§ 432. Жизнь индивидов является необходимым условием для проявления ими своего самосознания. По мере того как в ходе схватки один из соперников одолевает другого, последний начинает испытывать страх смерти. Перед его *Я* встаёт проблема выбора: либо прислушаться к своему *вожделирующему Эго* и выйти из борьбы, что позволит ему сохранить жизнь, но лишит его возможности в дальнейшем действовать свободно, либо не слушаться его и продолжать борьбу, рискуя потерять жизнь, но утвердить себя в своей свободе.

Пронизывающий всё естество индивида *ужас* надвигающейся *смерти* требует от него принятия решения. Если верх одерживает его *вожделирующее Эго*, то индивид проигрывает схватку. Если верх одерживает его *осознающее Я*, то он выигрывает её. Побеждает тот, у кого сильнее оказывается его свободное от непосредственной связи со своим телом *осознающее Я*. Конечно, в такой борьбе большую роль играет соотношение физической силы противников, но наряду с ней немалая роль принадлежит уже и их самосознанию, степени возвышения их *Я* над своим *Эго*. Кто не рискует, кто не идёт на смерть, презирая своим *идеальным осознающим Я* своё же *вожделирующее утробное Эго*, тот не выигрывает сражений и не обретает свободы.

Если в запале борьбы один из соперников погибает, то это никому не даёт желаемого результата. Убив своего соперника, оставшийся самец получает беспрепятственный доступ к самке. Но, как мы уже сказали, в ходе соперничества самцов главным является уже не самка, а выяснение того, кто из них *самее*, у кого *осознающее Я* более самостоятельно по отношению к своему *Эго*. Тот, кто погибает, автоматически теряет всяческие надежды на самостоятельность проявления своего *Я*. Но и тот, кто одерживает победу

ценой смерти соперника, также не достигает этого. Противоположность его *самосознания* будет просто аннулирована по отношению к *данному* сопернику, место которого тут же займут другие. Поэтому смерть соперника только осложняет положение победителя, ибо силы потрачены, а акта признания самостоятельности его *Я* не состоялось в связи с гибелью того, кому предстояло это сделать.

В результате схватка завершается тем образом, что более слабый самец под страхом смерти прекращает свою борьбу и смиряется с тем, что ему не удалось утвердить самостоятельность своего *Я*. Более сильный самец, сломив сопротивление соперника, также прекращает борьбу, вполне удовлетворяясь осознанием того, что своим бегством тот фактически признал самостоятельность его *Я*. Но такой внешний результат их противоборства стал прямым следствием борьбы между *Я* и *Эго*, состоявшейся внутри самосознания каждого из них. Победителем оказался тот, у кого *осознающее Я* оказалось сильнее *вожделирующего Эго*.

В подростковом возрасте наши дети также устраивают себе различные "испытания", суть которых сводится к тому, что они на деле стремятся проверить способность своего *идеального Я* проявить свою свободу по отношению к их непосредственно связанному с телом *животному Эго*. Формой таких испытаний могут быть какие-либо рискованные прыжки через преграду, ныряние в воду с опасной высоты, акт "перетерпения боли", просто драки и прочие "геройства". Отсюда же идут предметные корни таких определений, как *храбрость* и *трусость*.

Что же касается побеждённого, то хотя ему и не удалось утвердить свою свободу действий, но тем не менее его *Я* также достойно признания, поскольку оно боролось со своим *Эго*. Но действовать теперь он должен с оглядкой на победителя. Это значит, что ему тоже придётся проявлять самостоятельность своего *осознающего Я* по отношению к своему *Эго*, но уже в плане *сдерживания* им его вожделений в силу ограничений, накладываемых на него статусом побеждённого.

В других случаях вспышки соперничества между самцами могут не доходить до драк. Они ограничиваются выражением угроз или противостоянием "глаза в глаза", посредством которого самцы способны определять свои шансы на победу без вступления в схватку.

Физическая борьба самцов за утверждение свободы их действий приводит к следующим результатам.

Во-первых, оба соперника обретают способность к *сдерживанию* своим *осознающим Я* вожделий своего *Эго*. Благодаря этому их идеальное *Я* в некоторой степени освобождается от оков своего тела. На протяжении сотен миллионов лет (!) эволюция животных шла в направлении развития их нервной системы в её безраздельной подчинённости своему телу. Их *вождеющее Эго* было бессловесным рабом своего тела. И лишь под воздействием установившейся практики соперничества самцов эта связь обрела импульс для развития в обратном направлении. Благодаря физической борьбе *идеальное Я* делается способным не только безропотно выполнять утробные команды (вожделия) своего тела, но и в некоторой степени сдерживать их.

Вторым результатом борьбы самцов за утверждение своего *Я* является установление между ними *неравных отношений*. Победитель оказывается лидером сообщества, свободно полагающим все свои действия, а побеждённый – рядовым членом, действующим с оглядкой на него.

Как правило, в сообществах высших животных (стаях, прайдах, стадах) только один самец утверждает самостоятельность своего *Я*. Он становится вожаком. Все другие самцы либо изгоняются из сообщества, либо остаются на положении непризнанных в своей самостоятельности, но всегда (!) стремящихся к этому. Все самки сообщества становятся гаремом вожака, который использует его не только по прямому назначению – в плане деторождения, но и в целях демонстрации безграничной власти своего *Я*.

В результате *Я* вожака обретает господствующее положение по отношению ко всем членам сообщества: а) к другим самцам; б) к самкам; в) к молодняку. Оно – единственное – признано всеми в качестве свободного, тогда как все другие особи, хотя и признаваемы друг другом как самосознающие себя, но самостоятельность их *Я* не признана со стороны вожака. Впрочем и между ними (между их *Я*) также устанавливается определённая иерархия неравенства, которую биологи называют *порядком заклёвывания*. Согласно этому порядку, *альфа-особь* позволяет себе "клевать" всех других без разбору. *Бета-особь* – всех других, кроме *альфы*, и т.д. по нисходящему принципу.

Современные наблюдения за жизнью приматов в естественной среде обитания показывают, что вожак стада может незаметно спрятаться в стороне и следить за своими сородичами, а затем с угрожающими криками выскочить из засады, на что остальные особи реагируют тем образом, что с поддельным ужасом разбегаются в разные стороны и прячутся. Вожак позволяет себе периодически закатывать бурные истерики, в ходе которых все другие особи затихают и покорно принимают его

затрещины, демонстрируя тем самым, что они безоговорочно признают его господство. Такие проявления, надо полагать, представляют собой своего рода проверки на лояльность, которые вождь периодически устраивает своим сородичам, зная по опыту, что конкуренты не дремлют, а только и ждут того, чтобы занять его место и утвердить господство своего *Я*.

Если молодой самец претендует на то, чтобы занять лидирующее положение в стаде, то сначала он должен постараться овладеть как можно большим числом самок. За счёт таких действий он как бы получает от каждой из них согласие на своё лидерство. После этого он становится "морально" готов к сражению с уже действующим вождом стада либо с таким же претендентом, как и он сам. Более слабые самцы, не желая ввязываться в борьбу за лидерство, демонстрируют таким претендентам своё признание их превосходства тем образом, что принимают перед ними *позу самки*.

В этом, видимо, и кроется причина той "сексуальной помешанности", которая наблюдается в сообществах высших приматов, в частности у макаков. Постоянно практикуемые самцами действия, имитирующие акт спаривания, имеют под собой не физиологическую, а психическую основу. Эти действия выполняют у них роль общепринятого *жеста*, посредством которого самцы либо подтверждают преимущество своего *Я*, либо выражают признание преимущества *Я* другого самца. В первом случае они принимают в имитируемом ими акте спаривания позу самца, во втором – позу самки.

Такие формы выражения признания и уважения, как поклоны, книксен, отдавание чести, аплодисменты, приветственные возгласы и выражения, рукопожатия и т.п., появились только в человеческом обществе. Приматам же приходится использовать для целей поддержания "социальной иерархии" только те приёмы, которые даны им от природы, ибо ничего другого они не знают и не умеют. К таким действиям относится в первую очередь распределение ролей в имитируемом половом акте, а также действие *обыскивания* – выбирания из шерсти господствующего самца насекомых и мусора.

Сюда же, надо полагать, тянутся корни и таких уже собственно человеческих проявлений, как: а) *мат* (матерные выражения); б) земные поклоны; в) право первой брачной ночи и другие.

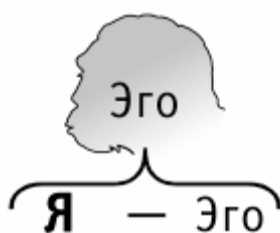
Третий результат соперничества самцов за утверждение своей свободы выражается в том, что у всех членов сообщества вырабатывается способность не только к сдерживанию своим *осознающим Я* вождельней своего *Эго*, но и к некоторой специализации выполняемых ими функций. Благодаря этому стала возможной сама коллективная форма жизни животных. Вождь является единоличным выразителем *общих* интересов. Он контролирует численный состав сообщества и поддерживает в нём порядок. Внутри сообщества происходит распределение ролей между рядовыми особями, исполняемых ими во время охоты, обороны, миграции и т.д. Благодаря этому развивается

внутренняя структура сообщества, которая связывает и укрепляет его изнутри. Однако по содержанию жизнедеятельности всё сообщество в целом по-прежнему продолжает оставаться единым вожделеющим самосознанием.

В основе существования таких организованных сообществ животных лежат отношения неравенства, установившиеся между вожаком и рядовыми особями. Страх перед физической силой вожака помогает рядовым сородичам подавлять своим *осознающим Я* вожделения своего *Эго*, что является необходимым условием для обретения ими способности к коллективной жизни. С другой стороны, поскольку вожаку постоянно приходится отстаивать своё господство посредством физической борьбы, он также вырабатывает способность к определённому подчинению своего *вождеющего Эго* своему *осознающему Я*. Он заставляет себя сражаться и терпеть боль.

Тем самым внешняя противоположность между вожаком и рядовыми особями сообщества переносится внутрь самосознания каждого из них. *Осознающее Я* каждой особи делается способным противопоставлять себя своему собственному *Эго*. Однако проявляет оно свою самостоятельность пока только в *отрицательной форме*. Это значит, что *осознающее Я* животных реализует свою самостоятельность не через созидание им какого-то нового содержания, качественно отличного от содержания их видового *Эго*, а лишь через обретение им навыков к сдерживанию вожделений своего *Эго* в интересах сообщества. Но и это уже что-то.

На таких достижениях останавливается развитие самосознания у животных. Его формула имеет вид: "Я – Эго", где Эго – это есть, пить, спариваться.

Для того чтобы животные смогли проявлять самостоятельность своего *осознающего Я* в *положительной форме*, им необходимо наполнить его качественно новым содержанием. Решить такую задачу удалось только одному виду животных – homo sapiens. Благодаря овладению орудийной деятельностью люди смогли превзойти своим *осознающим Я* содержание своего *вождеющего Эго* и сделать его основой своего дальнейшего развития.

Что же касается животных, то они также обнаруживают способность к положительному проявлению своего *Я* в его свободе от *Эго*, но только с помощью человека: выучка, дрессировка. То, что медведь в цирке ходит на передних лапах, а домашняя собака подаёт хозяину тапочки, не является самостоятельным достижением их собственного *Я*. Причём воздействие на *их осознающее Я* происходит только при посредстве их *вождедующего Эго*: кнут и пряник.

В этом пункте учения о сознании мы расстаёмся с братьями нашими меньшими – с животным миром. Весь дальнейший путь становления самосознания мы будем проследивать уже только на примере человека. А на прощанье, исходя из предложенной здесь системы определений, мы в общих чертах охарактеризуем уровень развития психики у высших видов животных.

Особи тех видов животных, которые ведут коллективный образ жизни, обладают *сознанием как таковым*, остановившимся в своём развитии на ступени *восприятия*. Они способны воспринимать и удерживать в своём представлении образы предметов, а также непосредственные связи между ними. Соответственно, их самосознание остановилось в своём развитии в начале ступени *совместного неравного* самосознания. Их осознающее *Я* способно проявлять свою самостоятельность, но лишь в пределах их коллективного вождедующего самосознания. Что же касается способностей их *интеллекта*, то, забегая вперёд (об интеллекте речь пойдёт в следующем разделе), отметим, что его развитие остановилось у них на ступени *представления*. Особи высших видов животных способны вспоминать предметы при их повторном созерцании, за счёт ассоциаций удерживать их связи и даже обозначать их. У макака, у шимпанзе насчитывается до 30 и более общепринятых звуковых сигналов, обозначающих различные предметы и действия.

Однако в силу того, что *их осознающее Я* ещё не способно войти в состояние противоположности к *самому себе* и через это стать подлинно свободным самосознанием, вся эта деятельность их духа не осознаётся самими животными в качестве таковой и потому не является предметной для них. Она осуществляется ими отчасти в силу врождённых инстинктов, отчасти благодаря навыкам, которые молодые особи приобретают через подражание взрослым.

б) Совместное неравное самосознание у людей

§ 433. Исходный уровень развития самосознания наших далёких предков, тот, с которым они вступили на порог человеческой истории, выражается формулой: "*Я – Эго*". Для его дальнейшего развития требовалось решить триединую задачу.

Во-первых, необходимо было оторвать *осознающее Я* наших предков от их *вождедеющего Эго*. В *Эго* нет никакого иного содержания, кроме узкого круга животных потребностей. Поэтому если их *осознающее Я* так и продолжало бы, подобно нитке за иглой, бегать за своим *Эго*, то оно так никогда и не смогло бы проявить себя в своей самостоятельности.

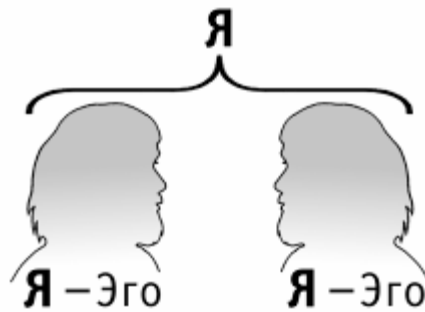
Во-вторых, необходимо было найти способ, посредством которого наши предки могли бы наполнить своё *осознающее Я* новым содержанием, качественно отличным от содержания их *вождедеющего Эго*. Без обретения такого содержания их *осознающее Я* так и продолжало бы оставаться лишь отражением своего *вождедеющего Эго*. И только в случае его обретения оно получало возможность для проявления самого себя в положительной форме.

В-третьих, для того чтобы их *осознающее Я* могло воспользоваться своим собственным содержанием, ему требовалось войти в состояние противоположности к самому себе. Только так оно могло научиться осознавать своё собственное наполнение и работать с ним. Без образования данной противоположности оно продолжало бы оставаться лишь одной из сторон *вождедеющего самосознания: Я – Эго*. И лишь войдя в противоположность к самому себе, оно создавало необходимое средство для своего превращения в подлинно свободное самосознание: *Я – Я*.

Но за счёт чего можно было решить такую задачу? Внутри самосознания наших далёких предков для этого не было никакой базы. На одной его стороне находилось их *Эго*, которое кроме первозданных форм животной жизни (есть, пить, спариваться) ничего более предложить не могло. На другой его стороне находилось их *осознающее Я*, которое потенциально было способно на многое, но на тот момент оно ещё оставалось пустым, не имеющим своего собственного содержания. Поэтому ни самостоятельно оторваться от своего *Эго*, ни самостоятельно войти в состояние противоположности к самому себе оно ещё не могло. Следовательно, решение данных задач могло состояться только за счёт привлечения каких-то *внешних* средств и условий.

Требуемая противоположность *осознающего Я* самому себе образовывалась не внутри самосознания каждого из наших предков, а через внешнее объединение их *осознающих Я* в одно общее самосознание. Схематически это выглядело следующим образом. Два индивида образовывали путём объединения своих *Я* одно общее самосознание на двоих. При этом каждому из них доставалась функция только одной его стороны: *Я – Я. Осознающее Я*

первого индивида брало на себя функцию той его стороны, которая призвана *ставить задачи*, а *осознающему Я* другого индивида доставалась функция той стороны, которая призвана *выполнять* их. В результате образовывалось одно **совместное самосознание** на двоих, стороны которого оказывались расположенными в разных индивидах: один – командует, другой – исполняет.

Реальной основой, позволившей сформировать такую форму самосознания, стал коллективный образ жизни наших предков с уже существующей там противоположностью самосознания особей. Приходящаяся на долю вожака функция лидера стала наполняться тем положительным содержанием, что он своим *осознающим Я* осуществлял постановку задач для своих рядовых сородичей, которые, в свою очередь, воспринимали и исполняли своим *осознающим Я* поставленные перед ними задачи. Тем самым образовывалось единое совместное самосознание, вбирающее в себя *осознающие Я* всех членов сообщества. Одной его стороной было *повелевающее Я* вожака, другой – *исполняющие* его повеления *Я* рядовых членов.

Таким образом, неспособность *осознающего Я* каждого отдельного индивида образовать внутреннюю противоположность в самом себе нашла своё разрешение через образование *внешней* противоположности между ними, воплотившейся в форму **совместного самосознания**. Стороны такого самосознания оказались разделёнными между *осознающими Я* разных индивидов. Та сторона, которая призвана формулировать задачи, доставалась одному субъекту – вожаку, впоследствии – вождю общины, а та сторона самосознания, которая призвана выполнять их, доставалась всем его сородичам – рядовым членам общины.

Вождеделющее Эго у каждого индивида своё собственное, единичное. Оно слито со своим телом и *эгоистично*. (Отсюда происходят такие житейские правила: "На вкус и цвет товарищей нет", "Кому – попадья, кому – попова дочка" и т.п.) Но *осознающее Я* представляет собой лишь идеальное отражение

своего *Эго*, поэтому оно у всех наших предков было одинаковым. У всех оно: а) было относительно свободным от связи со своим телом и б) ещё оставалось пустым, не имеющим своего собственного содержания. Состоявшееся объединение многих таких *осознающих Я* в одно общее самосознание являлось поэтому вполне *корректной* по своему элементному составу *конструкцией*, поскольку *осознающее Я* одного индивида ничем не отличалось от *осознающего Я* всех других.

Что давала форма совместного самосознания? Во-первых, *осознающее Я* каждого индивида отрывалось от своего *Эго*. Рядовые члены общины действовали теперь не под диктовку своего *Эго*, а по команде вождя. А это значит, что между их *вожделирующим Эго* и их *осознающим Я* стояло теперь *Я* вождя. В свою очередь, *осознающее Я* вождя ещё оставалось привязанным к своему *Эго*, но само оно его уже не обслуживало. Вождя обеспечивали всем необходимым рядовые члены общины, которыми он повелевал. А это значит, что между его *осознающим Я* и его *вожделирующим Эго* также стояло теперь *Я* других членов общины.

Благодаря совместному самосознанию *осознающее Я* наших предков освобождалось от безраздельной зависимости от своего вожделирующего *Эго*. Но достигалось это за счёт того, что оно попадало в новую зависимость – от *осознающего Я* другого индивида. В результате произошло разделение наших предков на две неравные по своему положению группы. Те из них, на долю которых доставалась функция повелителей, становились *господами*. А те, на долю которых выпадала функция исполнителей, становились *рабами, слугами*. Причём распределение ролей соответствовало результатам вышеописанной борьбы животных за утверждение самостоятельности своего *Я*. Тот, у кого в ходе борьбы за лидерство *осознающее Я* оказывалось сильнее *вожделирующего Эго*, становился достойным того, чтобы повелевать. А тем, у кого *осознающее Я* оказывалось более привязанным к своему *Эго*, более зависимым от него, доставалась роль исполнителей повелений.

Во-вторых, форма *совместного неравного* самосознания служила нашим предкам наглядным примером того, как должно было работать свободное самосознание каждого из них. В лице её реальных участников – господ и слуг – она наглядно демонстрировала: а) разделение сторон самосознания; б) функцию каждой стороны самосознания в отдельности; в) приведение данных сторон к своему единству. И не просто демонстрировала, но и делала всех

наших предков её активными участниками, в ходе чего они на практике осваивали все фрагменты деятельности своего собственного свободного самосознания.

На примере повелений своего вождя общинники находили зримый образ того, как должна работать та сторона их самосознания, которая призвана *ставить* задачи. Исполняя команды вождя, они на собственном примере находили проявление того, как должна работать та сторона их самосознания, которая призвана *исполнять* поставленные задачи. Достижение *единства* обеих сторон самосознания зависело как от реальности поставленных господином задач, так и от исполнительской дисциплины тех, кому приходилось их выполнять. Различные варианты расхождения между ними, недовольство и критика сторон в адрес друг друга, а также те последствия, к которым приводят такие расхождения, – всё это наглядно демонстрировала нашим предкам установившаяся между ними форма совместного неравного самосознания.

Это очень важный пункт нашего изложения! Дело в том, что сегодня все эти фрагменты деятельности нашего самосознания представляются нам настолько привычными и само собой разумеющимися, что у нас не возникает даже намёка на вопрос: откуда всё это взялось? Сознание наших далёких предков представляло собой чистый лист. Их *осознающее Я*, на основе которого у них формировалось свободное самосознание, первоначально было пусто. В нём не было ни повелевающей, ни исполнительской стороны, ни навыков приведения этих сторон к единству. Всему этому они учились благодаря установившейся форме совместного неравного самосознания с присущей ей наглядностью действия персонажей-сторон.

Для того чтобы научиться выполнять все функции своего свободного самосознания, каждому человеку необходимо было прежде увидеть и отработать их на практике. До того как обрести способность выполнять какое-то действие *мысленно*, или, как мы выражаемся, "в уме", необходимо увидеть его в реальной форме. Отнюдь не обязательно, чтобы оно предстало перед нами в своём исчерпывающем развитии, достаточно познакомиться с его принципом. Но сначала этот принцип должен предстать перед нами в своей внешней, чувственно данной форме! Только через созерцание его внешности данное действие попадает в наше сознание (становится идеальным содержанием нашего *Я*), благодаря чему мы делаемся в дальнейшем способными полагать его мысленно.

Например, чтобы научить детей считать "в уме", их сначала учат выполнять это действие на реальных предметах: на яблоках, на палочках, на счётах и т.д. Освоив счёт на таких наглядных примерах, дети в итоге становятся способными складывать и умножать мысленно. То же самое относится и к процедуре формирования самосознания в целом. Чтобы каждый человек смог развить внутреннюю деятельную форму своего свободного самосознания (Я – Я), ему требуется сначала увидеть все её конструктивные элементы в их внешнем проявлении. И не только увидеть, но и опробовать на деле. Форма *совместного неравного* самосознания давала такую возможность **всем людям**.

В-третьих, форма *совместного неравного* самосознания служила всеобщей матрицей, показывающей, как работает самосознание *любого* человека. Одно дело – иметь своё самосознание, и совсем другое – иметь представление о том, как работает самосознание других людей. Всё то, что происходит в сознании другого человека, формально недоступно для нас. Голова человека не прозрачна, и в этом смысле она ничем не отличается от головы животного: всё те же глаза, уши, нос. Но действуют люди далеко не так, как животные. Именно благодаря тому, что общество на протяжении тысячелетий развивалось в условиях существования совместного неравного самосознания, а также тому, что каждый человек в процессе своего индивидуального развития тоже проходит через эту форму, сегодня мы представляем, как в принципе работает сознания всех других людей.

Используя язык программистов, мы можем сказать, что самосознание людей – это "операционная система", которая обеспечивает работу всех конкретных программ нашего сознания. Благодаря тому, что все мы прошли в своём развитии через форму совместного самосознания, мы знаем, что эта "операционная система" имеет универсальный характер, что у всех других людей она такая же, как и у каждого из нас.

Форма совместного самосознания являлась, однако, только средством, с помощью которого *осознающее Я* каждого человека высвобождалось из-под власти своего *Эго*. Она создавала только внутреннюю возможность для проявления *осознающего Я* в его положительной свободе. Но для того чтобы такая свобода действительно состоялась, требовалось наполнить его (*осознающее Я*) качественно новым содержанием, отличным от содержания *Эго*. Вот эта содержательная основа развития свободного самосознания наших предков создавалась за счёт овладения ими **орудийной деятельностью**.

Освобождение рук от функций поддержания тела являлось лишь предварительным условием для становления орудийной деятельности. От природы ни руки наших предков, ни их *осознающее Я* не были приспособлены к выполнению каких-либо новых действий, выходящих за рамки их животной жизни. А это значит, что всем способам применения орудий труда, всем правилам и навыкам выполнения даже простейших движений надо было где-то учиться. Мало только взять в руки палку, требуется ещё найти пример того, как ею следует действовать.

Таким поставщиком примеров по использованию орудий труда являлась сама природа. Она в обилии поставляла сознанию наших предков различные способы целенаправленного воздействия на окружающую среду. Дятел клювом разрабатывает древесную шахту. Вороны раскалывают орехи. Бобры зубами срезают деревья и строят из них плотины. Птицы выют гнёзда. Грызуны роют норы и прячут в них запасы. Травоядные животные рогами и копытами отбиваются от хищников. Хищники клыками и когтями распарывают тела своих жертв. Лианы обвивают стволы деревьев. И т.д. Живой мир – это всегда открытая энциклопедия способов воздействия на предметы природы.

Когда особь одного вида подражает особям другого вида, она делает нечто отличное от своего видового *Эго*. При этом реализуется та же самая закономерность, которую мы иллюстрировали на примере обучения детей счёту. Прежде чем какой-либо приём орудийной деятельности становился *идеальным* достоянием сознания человека, его требовалось сначала увидеть во внешней, *реальной* форме его проявления. Только благодаря акту его созерцания данный приём попадал в сферу представления наших предков и в дальнейшем мог выступать уже как сознательно полагаемый ими.

Практика применения нашими предками орудий развивалась на основе их *подражания* действиям других животных, а также новообретённым навыкам своих соплеменников. Применяя орудия труда, люди подражали действиям других животных, в ходе которого обучались тому, чего в их собственной природе не существовало.

В наше время процесс обучения подрастающих поколений также основан на их подражании действиям взрослых. Это уже после того, как человек получит воспитание и образование и у него полностью разовьётся самосознание, он становится способным совершенствовать старые и изобретать новые орудия труда. Но начинают подростки всегда с того, что осваивают те орудия и приёмы, которые уже созданы и отработаны человечеством.

Благодаря применению орудий *осознающее Я* наших предков стало накапливать своё собственное содержание, отличное от содержания их *Эго – знания*. Являясь изначально средством добывания продуктов пропитания и обороны, орудия становились по совместительству и инструментами познания этого мира. Даже самые примитивные из них несут в себе помимо своих прямых функций также косвенные. Они выполняют роль зонда, щупа, лупы, линейки, скальпеля и т.д. Благодаря орудийной деятельности люди расширяли поле своего чувственного контакта с природой, поле изучения логики вещей в природе, поле съёма информации о ней. Практика применения орудий позволила им больше видеть, больше слышать, больше осязать. Тем самым орудийная деятельность стала давать нашим предкам такие результаты, к которым они изначально не стремились, – знания о мире.

Приобретаемые знания являлись, по существу, побочным продуктом орудийной деятельности. Но они не отбрасывались в сторону, а откладывались в сознании наших предков, расширяя его содержание. Орудийная деятельность и производимые в ходе неё знания взаимно дополняли друг друга. *Сознательное Я* наших предков строило свою деятельность на основе уже имеющихся в нём знаний. А сам процесс орудийной деятельности, в свою очередь, приносил ему новые знания.

Рассуждая сегодня о движущих силах антропогенеза, как правило, в первую очередь задаются вопросом: почему наши далёкие предки взяли в руки палку? Но сам по себе этот вопрос представляет мало интереса. Они могли взять её в силу случая, помноженного на древесно-наземный образ их жизни. Значительно больший интерес представляет вопрос: почему, взяв в руки палку, они затем так и не выбросили её? А произошло это потому, что орудия труда позволяли нашим предкам не только проявлять своё *Я* отличным от *Эго* образом, но и наполнять его соответствующим ему содержанием – знаниями. Палка, следовательно, осталась в руках наших предков не только потому, что она давала "хлеб" их телу, но и потому, что приносила *знания* их *идеальному Я*. На базе этих знаний развивалось их свободное самосознание. Если бы отдача от применения палки ограничивалась только "хлебом", то самосознание наших предков не поднялось бы выше, чем у остальных животных.

Появление такого собственного наполнения позволило *осознающему Я* каждого индивида войти в противоположность к самому себе и на этой основе развиваться далее в качестве свободного (от *Эго*) самосознания: Я – Я.

Такое вхождение *осознающего Я* каждого из наших предков в противоположность к самому себе в условиях сохранения их внешней

зависимости друг от друга (господин – раб) позволило развиваться их свободному самосознанию. *Человеческий язык и мышление* являются собственными средствами деятельности свободного самосознания людей. Посредством языка и мышления оно (самосознание) действует как внутри самого себя, так и вовне, при общении с другими людьми. Язык и мышление были созданы самим свободным самосознанием и в его целях.

Совершенствование орудий труда, создание духовных произведений (наскальная живопись, мифы, ритуалы), формирование и развитие общественных институтов представляют собой уже практические результаты деятельности свободного самосознания наших предков.

Таким образом, формирование в общинах наших предков отношений совместного неравного самосознания и овладение ими орудийной деятельностью позволило им:

- а) вывести своё *осознающее Я* из-под власти *Эго*;
- б) наполнить его собственным содержанием – знаниями;
- в) на базе этих знаний развивать свободное самосознание: Я – Я.

Наступление ледников и тяжёлые условия жизни, которые якобы стимулировали наших предков к овладению орудиями труда, – это неправомерная экстраполяция представлений современного человека на те далёкие времена. Наши предки изначально были дикими животными, и те условия, в которых они жили, их вполне устраивали. Уходя корнями в миллионную толщу лет животной жизни, они не знали никаких других стандартов благосостояния, и потому не испытывали дискомфорта и никуда не спешили.

Можно отчасти согласиться с тем, что ужесточение *внешних* условий жизни побуждало их действовать более инициативно, но сами по себе эти условия не могли заставить их применять орудия. Для перехода к орудийной деятельности требовалось давление неких *внутренних* механизмов развития человека, связанных с раскрытием его сущности – сознания.

Ссылка марксистской философии на появление избыточного продукта как на причину, приведшую к образованию неравенства между людьми, сродни попытке выставить телегу впереди лошади и представить её в качестве локомотива. Причина установления отношений господства и рабства и овладения орудийной деятельностью со всеми вытекающими из них последствиями лежала в потребностях развивающегося самосознания наших предков. Вот этот внутренний процесс и стал той движущей силой, которая вывела людей из пучины первозданной животной жизни на путь духовного развития.

Поскольку форма совместного самосознания создавала неравенство между людьми, она поддерживалась в обществе с помощью насилия: телесных наказаний и казней. Отношения, существовавшие между людьми на ступени совместного неравного самосознания, были названы историками отношениями *внеэкономического принуждения*. Но не следует думать, что здесь речь идёт только о классическом рабстве Древней Греции или Древнего Рима. Отношения внеэкономического принуждения существовали *на всём* протяжении истории человечества вплоть до социальных революций нового и новейшего времени. Это и древнекитайский деспотизм, и египетское царство, и цивилизации Междуречья, и Крито-Микенский период ранней греческой истории; это и само классическое рабство Греции и Рима, и феодальная зависимость в Средневековой Европе и Азии, и крепостное право в России, и патриархальное семейное рабство, которое процветало во всех странах мира, и т.д. Всё это были различные варианты внеэкономической зависимости, обусловленные господством формы совместного неравного самосознания.

Античное рабство, которое мы знаем на примере Древней Греции и Рима, – это достаточно позднее изобретение человечества, относящееся к VIII-VII веку до н.э. Элементы такой разновидности формы совместного самосознания, основанной на превращении покорённых народов в рабов, были везде и всегда, но её тотальное господство имело место только в данных странах и в данный период. В большинстве других регионов мира преобладали различные формы феодальной организации общества, где на положении рабов находились преимущественно свои, а не чужие народы.

Изначально наши предки представляли собой сообщество животных, способных в условиях коллективного образа жизни лишь к некоторому сдерживанию своим *осознающим Я* вожделий своего *Эго*. После установления отношений совместного неравного самосознания и овладения орудийной деятельностью они стали представлять собой общество людей, проявляющих своё *Я* в его положительной свободе. И пусть эта свобода была ещё минимальной, важно то, что она уже была. На ступени животной жизни её не было и не могло быть в принципе!

Те немногие из числа комментаторов философии Гегеля, которые доходят до его учения о самосознании, объясняют суть установления отношений *господства и рабства* в том духе, что, становясь зависимым от другого человека, индивид сохраняет свою жизнь, но платит за это тем, что теряет свою

свободу. До того момента, как стать зависимым, он якобы был свободен, а оказавшись на положении раба, стал несвободен.

Данная точка зрения основана на неверном понимании свободы. В дикой природе свободы не существует. Только человек свободен, но и он до этого должен был дорасти, для чего человечеству потребовался длительный период развития в условиях существования отношений господства и рабства. Попадая в услужение к другому индивиду и повинаясь его воле, первобытный человек впервые *начал обретать* свободу, свободу от служения своему *животному Эго*, свободу от беспросветной заботы об утробе своей. Да, свобода раба ещё сильно ограничена. Она минимальна. С точки зрения современного человека это – ещё вовсе никакая не свобода, а неволя чистой воды, и тем не менее это было уже именно началом человеческой свободы, её первыми ростками.

"Лучше быть *такой-сякой*, чем вообще никакой", – говорили женщины в былые времена, предпочитая состояние рабской зависимости от мужа состоянию одинокого существования. Эта фраза более удачно передаёт смысл существования отношений господства и рабства в истории человечества. Вне таких отношений предок человека продолжал оставаться животным, и только вступив в них, он обретал начала своей человечности.

§ 434. Форма совместного неравного самосознания создавала условия для развития индивидуального сознания людей, но при этом она ограничивала их внешнюю свободу. В силу наличия в ней такого противоречия она имела временный, преходящий характер. Но, как говорят в таких случаях, "быстро сказка сказывается, да нескоро дело делается". В реальном летоисчислении форма совместного неравного самосознания господствовала на протяжении нескольких тысячелетий.

Интенсивная суть процесса развития человечества в эпоху существования отношений господства и рабства заключалась в том, что, с одной стороны, шло формирование свободного самосознания у всех людей, а с другой – в обществе шло создание условий для его реализации. То обстоятельство, что первые контуры отношений совместного самосознания возникли ещё в сообществах животных, не исчерпывало всего существа дела. Необходимо было, во-первых, перевести их в положительную форму, во-вторых, распространить их действие на всю меру наличного бытия человечества, в-третьих, раскрыть весь содержащийся в них потенциал развития и воплотить его в реальность. Вот на всё это человечеству потребовался период, называемый *всемирной историей*.

Как развивалась история человечества? Какую роль играли в ней те или иные народы? Эти вопросы должны рассматриваться в учении о *понятии* всемирной истории (философии истории). Здесь же мы должны указать лишь те её моменты, которые представляли собой вехи на пути развития самосознания людей. В период собирательства и охоты шло утверждение самой практики орудийной деятельности наших предков на всей пригодной для их проживания территории планеты. По мере завершения этого процесса произошёл переход от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству и, соответственно, от кочевого образа жизни – к осёдлому. Появление устойчивых земледельческих поселений создавало субстанциальную основу для раскрытия сущностных моментов отношений совместного неравного самосознания.

Возникающие на базе соседских общин государственные образования представляли собой иерархическую пирамиду отношений господства и подчинения. На её вершине находились абсолютные властители – монархи: фараоны, цари, императоры, короли, султаны и т.д. Ступенью ниже располагались представители родовой аристократии: князья и бояре, герцоги и графы, эмиры и беи. Они, как правило, являлись правителями отдельных регионов страны. Далее шло дворянство, которое в основном формировалось из людей, проявивших заслуги перед Отечеством. Они наделялись землёй и непосредственно управляли проживавшим на ней людом.

Правящая династия, родовая аристократия, дворянство, а также духовенство представляли собой *высшие привилегированные* сословия общества. Им противостояла масса зависимых от них простых людей: рабов, крестьян, крепостных, слуг, дворовых и т.д., которые составляли *низшее, податное* сословие. В них признавалось их человеческое начало, но их самосознание не признавалось равным самосознанию представителей высших сословий.

Стандарты господской жизни существенно отличались от стандартов рабской жизни: *дворцы* и *хижины*. Пышные одежды и головные уборы создавали образ господина, тогда как образ рабов оставался в своей простоте. По отношению к господам применялись возвышающие обращения: властелин, повелитель, господин, пан, сиятельство, благородие, превосходительство и другие. По отношению к рабам – уничижительные: раб, смерд, холоп, голубчик, братец, милейший, любезный, человек и т.д.

В условиях существования отношений совместного самосознания в принципе невозможно было стать свободным, поскольку несвободны были все: и господа, и рабы, и паны, и слуги. Можно было перестать быть рабом и стать господином

либо наоборот, но не свободным. Можно было стать также *вольным*, переселившись на ещё не освоенные земли, но и там постепенно утверждались отношения совместного неравного самосознания. Во всех ситуациях человек оставался либо "родовитым", "благородным", либо "подлым", "простым". (В истории случались и победоносные восстания народных масс, но и они в итоге заканчивались восстановлением неравных отношений между людьми.)

В период господства натурального хозяйства продукты человеческого труда производились в своей природной форме. В хлебопашестве – зерно. В садоводстве – фрукты, ягоды. В огородничестве – овощи, корнеплоды. В животноводстве – скотина, птица. Фураж – овёс, сено. Так как характер труда определялся такими натуральными формами продуктов, которые *не изготавливались*, а лишь *выращивались*, простор для творческого развития сознания производителей был ограничен.

Дальнейший прогресс в деле развития самосознания шёл преимущественно через города. Ремесло и мануфактура позволяли мастерам и подмастерьям воплощать своё *Я* в искусственно создаваемых формах предметов. Например: подсвечник, платье, украшение, карета, шпага и т.д. В таких продуктах своего труда мастеровые люди находили реальное воплощение свободного творчества своего *Я*. Но и здесь на первых порах использовались преимущественно природные материалы и виды энергии – мускульная сила животных и самого человека, что также ограничивало возможность для раскрытия творческого потенциала свободного самосознания.

Великие географические открытия и последовавшее за ними образование европейского и мирового рынка привели к переходу мануфактурного производства на промышленную основу. Промышленное производство, в свою очередь, вызвало изобретение новых орудий производства и предметов потребления, искусственных источников энергии и материалов. Все звенья технологической цепи – от добычи сырья до продажи готовых изделий и от их потребления до утилизации отходов – стали ареной проявления творческой деятельности человеческого *Я*.

Поскольку самосознание людей действует на основе знаний, расширение возможностей для проявления свободы творчества потребовало внедрения всеобщего образования, а также развития науки. Используемое в учебниках истории выражение: "развитие производства потребовало развития науки и образования" надо понимать в том смысле, что развивающееся самосознание людей нуждалось в расширении арсеналов используемых ими знаний.

Благодаря промышленному производству, образованию и науке самосознание широких народных масс стало стремительно вырываться из тисков отношений господства и рабства. В своём творчестве рабочие и предприниматели всё более утверждали своё самосознание в его свободе. В развиваемых ими сферах они проявляли своё Я не только не хуже господ, но даже более эффективно. Опираясь на свои дела, они могли заявить о себе словами: "Я – специалист, я себе (своим творческим способностям) цену знаю".

Рост возможностей для реализации свободного самосознания людей привёл в итоге к тому, что форма совместного неравного самосознания стала стеснять общество. Долгое время она способствовала развитию сознания людей, но теперь стала препятствовать ему. Человечество в лице передовых стран пришло к необходимости перехода со ступени *совместного неравного* самосознания на ступень *всеобщего свободного равного* самосознания. Соответственно, та психология людей и те отношения в обществе, которые соответствовали уходящей форме самосознания, должны были быть заменены новыми. Когда цель достигнута, средство её достижения остаётся в прошлом.

Опубликованная Гегелем в 1807 г. работа "Феноменология духа" представляет собой начальный вариант изложения его системы. Для себя он называл её "путешествием за открытиями". Первым таким открытием в ней стало как раз учение о *самосознании*. Как и все остальные части его системы, оно также было изложено очень трудным языком. Но такая труднодоступная форма изложения была спасительной для самого Гегеля. Если бы смысл его учения о самосознании стал понятен его современникам, то он сам, скорее всего, подвергся бы жесточайшим преследованиям как со стороны церкви – за раскрытые им механизмы становления отношений совместного самосознания, так и со стороны государства – за указание на их преходящий характер. Похоже, что сам Гегель очень хорошо понимал эту нешуточную для себя угрозу, поэтому в "Энциклопедии философских наук" он изложил это учение ещё более кратко и ещё менее понятно.

в) Переход к всеобщему свободному равному самосознанию

§ 435. В системе отношений совместного неравного самосознания раб взамен своего животного эгоизма приучался исполнять чужую волю, тогда как господин оставался ещё привязанным к своему Эго. С точки зрения требований свободного самосознания положение раба является более истинным, чем положение господина. А это значит, что отмена совместного неравного самосознания должна была произойти за счёт ликвидации *господства*, тогда как *служение* – в форме служения интересам всего общества – должно было

остаться. Соответственно, инициатива ликвидации неравных отношений исходила от тех, чьё самосознание не признавалось равным, – от *рабов*.

И настала пора, и поднялся народ,
Разогнул он могучую спину.
И стряхнув с плеч долой тяжкий гнёт вековой,
На врагов своих поднял дубину.

За тысячелетний период своего существования общественный строй, основанный на отношениях господства и рабства, утвердился и стал привычным настолько, что другого строя люди уже не представляли. Всё общество снизу доверху было пронизано принципом неравенства людей: в семье, в социальной сфере, в экономике, в образовании, в культуре и т.д. В силу данного обстоятельства при переходе на ступень всеобщего свободного самосознания потребовалось разрушать и отстраивать заново всё общество. Весь уклад жизни людей требовалось перевести с принципов совместного неравного самосознания на принципы свободного равного самосознания.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем, тот станет всем.

Но общественный строй – это только одна, внешняя сторона преобразований. За прошедшие тысячелетия отношения неравенства укоренились также в психологии людей: в их душах, в их сознании, в их морали. Поэтому требовалось изменить и внутренний мир человека. У одной части общества необходимо было искоренять господскую, барскую психологию, у другой, холопскую, рабскую. И всех надо было научить быть равными.

Вот такое всеобъемлющее преобразование общества получило название *социальной революции*. В разных странах, в разных *формах*, под разными *лозунгами*, в разные *сроки* и с разными *темпами* были осуществлены: а) демонтаж общественной системы, основанной на принципах совместного неравного самосознания, и б) построение нового общества на принципах всеобщего свободного равного самосознания. Начался этот процесс в середине XVII века в Европе, но достиг своего пика только в XX столетии.

Освободив людей от отношений господства и рабства, революция пробуждала в широких народных массах *энергию высвобождающегося самосознания*. Осознание завоёванной свободы и равноправия порождало у людей стремление проявить себя в новом качестве на деле. Требовалась практика участия в каких-либо всеобщих делах, где каждый наравне со всеми мог бы проявить своё *Я* в его свободе. Только такая реальная практика утверждения нового качества своего *Я* могла вытеснить старую психологию и воспитать новую, сделать новые равноправные отношения между людьми столь же привычными, сколь привычными были отношения старого строя.

Именно массовый выход энергии высвобождающегося самосознания вызвал такие явления в истории человечества, как колониальная деятельность и заселение новых материков, наполеоновские походы во Франции, движение фашизма в Италии и в ряде других стран, национал-социализм в Германии, волна экспансии в Японии, коммунистическое строительство в СССР, в Китае и в ряде других стран. Она же стала причиной и Второй мировой войны, где столкнулась мощь высвободившихся самосознаний народов целого ряда стран. Не осталась в стороне от этого процесса и Первая мировая война, с той лишь разницей, что через участие в ней главы государств того времени пытались погасить (стравить) нарастающую энергию масс. Поэтому вполне справедлив был лозунг В.И. Ленина о превращении империалистической войны в гражданскую, ибо дело само шло к этому и тем, собственно, и закончилось.

Идеологические учения, сопровождавшие данные исторические явления, лишь направляли энергию людей в определённое русло, а вовсе не вызывали её. Скорее наоборот, провозглашаемые ими цели и лозунги были обязаны своим успехом требующей выхода энергии освобождающегося самосознания масс.

В последние дни Второй мировой войны Адольф Гитлер высказался якобы в том духе, что национал-социалистическая идеология потерпела поражение потому, что *нация оказалась недостойна своего фюрера*. Однако истинная причина её краха заключалась в том, что идея превосходства одной нации над другими оказалась *недостойна* тех целей, на службу которым она была поставлена. Согласно национал-социалистической идеологии, переход людей на ступень *всеобщего* свободного самосознания должен был состояться в пределах только *одного* народа. Другие народы должны были оказаться на неравном положении и быть зависимыми от него. А это значит, что *всеобщий* характер перехода рода человеческого на ступень свободного равного самосознания был втиснут в рамки *особенности* одной нации, поэтому данная идеология изначально была обречена на поражение как форма, не соответствующая содержанию процесса.

Революция освобождала людей от нравов предыдущего строя, но не создавала сразу же новых. На это требовалось время. Реализация всеобщей свободы в таких условиях могла привести только к вольнице, переходящей во вседозволенность. А это означает чехарду власти, вооружённую борьбу случайных интересов, распад единства страны и разруху. Вот такая ситуация предопределила появление в послереволюционный период диктаторских форм правления и, соответственно, тоталитарных идеологий. Иначе говоря, потребность в диктатуре возникает не в условиях уравновешенного состояния общества и развитой демократии, а в условиях высокой активности масс, при ещё не сформированных новых общественных отношениях. Соответственно, задача диктатуры заключается в том, чтобы консолидировать энергию масс и направить её на осуществление назревших преобразований в стране: раскрестьянивание населения, развитие промышленного производства, внедрение всеобщего образования и т.д.

Весь этот вихрь: от мысли до курка,
И построек, и пожаров дым
Прибирала партия к рукам,
Направляла, строила в ряды.

Кроме этого, появление в послереволюционный период диктаторских форм правления было обусловлено потребностью людей освободиться от укоренившейся в их душах и в их сознании махины отношений господства и служения (рабства). Происходило такое освобождение по принципу: *клин выбивается клином*. Таким спасительным для целых народов клином служила фигура диктатора. Чтобы изжить в себе тысячелетнюю психологию неравенства и сделать привычными отношения всеобщего свободного равного самосознания, все народы должны были пройти через строгую дисциплину и подчинение воле одного человека. Соответственно, чтобы отучить людей от порядков, основанных на насилии, диктаторы вынуждены были применять насилие.

Следовательно, в период диктатуры общество *бежало* вовсе не *от свободы*, в чём пытается убедить нас так называемая психоаналитическая философия, с легкостью обвинившая целые народы в наличии у них садомазохистских наклонностей, а именно *к* свободе. Никого не минула эта участь. Ещё в Древней Греции, в ходе обретения человечеством первого опыта демократии

(демократии для некоторых), после того как Солон дал афинянам демократические законы, к власти пришёл тиран Писистрат. Опираясь на насилие, он приучил граждан Афин к уважению и исполнению законов. И лишь после того как повиновение им пустило корни, господство тирании стало излишним. Такова же была роль диктаторских режимов в новой и новейшей истории. Исчерпав своё предназначение, они сами приходят к своей отмене.

Именно диктатура выполняет всю грязную черновую работу по созданию основ нового общественного строя и воспитанию новой психологии людей, соответствующей принципам всеобщего свободного равного самосознания. Именно она приучает людей к новому образу жизни, к новым отношениям, к новой морали. Когда же она сделает своё дело, то ей на смену приходит демократия. Однако вместо того чтобы сказать своей предшественнице спасибо, новоявленная преемница, наоборот, всячески делает вид, что не имеет к ней равным счётом никакого отношения, что ни о каком родстве между ними и речи быть не может. Как неразумное дитя, она пытается уверить всех, что сама себя родила и вырастила. С этой целью она выставляет диктатуру в образе неведомо откуда взявшейся самозванки, от которой только беды исходят. Всё то хорошее, что было сделано в её годы, демократия приписывает героическому труду народа, а всё плохое – преступному диктаторскому режиму. Диктаторам же приходится разделять участь героя фильма "Огни большого города". Они не знают благодарности от своих прозревших потомков. Впрочем, сами они и не нуждаются в этом. Их призвала на эту тяжелейшую роль история, и она же вынесла им свою награду – бессмертную славу.

Преобразование общества с принципов совместного неравного самосознания в принципы всеобщего свободного равного самосознания – это то общее, что совершалось в ходе всех революций во всех странах. Но в этом всеобщем мировом революционном процессе была и своя *эстафета преемственности*. Каждая великая революция отталкивалась от достижений предыдущих революций и своими собственными свершениями вносила очередной вклад в дальнейшее развитие этого процесса. Причём этот вклад имел не столько экстенсивное значение, состоящее в том, что ещё одна страна мира включалась в данный процесс, сколько именно интенсивное значение, заключающееся в дальнейшем углублении самой сути осуществляемого перехода. Российской революции выпало на долю довести этот процесс до его наивысшей точки.

Все предыдущие революции – нидерландская, английская, французская, других европейских стран – приводили лишь к частичному преобразованию существующего строя. В ходе них феодальные порядки изменялись постепенно, сохраняя в большой степени отношения неравенства. Психология свободного самосознания и равноправные отношения между людьми утверждались при большом сопротивлении господствующих классов. Как, например, отозвался Талейран о вернувшихся после 25 лет вынужденной эмиграции французских аристократах: "Они ничего не забыли и ничему не научились". Нередко происходили откаты назад. И хотя в целом процесс преобразования неумолимо шёл вперёд, тем не менее в данных странах ещё продолжали преобладать отношения совместного неравного самосознания.

В ходе революционных преобразований в России были отменены и уничтожены не только феодальные порядки, но и все прочие основания для сохранения неравенства между людьми. Одним актом было провозглашено абсолютное равноправие всех и по возрасту, и по полу, и по вере, и по национальности, и по экономическому положению и т.д. Для этого народу России пришлось пойти в том числе и на полную отмену частной собственности. Тем самым в России была ликвидирована вся система внеэкономического принуждения в целом, был разрушен весь основанный на принципах неравенства общественный строй.

Поскольку все сферы жизни были подвергнуты абсолютному очищению от всяческих следов неравного самосознания, постольку радикальным образом изменилось и отношение государства к человеку. В Советской России само государство было поставлено на воспитание свободных в своём самосознании и равноправных граждан. А это значит, что российские преобразования привели к изменению самой субстанциальной основы общества. Тем самым именно России суждено было *завершить* процесс отрицания ступени совместного неравного самосознания, довести его до той точки, до которой он должен был дойти согласно своему понятию. Достигнутые ею результаты оказали решающее воздействие на все другие страны мира, включая и те из них, в которых революционные преобразования начались намного раньше.

Столь радикальный процесс всестороннего реформирования общества потребовал глубочайшего вхождения человеческого духа в самого себя. Всему народу потребовалось найти в себе силы на то, чтобы не только удалить из

страны ту часть своих соотечественников, которые ранее числились в "господах", но и на то, чтобы каждому человеку самому перебороть себя изнутри, изжить в себе многовековую психологию рабства, утвердившуюся ещё при наших далёких предках. Потребовалось, как бы заново родившись, принять новый духовный образ – свободных в своём самосознании и равноправных в поведении людей.

Каждому даётся крест по силам его. И тот факт, что осуществить эту сложнейшую работу по преобразованию человеческого духа выпало на долю народа России, следует понимать так, что свои труднейшие дела на этой земле Создатель доверяет только сильным!

- Матушка, матушка, что во поле пыльно?

Сударыня-матушка, что во поле пыльно?

- Дитяtko, милое...

Кони разыгрались...

...

- Матушка, матушка, образа снимают,

Сударыня-матушка, меня ж благословляют...

- Дитяtko, милое...

Господь с тобою!..

Нам следует гордиться своей историей. И ни в коем случае не стесняться её. Не надо думать, что Россия сделала что-то не так, причём в негативном смысле. Напротив, России удалось осуществить то, перед чем остановились другие народы. Она смогла преодолеть последний тяжелейший отрезок на пути восхождения человечества к вершине обновления своего духа. Без прохождения через такое чистилище род человеческий так и продолжал бы одной ногой оставаться ещё на ступени совместного неравного самосознания, соседствуя там по своему статусу со стадами приматов. И только пройдя через него, он окончательно утверждал себя на ступени всеобщего свободного равного самосознания. В этом и заключается непреходящее всемирно-историческое значение Советского периода истории России.

Процесс революционных преобразований в России начался в 1861 году с указа об отмене крепостного права. И если бы Россия была первой на этом пути, то вполне вероятно, что он развивался бы в ней так же постепенно, как, например, в Великобритании. Но она была далеко не первой, и поэтому ей предстояло не только

перенести на свою почву уже достигнутые другими странами результаты преобразований, но и внести в этот процесс свою лепту. Поэтому собственно российская фаза развития мирового революционного процесса определяется периодом с октября 1917 года до конца двадцатого столетия, с исторических слов В.И. Ленина: "Социалистическая революция... свершилась!", до не менее исторических слов последнего Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва: "Процесс пошёл!"

Осуществлён этот переход был усилиями трёх поколений. Первое поколение движимо было идеей преобразования. Оно совершало революционный захват власти, разрушало старый строй и изживало старую психологию. Действуя преимущественно методом проб и ошибок, оно же закладывало основы нового строя, новых отношений, новой морали. Второе поколение – рождения 20-30-х годов – отстраивало новое общество и само же училось жить в нём. И только третье поколение советских граждан, рождения 50-60х годов, выросшее уже в условиях нового строя, новой системы отношений, смогло перейти к действительному житнетворчеству на принципах всеобщего свободного равного самосознания.

Состоявшийся в 90-е годы возврат к частной собственности не следует рассматривать как некий откат к тому, от чего ушли в октябре 1917 года. На протяжении 70 лет народы Советского Союза уходили не от частной собственности как таковой, а от тысячелетних отношений господства и рабства. Отказ от частной собственности в пользу всеобщей национализации имущества страны представлял собой временную меру, потребовавшуюся в целях освобождения духа людей от психологии неравенства. Поэтому акт возврата к праву частной собственности следует рассматривать не как отмену осуществлённых в стране преобразований, а как констатацию их успешного завершения. (Другой вопрос – всё ли надо было приватизировать?)

То же самое относится и к религии, роль которой в деле воспитания душ и развития мышления людей незаменима и неустраима в принципе. Но поскольку в России до того не было духовной реформации, постольку революции пришлось взять на себя исполнение и этой функции. Расчищение духа людей от всевластия религиозных представлений было необходимым условием для успешного развития их свободного равного самосознания.

Вместе с Россией этот путь прошли другие народы, входившие в состав Советского Союза. Вслед за ней преобразования подобного масштаба были осуществлены и в целом ряде стран, в том числе и в Китае – великой стране с неевропейской религией, культурой и традицией. Всего же через такие радикальные преобразования прошло не менее четверти состава человечества.

Что касается репрессий, то в процессе такого глубочайшего обновления духа целых народов их не могло не быть. Нельзя отрицать, что во многих случаях они имели необоснованный характер и использовались в том числе и в чьих-то

корыстных интересах. Но даже с учётом этого обстоятельства списывать их жертвы на дурной характер диктатора или на так называемый "преступный режим" – значит придавать им случайное, несущественное значение. Все жертвы мирового революционного процесса были принесены во имя достижения человечеством ступени всеобщего свободного самосознания. И в этом их величие.

Отношения неравенства и сопровождающее их насилие человека над человеком были лишь временным, преходящим явлением в развитии общества, а не его субстанциальным принципом. Насилие было необходимо при переходе наших далёких предков со ступени вожделеющего самосознания на ступень совместного неравного самосознания, когда потребовалось оторваться от оков животной жизни и встать на путь обретения свободы. Оно продолжало сохраняться на всём протяжении существования этих отношений, где выступало в форме внеэкономического принуждения. Оно потребовалось и при переходе со ступени совместного неравного самосознания на ступень всеобщего свободного равного самосознания, где приняло образ диктаторских режимов. Но всё это ещё не значит, что насилие вечно. Обретенное теперь человечеством состояние подвергает отрицанию то средство, за счёт которого оно создавалось. Когда цель достигнута, тогда средство её достижения делается ненужным и уходит в прошлое.

3. Всеобщее свободное равное самосознание

§ 436. Достижение этой ступени означает утвердительное знание человеком того, что все другие люди являются такими же, как и он сам, что у всех у них существует равное ему развитое свободное самосознание.

Изначально наши предки были животными, единичное *вождеющее Эго* которых было погружено в их тело и неукоснительно служило ему. Благодаря образованию формы совместного неравного самосознания и овладению орудийной деятельностью у наших предков стало развиваться *свободное самосознание*, а *вождеющее Эго* становилось его снятым моментом. Так как *свободное самосознание* имеет общественную природу (оно формируется только в условиях общества), у всех людей оно в принципе одинаково как по своему содержанию (знаниям), так и по своей внутренней деятельной форме (Я – Я).

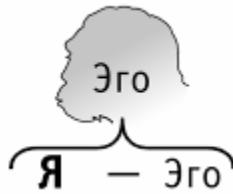
Достигнув современной ступени развития, род человеческий приходит к осознанию своего субстанциального единства, полагаемого уже не общностью генов, а общностью свободного и равного самосознания всех людей.

Я, Ты, Он, Она.
Вместе – целая страна!
Вместе – дружная семья!
В слове "Мы" – сто тысяч "Я".

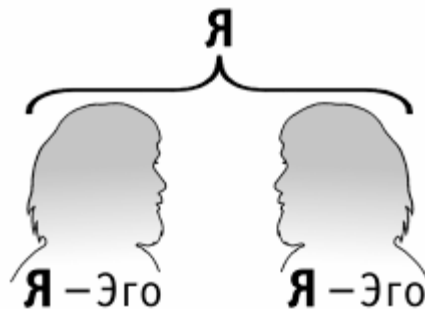
Общество, основанное на принципах всеобщего свободного самосознания, – это современное демократическое правовое государство. Многие страны уже завершили построение такого государства, многие ещё находятся на пути к нему. В правовом государстве также сохраняются отношения командования и подчинения, но теперь они основаны на свободном волеизъявлении людей, которые по своему выбору определяют своё место в обществе. Иначе говоря, на достигнутой ступени развития общества отношения "господства и рабства" преобразуются в отношения "руководитель – исполнитель", конкретное содержание которых определяется договором трудового найма.

Мы, нынешнее поколение людей, находимся уже на ступени всеобщего свободного самосознания. В силу этого, оглядываясь на минувшие исторические эпохи, мы исподволь склонны воспринимать их "в системе координат", присущих нашему сознанию сегодня. Это можно сравнить с тем, как если бы зрелый мужчина, вспоминая свой юношеский возраст, пытался объяснять свои поступки тех лет с высоты достигнутого им жизненного опыта. Подобная практика, приводящая к явному осовремениванию духовного состояния прошедших исторических эпох, имеет сегодня, к сожалению, широкое распространение. Такие игры, например, как футбол, волейбол, хоккей, могли получить своё развитие только в условиях всеобщего свободного равного самосознания, а на более ранних ступенях существовали другие формы состязаний, преимущественно силовые единоборства. То же самое относится и к выражениям лиц, позам, манерам, мыслям и поступкам людей, принадлежащих к разным ступеням развития самосознания.

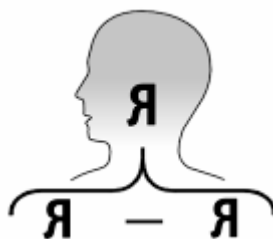
Таким образом, в своём развитии самосознание людей прошло три ступени. На ступени *единичного вождедеющего самосознания* предок человека осознавал себя лишь в объёме своего животного *Эго*, состоящего из узкого круга его физиологических потребностей: есть, пить, спариваться. Формула вождедеющего самосознания имеет вид:

На следующей ступени люди стали проявлять своё *Я* в его свободе от *Эго*. Но для этого им пришлось образовать форму *совместного неравного самосознания*, стороны которого оказались размещёнными в разных индивидах, один из которых повелевал, а другой исполнял его повеления. Эта форма привела к разделению людей на господ и рабов. Формула совместного неравного самосознания имеет вид:

И только на достигнутой теперь третьей ступени *всеобщего свободного равного самосознания Я* каждого человека обретает способность проявлять себя в своей подлинной свободе, благодаря чему формула самосознания обретает свой законченный вид:

Ту же самую последовательность ступеней самосознания мы находим и в процессе индивидуального развития каждого человека.

С рождения до 4-5 лет ребёнок находится на ступени *вождедеющего* самосознания.

Далее между ним и родителями (воспитателями, учителями) устанавливаются отношения *совместного неравного* самосознания, где взрослые выступают в качестве "господ", а дети – "рабов". На примере повелений родителей дети учатся ставить перед собой задачи. А на собственном примере и примере других детей учатся исполнять их. Только пройдя через послушание, только научившись принимать и исполнять команды взрослых, ребёнок в дальнейшем способен стать командиром самому себе и другим.

Важную роль выполняют в этом процессе куклы. Дети вкладывают в их образ ту или иную сторону своего формирующегося самосознания, благодаря чему делают её наглядной для самих себя. Играя с куклами, они тренируют своё *Я* на исполнение им обеих функций своего самосознания, чтобы в дальнейшем оно могло уже обходиться без таких внешних помощников.

К 18-20 годам молодой человек восходит на ступень всеобщего свободного равного самосознания и становится подлинно свободным и равным всем остальным субъектом.

§ 437. Переход от единичного вождедеющего самосознания к совместному неравному самосознанию – это первое отрицание животности человека и, соответственно, это только начало формирования его *человечности*. Переход со ступени совместного неравного самосознания на ступень всеобщего свободного равного самосознания – это второе отрицание животности человека и, следовательно, это утверждение его *человечности*.

Слова Гегеля о "конце истории" следует понимать только в смысле завершения эпохи развития людей на ступени совместного неравного самосознания. Иначе говоря, эти слова означают, что период *взросления* рода человеческого подходит к своему завершению. Годы *детства-отрочества-юности* заканчиваются, и человечество входит в возраст *зрелости*.

Здесь встаёт вопрос о сроках. Если говорить об индивидуальном развитии человека, то *Я* как таковое появляется у ребёнка к 3 годам. Но после этого ему требуется ещё порядка 15 лет, что бы его *Я* вошло в противоположность к самому себе и сформировалось как подлинно свободное самосознание.

Если же брать всё человечество в целом, то пять-шесть тысячелетий, которые потребовались ему на то, чтобы сформировалось свободное самосознание у всех людей, – много это или мало? Если сравнить с предшествующими миллионами лет животной жизни наших предков, то этот срок выглядит мимолётным. Но такое сравнение имеет внешний характер, поскольку сопоставление проходит между двумя качественно отличными формами жизни: животной и человеческой. Чтобы оценить относительную длительность этого периода по внутренним меркам человечества, можно попробовать вести счёт не в тысячелетиях, а в поколениях людей.

Период индивидуального развития человека занимает в среднем 16-18 лет. В ходе одного столетия мы имеем 6-7 сменяющихся поколений людей. За одно тысячелетие проходит соответственно 60-70 поколений. А за период 5-6 тысячелетий – порядка 360. Вот такое число поколений потребовалось человечеству на то, чтобы, оттолкнувшись от состояния дикости, достичь современного уровня развития своего сознания.

Если же говорить только о странах Европы, включая Россию, которые вступили на путь государственности не более полутора тысяч лет назад, то мы получаем цифру всего в 100 поколений. Всё то, что имеют сегодня европейские народы, было создано трудом только ста поколений людей. При такой системе отсчёта получается, что период взросления человечества был не столь уж и продолжительным.

Разум

§ 438. *Разум* – это единство сознания как такового и самосознания. Сознание как таковое возникает у человека благодаря отношению его противоположности к окружающему миру: Я – не-Я. Самосознание образуется благодаря вхождению его Я в противоположность самому себе: Я – Я. Представляя собой единство сознания как такового (Я) и самосознания (Я – Я), *разум* формируется через вхождение нашего Я в отношение противоположности к своему собственному содержанию – наполняющим его знаниям. Первая противоположность снимается в ходе познания окружающего мира. Вторая – в ходе осознания каждым человеком самого себя, своего Я. Третья – за счёт активной деятельности нашего Я, направленной на приведение его собственного содержания – знаний в осмысленный порядок.

Подобно тому как у плохой хозяйки вещи в платяном шкафу могут пребывать в беспорядочном состоянии, так и содержащиеся в голове человека знания о внешнем мире без проявления к ним должного внимания со стороны его Я будут находиться в таком же беспорядке. Чтобы этого не происходило, наше сознание вынуждено заниматься своим внутренним хозяйством. С этой целью оно противопоставляет себе все находящиеся в нём знания и стремится привести их в упорядоченную систему, соответствующую реальному положению дел в мире. Такова функция разума.

Разуму предшествует рассудок. Рассудок – это начальная ступень деятельности мышления. На ступени рассудка мыслящее Я человека еще привязано к чувственным восприятиям предметов и в своей деятельности отталкивается от них. Исследуя этот эмпирический материал, оно производит *рассудочные* понятия предметов, называемые также *дефинициями*. Благодаря данным понятиям предметы внешнего мира становятся достоянием мышления человека. Иначе говоря, реальные предметы присутствуют в нашем мышлении только в форме своих понятий.

Разум – вторая высшая ступень деятельности мышления. Взойдя на эту ступень, мыслящее Я человека отрывается от чувственных восприятий и образных представлений предметов. Оно обращается внутрь самого себя и

переключается на работу с уже находящимися в нём понятиями. Связывая эти разрозненные понятия между собой, наше мыслящее Я, как уже было сказано, стремится свести их в единую всеобщую систему, которая должна отражать порядок вещей в реальном мире. Благодаря этому оно, с одной стороны, приводит в порядок своё собственное содержание, с другой – выстраивает из понятий целостную научную картину мира.

В этом, собственно, и состоит превосходство разума над рассудком: все отдельные понятия получают своё истинное познавательное значение, только став упорядоченными звеньями единой в себе всеобщей системы.

§ 439. *Сознание как таковое и самосознание* формируются у человека сами собой, в силу только того обстоятельства, что он рождается и вырастает в условиях общества. Рассудочному мышлению его также учит сама повседневная жизнь. Она заставляет нас познавать окружающие предметы и использовать эти знания на благо себе и обществу. Отсюда знаменитые слова Гегеля: "Разум без рассудка ничто. Рассудок же и без разума нечто".

Но в отличие от рассудка *разум* не может сформироваться у человека сам собой. Деятельность мышления по приведению всего арсенала используемых им понятий в логически упорядоченную систему представляет собой целую науку, основы которой разработал Гегель. Поэтому человека требуется *учить разуму*.

Так обстоит дело с понятием *сознания*. Скромное желание выяснить, что же оно собой представляет, при серьёзном к нему отношении обернулось тем, что мы здесь получили. Сознание – это и сознание как таковое, и неотделимое от него самосознание, и их содержательное единство – разум.

Но для того, чтобы наше Я могло разумно распоряжаться своим собственным содержанием, ему необходимо прежде создать его. В качестве порождающего всё своё *идеальное* содержание и использующего его в своей *практической* деятельности *сознательное Я* человека выступает как деятельный дух, к рассмотрению которого мы переходим.

ДУХ

Был я ноне – чуть заря –
На приеме у царя,
Ну и дал мне царь задание
В смысле, значит, глухаря.
Проходил я цельный день,
А удачи – хоть бы тень:
Ни одной сурьёзной птицы,
Всё сплошная дребедень!..
И теперь мне, мил-дружку,
Не до плясок на лужку –
Завтра царь за энто дело
Мне оттяпает башку.
А такой я ни к чему
Ни на службе, ни в дому,
Потому как весь мой смысл
Исключительно в *уму*!..

§ 440. *Душа* в единстве с *сознанием* составляют *дух* человеческий как таковой. В качестве души он (дух) существует в непосредственном единстве с окружающим миром: "Всё во мне, и я во всём!"

Как сознание он находится в отношении противоположности к нему, где, с одной стороны, расположено наше *субъективное Я*, а с другой – внешний по отношению к нам *объект*: "Я утро берегу на том берегу".

Содержательное единство нашего *Я* с окружающим миром достигается посредством осуществляемой нами деятельности познания.

§ 441. В ходе познания человеческое *Я* наполняет себя знаниями о мире. По своему содержанию знания представляют собой нечто общее как для познающего субъекта, так и для познаваемого объекта. Их содержание берётся нами из внешнего мира, а свою мыслимую форму они (знания) получают благодаря деятельности нашего *Я*. Так, например, все мы знаем, что Волга впадает в Каспийское море. Содержание этого знания объективно, но в то же время оно принадлежит нам (людям), а значит, оно субъективно.

§ 442. Постигнутые нами понятия вещей не остаются лежать пассивным грузом в нашем сознании. Посредством своего мышления мы преобразуем их. Например, я могу мысленно перестроить русло реки Волги. Могу спроектировать канал и соединить её с рекой Урал. Привнесённые в понятия предметов изменения мы стремимся в дальнейшем претворить в жизнь.

Такова принципиальная схема человеческой деятельности: а) от созерцания вещей – к постижению их понятий и б) через мыслительное преобразование их понятий – к созданию планов и проектов по преобразованию мира.

§ 443. Человеческая деятельность имеет поэтому две взаимообусловленные формы:

- *теоретическую* – деятельность познания как таковую;
- *практическую* – деятельность по преобразованию мира.

При осуществлении теоретической деятельности дух человека выступает в форме *интеллекта*. При осуществлении практической деятельности он проявляет себя в форме *воли*. *Интеллект* начинается с чувственного восприятия предметов окружающего мира и заканчивает производством их понятий. *Воля* человека действует в обратном направлении. Она отталкивается от преобразованных интеллектом понятий предметов (проектов) и воплощает их в жизнь.

§ 444. *Интеллект* и *волю* не следует представлять в виде *пассивной* и *активной* форм проявления духа человека. Они оба активны. Волеизъявление человека происходит только при участии его интеллекта, и, наоборот, интеллектуальное творчество осуществляется только при участии воли. И лишь в их единстве человек способен проявлять себя в качестве разумного и свободного субъекта.

Последовательность определений понятия *духа*:

- теоретическая форма деятельности – *интеллект*,
- практическая форма деятельности – *воля*,
- способ проявления интеллекта и воли – *свобода*.

Интеллект

§ 445. Функция нашего интеллекта состоит в деятельности познания мира. Ничего другого ему не дано. В этом смысле интеллект и деятельность познания представляют собой одно и то же. Все интеллектуальные способности человека – созерцание, представление, воображение, память, мышление – не имеют никакого самостоятельного значения вне деятельности познания и представляют собой лишь её процедурные моменты. Поэтому чтобы понять, что представляет собой наш *интеллект*, достаточно рассмотреть содержательную сторону осуществляемого нами процесса познания окружающего мира.

Деятельность познания включает в себя три этапа:

- *созерцание*,
- *представление*,
- *мышление*.

1. Созерцание

§ 446. Все наши знания происходят из ощущений предметов окружающего нас мира. Чувственные *ощущения* воспринимаются конкретными людьми. В силу этого все те знания, которыми располагает сегодня человечество, создавались в головах отдельных людей. Только человек, являясь от природы живым существом, способен чувственно воспринимать окружающие предметы и преобразовывать эти ощущения в представления и понятия. То обстоятельство, что производимые людьми знания записываются в книгах, передаются по наследству, наращиваются в каждом новом поколении, не отменяет сказанного. Лабораторией интеллектуального творчества является голова отдельно взятого человека. По крайней мере, так было до нынешних времён.

§ 447. Нам уже дважды приходилось говорить здесь об ощущениях. Первый раз – в учении о *душе*, когда мы рассматривали процесс становления *чувства самого себя*. Второй раз – при знакомстве с *сознанием*, где ощущения

рассматривались как материал, посредством которого преодолевается противоположность между человеком и окружающим его миром. Здесь же в учении об интеллекте мы рассматриваем ощущения с точки зрения формирования самого содержания наших знаний.

§ 448. Ощущения воспринимаемых нами предметов всегда конкретны. Во-первых, потому, что конкретен тот предмет, который мы в данный момент ощущаем. Во-вторых, потому, что конкретны и сами виды ощущений. Это могут быть или ощущения звука, или ощущения цвета, или вкуса, или запаха, или осязания (веса, формы, температуры) и т.д. Однако вне зависимости от такого различия, для того чтобы ощущения какого-то предмета стали достоянием нашего сознания, мы первым делом должны обратить на них своё **внимание**.

Обратив внимание на свои ощущения, мы тем самым переносим их в сферу своего сознания. При этом мы ещё продолжаем непосредственно воспринимать (осматривать, обнюхивать и т.д.) сам предмет. В силу этого попавшие в сферу нашего внимания ощущения обнаруживают свою двойственность. С одной стороны, они исходят от того внешнего предмета, который мы воспринимаем, с другой стороны, будучи почувствованными нами, они уже принадлежат нашему сознанию. В акте *внимания* непосредственное единство субъекта с воспринимаемым предметом ещё сохраняется.

Акт проявления внимания – это весьма важный пункт в развитии познания. Через него проходит линия раздела между содержанием *души* человека и содержанием его *сознания*. Вся та масса ощущений предметов внешнего мира, которая не попадает в сферу нашего внимания, минует наше сознание, но поглощается нашей душой и сохраняется в ней. И только та часть наших ощущений, на которые мы обращаем своё внимание, попадает в сферу нашего сознания и становится исходным материалом для его дальнейшей деятельности. В словах "*смотрит, но не видит*" схвачена суть отличия *тех ощущений*, которые проходят мимо нашего внимания, от *тех*, которые становятся достоянием нашего сознательного Я. "Вы что же, никогда не видели Луны?" "Конечно, видела, – ответила героиня фильма "Весна", – но никогда не обращала на неё внимания".

§ 449. *Созерцаниями* в подлинном смысле называются только те ощущения, на которые мы обращаем своё внимание. А те ощущения, которые проходят мимо нашего внимания, попадают напрямую в арсеналы нашей души. В дальнейшем они также влияют на работу нашего сознания, но лишь тем специфическим образом, что в ходе их чувственного переживания душа порождает сновидения и интуитивные догадки, которые учитываются нашим *Я* при принятии сознательных решений. И наоборот, те ощущения предметов внешнего мира, на которые мы обращаем своё внимание, попадают в сферу нашего сознания. Образующиеся из них представления и мысли также сопровождаются появлением в нашей душе соответствующих им эмоциональных переживаний, которые отражаются на содержании наших сновидений и интуиции. Так что все воспринимаемые нами ощущения – и те, на которые мы обращаем своё внимание, и те, которые остаются за его пределами, – участвуют в работе нашего *Я*, хотя и различным образом. Но здесь, в *учении об интеллекте*, нас интересуют только те ощущения, которые становятся нашими *созерцаниями*, т.е. на которые мы обращаем своё внимание.

§ 450. Созерцаемые нами образы предметов составляют первичное содержание нашего интеллекта. Восприняв их в себя, мы перестаём разглядывать сами предметы и переключаем своё внимание на работу с их образами. Тем самым наш интеллект переходит со ступени *созерцания* реальных предметов на ступень их *представления*. В словах: "*Я это видел*" очень удачно выражена суть этого перехода. То, что я видел ранее, продолжает теперь сохраняться во мне в форме представляемого образа, хотя непосредственно сам предмет я уже не созерцаю. Следовательно, я не только созерцал данный предмет в прошлом, но и в настоящее время продолжаю сохранять его образ в самом себе, в своём *представлении*.

2. Представление

§ 451. *Представление* – это внутренне усвоенное созерцание. Если на ступени *созерцания* мы имеем ещё непосредственное единство субъекта и объекта, то на ступени *представления* мы имеем уже их противоположность. Тот предмет, который мы созерцали, остался существовать сам по себе среди окружающей его природы, а его сохранённый в нашем представлении образ

теперь оторван от него и предоставлен произволу нашего Я. Например, прогуливаясь как-то осенью по лесу, я встретил там дикую яблоню, образ которой я продолжаю хранить в своём представлении. При этом сама яблоня осталась стоять там, в лесу, а её идеальный образ находится теперь в моём представлении.

Однако, попав в сферу нашего представления, образ предмета оказывается как бы в тупике. Для того чтобы он стал доступен как для меня самого, так и для всех других людей, мне необходимо, во-первых, закрепить его (образ) в своём представлении, а во-вторых, придать ему какую-либо внешнюю форму, с той целью, чтобы его содержание я мог сделать доступным для других людей. Решается эта задача посредством таких способностей нашего интеллекта, как:

- а) воспоминание;
- б) воображение;
- в) память.

а) Воспоминание

§ 452. *Воспоминание* – начальный момент представления. Прекратив непосредственно созерцать предмет, мы какое-то время продолжаем удерживать его образ в своём представлении. Поскольку этот образ стал достоянием нашего сознания, он оказался оторванным от всех тех внешних связей и пространственно-временных координат, в которых существует сам реальный предмет.

§ 453. Чем более свеж сам эпизод непосредственного созерцания предмета, тем более чётким и ярким сохраняется в нас его образ. Но с течением времени этот образ тускнеет и забывается. Происходит это потому, что, став достоянием нашего интеллекта, он не получает от него ещё никакой определённости. Той толики внимания, которая была уделена предмету при его непосредственном созерцании, хватает лишь на то, чтобы перенести его образ в своё представление. Но попав в него и не получив от него более никаких пометок, образ постепенно стирается. Бесконечная череда образов предметов, на которые мы случайно обращаем своё внимание, сохраняется в дальнейшем в запасниках нашего интеллекта в бессознательной форме, и мы не знаем, какое множество их дремлет внутри нас. Они время от времени случайно всплывают в нашем представлении, но их невозможно вызвать сознательно.

§ 454. Чтобы мы могли вспомнить такой бессознательно сохранённый в нас образ, требуется повторное созерцание самого реального предмета. **Вспоминание** в собственном смысле этого слова как раз и означает совпадение образа повторно созерцаемого предмета с уже имеющимся в нашем представлении образом, обладающим таким же содержанием. Повторное созерцание предмета вызывает на поверхность сознания его прошлый образ. Например, образ той дикой яблони, которую я встретил в лесу прошлой осенью, совсем было стёрся в моём сознании. Но, увидев её этой осенью вновь, я тотчас узнал её. В моём сознании оживился её прошлогодний образ. Да-да, это, несомненно, она, та самая яблоня. Её нельзя не узнать...

Чтобы образ какого-либо предмета сохранился в нашем представлении, его необходимо увидеть как минимум два раза. Первый эпизод созерцания закрепляет второй, а второй эпизод – первый. Чем более часто и в разных обстоятельствах мы созерцаем предмет, тем более устойчиво его образ закрепляется в нашем представлении. Только благодаря такому неоднократному созерцанию предмета его образ приобретает устойчивость и становится собственно нашим внутренним *представлением*.

Когда с первого раза нам в глаза, как принято выражаться, *бросается* какая-то вещь, то у нас обязательно возникает желание взглянуть на неё ещё раз, чтобы за счёт повторного акта созерцания зафиксировать её образ в своём представлении. Как поётся в одной незатейливой песенке: "Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я".

б) Воображение

§ 455. Сделав образ предмета своими устойчивым представлением, мы получаем возможность в дальнейшем распоряжаться им по своему усмотрению. Деятельность воображения составляет второй шаг в развитии нашего интеллекта на ступени представления. Здесь интеллект имеет дело ещё не с мыслями как таковыми, а лишь с заполняющими наше представление образами предметов.

Сама способность к **воображению** – способность нашего интеллекта создавать из находящихся в нём образов предметов нечто отличное от них основана на единстве тождества и различия самих предметов. Когда два в чем-то похожих предмета различаются между собой, возникает материал для деятельности воображения. Вот как, например, работало воображение у одной

из героинь Н.В. Гоголя, озадаченной выбором жениха: "Если бы губы Никанора Ивановича приставить к носу Ивана Кузьмича, да прибавить к этому ещё дородности Ивана Павловича"...

Способность воображения включает в себя:

а) *воспроизводящую* силу, вызывающую образы предметов на поверхность нашего интеллекта;

б) *ассоциирующую* силу, соединяющую образы предметов между собой и создающую их *общие* представления;

в) *творческую* силу, или *фантазию*, создающую *символы* и *знаки*, с помощью которых мы передаём свои внутренние образы другим людям.

Воспроизводящая сила воображения. Первый элемент воображения – это способность нашего Я находить хранящиеся в нем образы предметов без их непосредственного созерцания. Этим *воспроизводящая* способность воображения отличается от простого *вспоминания*, которое ещё требует повторного очного созерцания предмета. Правда, воспроизводить можно также *имена* предметов и наши *мысли* по поводу них, но это происходит лишь на ступени мышления. Здесь же, на ступени представления, наше воображение способно воспроизводить только хранящиеся в нас *образы* предметов.

§ 456. Ассоциирующая сила воображения. Последовательность воспроизведения нашим представлением образов предметов строится на основе возникающих между ними ассоциаций. Для появления ассоциаций достаточно наличия какой-либо случайной схожести предметов:

- одновременности существования;
- пространственной совмещённости;
- тождества или контраста отдельных элементов;
- общности причины или следствия, обстоятельств и условий и т.д.

Английские сенсуалисты (Дж. Локк, Дж. Беркли) придавали большое значение так называемым "законам ассоциации идей". Но *ассоциирующая* способность воображения не имеет отношения к *идеям*. Она проявляется на более ранних ступенях деятельности интеллекта и касается лишь находящихся в нашем представлении образов предметов. Что же касается собственно "законов ассоциации", то как таковых их просто нет. Своеобразие ассоциаций зависит главным образом от состояния того человека, которому они принадлежат. Они возникают по принципу: "у кого чего болит, тот о том и

говорит". Обычный разговор между людьми, собравшимися поболтать *о том о сём*, развивается как раз в русле спонтанно возникающих в ходе него ассоциаций. Начинают говорить о погоде, затем переходят на соответствие ей своей одежды, от одежды – к ценам, от цен – к политике и т.д.

Остроумие имеет свои корни в ассоциирующей способности воображения. **Острота** соединяет между собой такие представления, которые хотя и отстоят далеко друг от друга, но при этом, однако, обнаруживают элементы неожиданного сходства. Например, вот как Вольтер высказался в адрес одного своего надоевшего гостя: "Вы, – сказал он ему, – отличаетесь от Дон-Кихота тем, что тот принимал постоянные дворы за замки. Вы же принимаете замки за постоянные дворы". К ассоциирующей способности воображения относится и такая забава нашего интеллекта, как **игра слов**. Например: *везёт тому, кто везёт*.

Положительным результатом ассоциирующей деятельности интеллекта являются **общие представления**. Основанием для их появления может выступать наличие какого-либо общего свойства у ряда предметов. Например: роза *красная*, кирпич *красный*, отсюда – общее представление *красного цвета* как такового. Либо общее может выступать как *род*, к которому сводятся схожие образы единичных предметов. Например: груша – *плод*, яблоко – *плод*, слива – *плод*, отсюда – общее представление *плода* как такового.

Неверно полагать, что **общие** представления возникают без участия интеллекта, как бы вследствие простого совпадения многих сходных образов. Изначально образ каждого предмета был взят нами извне, но их аналитическое разложение и нахождение у них тех особенностей, которые позволяют сводить их в одно общее представление, являются заслугой нашего интеллекта.

Общие представления всегда отличаются от образов конкретных предметов. Они могут более походить на них, а могут быть совсем отвлечёнными. Соответственно, степень общности таких общих представлений может быть различной – от крайне узкой до крайне широкой, когда в них уже вообще исчезают очертания реальных предметов и они становятся совершенно искусственными, оторванными от своих прототипов. Тем самым ассоциирующая сила воображения переходит в деятельность *фантазии*.

§ 457. Творческая сила воображения, или фантазия. Чтобы наполняющие наш интеллект *образы* реальных предметов и их **общие представления** стали доступны для других людей, они должны быть каким-то образом выведены из

нашей головы во внешний мир. Решается эта задача путём перенесения содержания наших идеальных представлений на какой-то реальный материал окружающего нас мира. За счёт такого перенесения мы придаём своим идеальным внутренним представлениям внешнюю чувственно воспринимаемую форму.

Что касается находящихся в нашем представлении образов реально существующих предметов, то для их овнешнения достаточно просто указать на сам предмет, благодаря чему другой человек поймёт, что мы "имеем в виду", т.е. в своём внутреннем представлении. А как быть в том случае, когда нужного предмета нет рядом, и что делать со всеми теми порождёнными нашим воображением общими представлениями, которых вообще не существует в природе? Как сделать их доступными для других людей? Эта задача решается посредством создания *символов* и *знаков*.

§ 458. Наполняющие наш интеллект образы предметов свободны от всех условий их реального существования. Вот такая творческая свобода воображения позволяет нам находить некоторое соответствие между созданными нами самими общими представлениями и образами реально существующих предметов. В случае обнаружения такого сходства мы получаем возможность выразить содержание своих субъективных представлений посредством образов реальных предметов. Мы подбираем образ такого реально существующего предмета, собственное значение которого в той или иной степени соответствует содержанию представляемого нами образа.

Продуктами *символизирующей* деятельности интеллекта являются:

- собственно *символы*;
- *аллегории*;
- художественные *метафоры*.

Когда мы применяем образ реального предмета для выражения каких-либо *единичных* черт своего субъективного представления, мы создаём собственно *символы*. Например: образ лисы выражает хитрость, сороки – болтливость, быка – упорство и т.д. При этом из образа-символа берётся только одно какое-то его свойство, а именно то, которое совпадает с нашим представлением. Все остальные свойства не учитываются. Поэтому символ всегда многозначен. И надо ещё догадаться, в каком значении он применяется.

Когда мы используем образ реального предмета для выражения общего содержания своего представления, мы создаём *аллегии*. Например: "Он прошёл через огонь, воду и медные трубы", т.е. человек, о котором идёт речь, всё испытал в своей жизни.

Когда используемые нами образы предметов призваны выражать какое-либо *особенное* содержание представляемых нами образов, мы создаём художественные *метафоры*.

Всё нетерпенье возраста Бальзака
Меня сквозь кожу пузырьками жгло –
Шампанский возраст с примесью бальзама...

В этих строках Андрея Вознесенского выражена возрастная особенность героини, её бальзаковский возраст, который поэт сравнивает с образом шампанского вина, когда оно ещё *полно* внутренней энергии и аромата – "шампанский возраст", и вместе с тем уже несёт в своей скоротечной пенящейся натуре едва уловимый привкус неотвратимого угасания – "с примесью бальзама".

Таким образом, символы, аллегии и метафоры позволяют людям делать свои идеальные образы и представления достоянием друг друга.

§ 459. Знаки. Но не все из порождаемых нашим воображением представлений могут быть выражены посредством образов реально существующих предметов. Наше воображение в обилии создаёт такие представления, содержание которых при всём желании не может веститься в образы таких предметов. Поэтому для овнешнения таких представлений человек вынужден был научиться создавать искусственные образы, которые называются *знаками*.

Символы, аллегии и метафоры представляют собой *относительно свободное* творчество интеллекта. Он вынужден использовать только то содержание, которое имеется в заимствованных им образах предметов. Применение знаков представляет собой уже *полностью свободную* деятельность нашего интеллекта. Создавая знаки, мы придаём внешнему материалу ту форму, которая нам необходима для выражения нашего представления. Например, для обозначения такого своего внутреннего

представления, как *вода*, я рисую на бумаге или на песке две волнистые линии. Другой пример. Образ орла на гербе России является не столько *символом*, выражающим мощь нашей страны, сколько *знаком*, поскольку у него две головы, а в природе двухголовых орлов не существует.

Знак – это важная ступень в развитии нашего интеллекта. Если мы *обозначили* с помощью какого-то внешнего материала своё внутреннее представление, то тем самым мы придали этому материалу чуждое ему самому значение – значение своего представления. Собственно этим *обозначающая* деятельность интеллекта и отличается от *символизирующей*. Символом может выступать такой предмет, собственное содержание которого в той или иной степени соответствует содержанию того представления, которое он выражает. В знаке же реальный материал и то идеальное содержание, которое через него выражается, уже не имеют между собой ничего общего.

Образ создаваемого знака (его эскиз) сначала возникает в голове человека, и на первых порах наше Я созерцает его лишь в пределах своего представления. Эта ступень называется *самосозерцанием*. Например, если в целях обозначения такого своего субъективного представления, как *вода*, я захочу использовать образ двух волнистых линий, то сначала этот образ возникает в моей голове, и только затем я переношу его на какой-то внешний материал: рисую его на бумаге, на камне или на песке. Только после придания ему такой внешней формы этот образ становится доступным для других людей. Но сначала он появляется лишь в моём самосозерцании.

В зависимости от материала, из которого создаются знаки, они подразделяются на:

- а) собственно *знаки*;
- б) *знаки-слова*.

Собственно знаки. В качестве примеров существования *собственно знаков* можно привести великое множество окружающих нас вещей: любая униформа, указывающая на принадлежность человека к какой-либо службе; калибр и число звёздочек на погонах, указывающих на его служебное положение; дорожные знаки; фирменный логотип, жесты рук и мимика лица, корона и другое царское обличье, президентский штандарт; школьный звонок, возвещающий о начале и конце занятий; обручальное кольцо на одной из рук;

различные графики и линии кардиограмм и т.д. Общим для всех знаков является то, что они обозначают собой совсем не то, чем являются по своему природному материалу и форме. А это значит, как мы уже сказали, что проявляющаяся в знаке произвольность соединения внешнего материала с содержанием обозначаемого им представления имеет своим следствием необходимость учиться понимать *значение* знаков. Об этом говорит и этимологический ряд слов: *знак – обозначение – значение – знать – знакомо*.

Для того, кто не знает значения какого-либо знака, его просто не существует. Так, например, для большинства пассажиров общественного транспорта дорожных знаков не существует. Они существуют для водителя, а для пассажиров они имеют лишь форму *наличного бытия*, но не форму *существования*. Точно так же, если не знать того, что две развёрнутые в противоположные стороны головы орла, изображённого на гербе России, означают, что в истории нашей страны угроза не единожды исходила как с запада, так и с востока, то этот образ будет восприниматься нами лишь как декоративный элемент герба, но не как знак.

Нередко в игровых уголках наших детей появляются такие вещицы (чурки, камушки, пёрышки), которые с точки зрения взрослого человека представляют собой простой мусор. Но дети в своих игровых фантазиях наделяют эти вещицы совсем другим значением, чем то, которое они имеют сами по себе. Для них это не чурки, не камушки, не пёрышки, а благородные рыцари, их возлюбленные, преданные животные и т.п. Поэтому, когда взрослые по неведению выбрасывают этот драгоценный для детей "мусор", дети не на шутку расстраиваются и плачут, поскольку разрушенным оказывается созданный их воображением мир. (Вспомните мультфильм "Варежка".)

Знаки, воплощённые в материале окружающей нас природы, занимают определённое место в пространстве. В этом состоит их достоинство, поскольку, имея их постоянно перед собой, мы при их посредстве можем сообщать друг другу свои субъективные представления. Но пространственная форма знаков имеет и свой недостаток. Не все знаки нужны нам для постоянного созерцания. Какие-то знаки, например, дорожные, должны всегда стоять на своём месте. Но большинство других знаков необходимы нам лишь на некоторое время, достаточное для того, чтобы, восприняв их, мы успели вспомнить их значение, т.е. вспомнить содержание обозначаемого ими представления. После этого дальнейшее созерцание данных знаков нам уже не требуется.

Поэтому по мере развития интеллекта людей возникла потребность в появлении таких знаков, которые воплощались бы во внешнем материале только на некоторое время, достаточное для того, чтобы человек мог успеть воспринять их. После этого они должны исчезать, освобождая место для других знаков. Иначе говоря, людям потребовались знаки, преходящие во времени.

Знаки-слова. Знаки, отвечающие таким требованиям, позволяет создавать окружающая нас атмосфера. Воздух, которым мы дышим, представляет собой пластичное вещество, которое моментально изменяется под воздействием голоса человека и столь же моментально гасит в себе эти изменения и восстанавливает свою аморфность до момента принятия в себя нового голосового воздействия. Если наше зрение обязательно требует придания знаку пространственной формы, то голос и слух позволяют нам оперативно обозначать и овнешнять наши субъективные представления в режиме текущего времени.

§ 460. С помощью гортани, языка и губ мы производим *звуки*. Определённое сочетание нескольких звуков является *словом*. Слово – это *звуковой знак*. Закреплённое за образом предмета, оно становится *именем*. Сами слова не имеют имён, поскольку каждое из них само есть имя. Смысловая связь нескольких слов-имён образует самостоятельный фрагмент нашей речи – *фразу*: *повествовательное предложение, суждение, умозаключение*. Последовательная вязь фраз составляет *речь*. А развитая во всех своих звеньях система речи представляет собой человеческий **язык в целом**.

Звуковая речь, конструируемая посредством слов, является наиболее адекватным способом овнешнения наших внутренних представлений, поскольку она исходит непосредственно из внутреннего мира человека. С помощью сочетания членораздельных звуков мы способны обозначать не только реальные предметы природы, но и совершенно фантастические представления, созданные нашим воображением. Благодаря знакам-словам содержание наших субъективных представлений становится доступным как для нас самих, так и для всех других людей. Посредством произнесения имени – неважно, будет ли оно произнесено нами *вслух* или *про себя* – на поверхность нашего сознания тут же всплывает обозначаемое им представление.

С тех пор как, согласно Библии, Адам по велению Бога дал имена всем одушевлённым и неодушевленным творениям, все окружающие вещи

присутствуют в сознании людей не только в форме образных представлений, в какой они имеют место быть и в головах животных, но и в форме обозначающих их слов-имён.

В основе образования элементарного состава языка (звуков), с одной стороны, лежит практика подражания звукам окружающей нас среды: крикам животных, шуму дождя и ветра, плеску и рокоту воды, грому небес и топоту животных, хрусту ветвей и стуку камней и т.д. Данные звуки могли играть роль внешне заимствованных символов, посредством которых наши предки выражали простейшие представления своего интеллекта: тот же плеск воды, тех же топающих животных, растения и т.д. С другой стороны, в основе происхождения элементарного состава языка лежала символика внутренних ощущений наших предков. Являясь живыми существами, они через голос выражали своё внутреннее физическое и душевное состояние: Ай, Ах, Бррр, Взззы, Ёё, Ой, Ох, Ыы, Эх...

В дальнейшем такие природные звуки модифицировались под воздействием потребностей общения до роли простейших знаков – звуков речи, а их собственное значение забылось и стёрлось. Последовательность сочетания звуков в словах обуславливалась эмфатическими возможностями голоса (чередование гласных и согласных, глухих и звонких). Число используемых звуков определялось комбинаторными потребностями языка – нарастающим объёмом нуждающихся в обозначении образов и представлений людей. (В современных буквенных алфавитах насчитывается в среднем 25-30 букв.)

Грамматический строй языка является производным от форм нашего мышления, в которых мы запечатлеваем свои категории. Рассмотренная Гегелем в "Науке логики" последовательность развития определений чистого понятия (категорий) – это и есть та самая праязыковая основа, к которой восходят своими корнями современные языки. Причём в своём первобытном состоянии языки обладали более развитой грамматикой и содержали в себе более детальные различия, которые теперь отсутствуют. Даже ещё в XIX веке во многих языках содержался целый ряд таких вспомогательных форм, которые употреблялись для выражения отдельных категорий и которые теперь уже не применяются.

Письменность – это *знак знака*. Буквы являются знаками, обозначающими звуки, которые сами по себе уже являются знаками. Написанное на бумаге слово является *графическим* знаком *звучащего* слова, которое, в свою очередь,

является знаком, обозначающим образное представление определённого предмета. Только благодаря письму слова приобретают полную определённую своего звучания и чистоту артикуляции звуков. Письменность снимает преходящий по времени характер разговорной речи и придаёт ей форму устойчивого существования в виде *текста*. Перенесённая на бумагу речь становится доступной для восприятия в любое время дня и года.

В мире распространены два способа письма: *иероглифическое* и *буквенное*. В иероглифическом письме изображение знаков-иероглифов непосредственно не связано с их произношением. Поэтому иероглифы требуется заучивать тысячами на протяжении нескольких лет.

Буквенная письменность разлагает слова на звуки и изображает их графически: А (аз), Б (буки), В (веди), Г (глагол)... Алфавит соединяет в себе *голосовое* и *графическое* воспроизведение звуков-букв. Соответственно, при буквенном письме требуется заучивать только буквы алфавита и образуемые ими устойчивые сочетания: слога и дифтонги, что существенно упрощает работу интеллекта.

Формирование разговорного языка находится в тесной связи с выработкой человеком привычки к буквенному письму и чтению. Первоначально человек учится читать слова вслух. За счёт слышимости слова в памяти его всплывает обозначаемое им представление. Однако по мере закрепления навыков чтения звуковое сопровождение слов как вспомогательное средство при их считывании теряет свою необходимость. Человек привыкает читать "про себя". При таком способе чтения он тоже произносит считываемые слова, но делает это очень тихо, "про себя". Исключение составляют те люди, которые в силу своих врождённых особенностей не смогли выработать привычки к чтению "про себя" и поэтому вынуждены читать вслух. Им обязательно требуется услышать прочитанное слово, чтобы вызвать в своей памяти образ обозначаемого им предмета.

Обучение чтению "про себя" и "немому" письму является важнейшим средством развития интеллекта у детей. Навык использования слов без их звукового сопровождения расчищает интеллект ребёнка от засилья образных представлений и создаёт основу для развития у него мышления и памяти. Однако сам факт такого *глухого* чтения и *немого* письма не должен позволять нам забывать о том, что буквенное письмо обязано своим появлением только звучащему слову.

Произнесённое или записанное на бумаге слово-имя становится внешне созерцаемым знаком, выражающим наше внутреннее субъективное представление. Каким бы богатым не было содержание нашего представления, в имени оно становится единым, неразложимым на свои части. Посредством имён мы выводим свои внутренние субъективные образы во внешний мир.

За счёт произнесения имени вслух или при написании его на бумаге обозначаемое им представление становится доступным для других людей. Но по отношению к самому себе этого можно и не делать. Достаточно произнести имя "про себя", чтобы вызвать в своём воображении обозначаемый им образ предмета. Но при этом необходимо помнить, что практика такой *беззвучной* работы нашего интеллекта с именами предметов обусловлена тем, что ранее они (имена) уже прошли через процедуру своего овнешнения, что они уже неоднократно были прочитаны, услышаны, произнесены и повторены нами и что нам хорошо известно их содержание.

Имя едино с содержанием обозначаемого им представления предмета. Но поскольку оно является его внешним знаком, оно также и противоположно ему. Оно играет роль внешнего ярлычка по отношению к содержанию своего представления. В этом смысле имя можно сравнить с надводной частью айсберга, тогда как само обозначаемое им представление составляет подводную часть айсберга. Являясь такой надводной частью, имя позволяет нам, во-первых, находить обозначаемое им представление среди других, а во-вторых, при необходимости вызывать на поверхность нашего сознания всё его содержание. Данная деятельность нашего интеллекта составляет третью ступень развития представления – *память*.

в) Память

§ 461. Память:

- *удерживает* значение имени;
- *воспроизводит* всё содержание обозначаемого им представления;
- *механически* сохраняет их единство.

Удерживающая память возводит разовую связь знака (имени) с содержанием обозначаемого им представления в постоянную. Благодаря этому имя закрепляется за своим представлением, и они становятся единым целым.

Если при упоминании имени мы вспоминаем содержание обозначаемого им представления, то в этом акте интеллекта мы имеем проявление удерживающей памяти.

§ 462. Воспроизводящая память. Множество имён, слитых с содержанием обозначаемых ими представлений, наполняют наш интеллект. *Воспроизводящая память* при упоминании имени воспроизводит всё содержание обозначаемого им представления. Это содержание складывается из всех тех конкретных эпизодов, когда я непосредственно созерцал данный предмет, всё то, что я с ним делал, все те ассоциации и фантазии, которые возникали в моём воображении по поводу него, всё то, что я передумал о нём, все те ощущения, которые во мне остались от него и т.д.

Так, например, при произнесении слова "собака" моя память тут же воспроизводит всё то содержание моего представления, которое относится к этому имени. Это и моё общее представление *собаки* как таковой, это и другие имена, которыми их называют (псины), это и образы различных пород (борзые, таксы), это и хорошо знакомый образ соседской собаки, это и все факты непосредственного общения с ними, это и следы их укусов, если, конечно, таковые имеются, это и всё то, что я читал о собаках, и т.д. Вся эта подводная часть айсберга всплывает при одном только упоминании его надводной части – имени *собака*.

Вертикали памяти. При упоминании имени воспроизводящая память пробегает весь хранящийся в ней материал, связанный с обозначаемым им представлением, в хронологической последовательности его обретения: а) все акты непосредственного созерцания самого предмета; б) условия, в которых это происходило; в) отмеченные мной изменения в нём; г) мои ассоциации и фантазии по поводу него; д) сведения о нём, поступившие со стороны, и т.д. Посредством такого ретроспективного обзора память воспроизводит всё содержание моего представления о данном предмете. Тем самым она соединяет имя с содержанием обозначаемого им представления, а представление – с реальностью самого предмета.

То же самое происходит и с содержанием тех искусственных представлений, которые были порождены самим интеллектом. Они были созданы им не из ничего, а благодаря переработке образов каких-либо реальных предметов. За счёт этого наше воображение производит образы, которые реально не существуют в природе. Но за такими *искусственными* образами и

представлениями также стоит определённая процедура их создания и сопровождающие её обстоятельства. Соответственно, при упоминании их названий память также воспроизводит всё это содержание. Например, я могу вспомнить свои планы по поводу так и не состоявшегося отпуска в этом году.

Горизонталы памяти. На каждой ступени этой вертикали воспроизводящая память находит горизонтальные связи данного представления (образа) с представлениями других предметов. Такие связи обнаруживались мною и в момент непосредственного *созерцания* предмета, и во время обработки его образа в моём *воображении* (ассоциации и фантазии), и в ходе моих *размышлений* о нём.

Наша память воспроизводит, следовательно, не только весь объём содержания представляемого образа, но и все его связи с представлениями других предметов. Тем самым она удерживает содержание наших внутренних представлений в единстве с содержанием окружающего нас реального мира. А значит, сохраняет за ними объективное значение

Когда о человеке говорят, что у него *хорошая* память, то при этом имеют в виду лишь его *удерживающую* память. Когда же человека называют *сообразительным*, то в этом случае акцент делается на его *воспроизводящей* памяти, ибо *со-образ-ительность* означает способность к воспроизведению образов предметов, находящихся в объективной связи между собой.

§ 463. Механическая память. Чем больше мы осваиваемся со значением имени, с содержанием обозначаемого им представления, тем менее мы нуждаемся в воспроизведении этого содержания. По мере нарастания частоты употребления имени стоящее за ним представление всё более и более сливается с ним и растворяется в нём. Имя вбирает в себя образ предмета и становится его *безобразным* представителем. Само начертание и звучание имени начинает заменять собой образ обозначаемого им предмета.

Слова у нас, до важного самого,
В привычку входят, ветшают, как платья.
Хочу сиять заставить заново
Величественное слово "партия".

Со временем дело доходит до того, что обозначаемое словом представление стирается совсем, поэтому, как выразился поэт, приходится *заставлять сиять*

его *заново*. Но с точки зрения дальнейшего прогресса в деле развития нашего интеллекта требуется обратное: чтобы представляемый нами образ предмета слился с его именем и растворился в нём. Через это память становится *механической*.

Если первоначально основанием для появления имени было наличие в голове человека представления предмета, то теперь на первое место выступает само имя без его образного сопровождения. Но обозначаемое им представление не отброшено в сторону, оно слилось с ним. Интеллект теперь имеет дело только с видимой частью айсберга – именами предметов, и ему нет нужды всякий раз нырять в глубь самого себя, чтобы рассматривать их подводную часть. Всё их содержание он знает по их надводной части, поскольку все сохраняемые им имена достались ему не просто так, а в результате его собственного труда.

Каждому человеку самому приходится усваивать всю ту массу слов, которой он пользуется в своей жизни. Его интеллект трудится над каждым словом (именем), запоминая его звучание, его написание и его значение. В силу этого наше Я становится полновластным хозяином всего арсенала используемых им слов. Оно механически помнит каждый элемент своего хозяйства, каждое своё слово, всё то, что стоит за ним. Конечно, со временем мы можем что-то и подзабыть, но когда появится необходимость, мы всё вспомним.

Значение памяти. Память человека играет роль моста, связующего содержание наполняющих нас образов и представлений с окружающим миром реальных предметов. Короче говоря, она связывает сознание человека с внешним миром. Благодаря памяти субъективное содержание нашего интеллекта соответствует объективному содержанию окружающего нас мира предметов.

В каждый конкретный момент своей жизни мы имеем в своём непосредственном созерцании лишь ограниченный круг предметов. Если я, например, сижу в данный момент дома на диване, то в моём "очном" созерцании находятся только расположенные в комнате вещи. Всё остальное содержание окружающего мира находится во мне в форме образных представлений. И каждое такое представление обозначено именем. Вот эти имена, слитые с обозначаемыми ими представлениями, связывают моё Я с реальным миром. Другого мира, кроме содержащегося в моём идеальном представлении, для моего Я в данный момент не существует. Это не значит, что мир куда-то исчезает. Он был, есть и будет. Но в данный момент в моём

непосредственном восприятии есть только эта комната, а весь остальной мир находится во мне в форме представления.

Все представляемые мною предметы окружающего мира имеют свои имена, которые находятся на рабочей поверхности моего Я. Если я начну теперь, например, размышлять о том, что сейчас я поднимусь с дивана, надену костюм, выйду на улицу и дойду до почты, то эта мысль будет строиться мною посредством имён, за которыми будут неявно маячить обозначаемые ими образы предметов: костюм, улица, почта и т.д. При этом все мои рассуждения будут соответствовать реальности, поскольку стоящие за именами представления объективны по своему содержанию. Так вот, наша память и обеспечивает такую объективность содержания наших представлений. Память является необходимым условием для деятельности мышления.

§ 464. Мышление осуществляется только посредством слов. Соединяя слова между собой, мы создаём мысли. Слова составляют ткань мысли, а человеческий язык является телом мышления. Такие выражения, как "вербальное мышление", которые всюду эксплуатируются в психологии, относятся к типу суждений пустого тождества, которые в простонародье называются "маслом масляным". Только слова придают мыслям действительное существование, и мышление лишь в той степени способно отражать содержание предметного мира, в какой оно оперирует словами.

Когда мы мыслим, мы рассуждаем сами с собой, и при этом потихоньку (только для себя) произносим все те слова, из которых мы выстраиваем свои мысли. В силу доведённой до автоматизма привычки к мышлению, – а мыслить нам приходится на протяжении всей нашей жизни, – мы просто перестаём обращать внимание на то, как это происходит. Мы напрочь забываем о том, что в процессе мышления мы произносим все те слова, которые составляют ткань наших мыслей. Иногда, правда, находясь в возбуждённом состоянии, мы начинаем произносить свои мысли вслух. Такой "громкий" разговор человека с самим собой принято относить к ненормальным явлениям. Но эта ненормальность касается только формы, а не содержания, ибо наше обычное мышление – это и есть разговор каждого из нас с самим собой, происходящий посредством слов.

Авторы некоторых околонуточных трудов пытаются представить дело таким образом, что якобы то, что они не могут выразить словами, как раз и является чем-то более глубоким и истинным, нежели то, что им удалось выразить

посредством слов. Но то, что нельзя выразить в словах, является: а) либо чем-то ещё непонятым, находящемся в стадии брожения, б) либо чем-то таким, в чём и понимать-то нечего. В первом случае вся проблема может заключаться в простой неграмотности того человека, которому не удаётся выразить свою мысль из-за незнания им необходимых понятий. Во втором случае ссылку на трудность изложения сути своих мыслей используют как намёк на то, что автор обладает какими-то истинами, которые доступны только ему одному и недоступны другим людям. Но такая позиция – из простого делать сложное – это поприще дельцов от науки, а не учёных. Только то, что способно найти своё выражение в слове, становится доступным для мышления как самого автора, так и его читателей.

Мышления без слов не бывает. Как происходит "мышление" без слов, мы можем наблюдать на примере своих сновидений. Однако никто, даже самые необразованные люди, не относят сны к сфере мышления. Практика мышления без слов, как это пытались делать отдельные представители оккультных наук, по их собственному признанию, могла довести их до безумия.

Загадочную на первый взгляд способность некоторых людей к чтению чужих мыслей можно объяснить следующим образом. Мышление происходит посредством слов. Поэтому когда человек размышляет, он в определённой степени задействует свой речевой аппарат. Он произносит все свои мысли "про себя" и при этом в определённой степени напрягает свои органы речи. Не так энергично, как при голосовой речи, но определённые импульсы в них всё же поступают. Те люди, которые умеют "читать" чужие мысли, обладают, по-видимому, повышенной чувствительностью к такой форме речи, что позволяет им просто *слышать* мысли других людей.

3. Мышление

"Скажи, а что теперь ты делаешь?"

– спросила Мартышка.

"У меня есть мысль, и я её думаю",

– доложил Удав.

§ 465. На ступени представления (воображения и памяти) интеллект превращает реальные предметы в свои идеальные образы, которым он присваивает имена. В именах он узнаёт предметы, а при виде предметов вспоминает их имена. Противопоставляя себе весь арсенал хранящихся в

памяти имён, наше *Я* делает их предметом своей мыслительной деятельности. Эти два фактора – превращение *реальных предметов* во *внутренние предметы* нашего интеллекта и обращение на них деятельности нашего *Я* – представляют собой одно и то же действие. Отсюда и точное значение слова "предмет". Предмет – это та вещь, *которую мы мыслим*.

Переключаясь на работу со словами-именами, интеллект восходит на высшую ступень своего развития – ступень мышления. В процессе мышления наше *Я* противопоставляет себе всё своё собственное содержание – всю ту совокупность слов-имён, которую хранит память. Все они находятся в его распоряжении. Соединяя слова между собой, оно строит мысли. Связывая мысли между собой, наше *Я* осуществляет собственно процесс мышления.

Создавая мысли, мы связываем слова в определённой последовательности. В ходе этого мы обдумываем их значение и тот порядок, в котором мы должны их выстроить. При этом наше мыслящее *Я* осознаёт свою деятельность, выстраивает и проверяет порядок слов. В этом состоит смысл таких глаголов, как *думать, рассуждать, размышлять* и т.д.

За каждым словом-именем стоит весь объём содержания обозначаемого им представления предмета. Своим содержанием представления соприкасаются друг с другом в соответствии с объективно существующими между их предметами связями. А это значит, что все те слова-имена, посредством которых наше *Я* выстраивает свои мысли, в глубине своего содержания обнаруживают существенную связь друг с другом.

В силу указанного обстоятельства находящийся в распоряжении нашего *Я* арсенал слов-имён предстаёт перед ним в двоякой форме: а) с внешней стороны – как их простая механическая совокупность, б) с внутренней стороны, со стороны содержания обозначаемых ими представлений. В своём внешнем проявлении слова-имена не обнаруживают между собой никакой связи, они находятся в совершенно произвольном порядке. Однако с внутренней стороны, со стороны содержания обозначаемых ими представлений, все слова находятся в существенной связи друг с другом. Два данных значения используемых нами слов-имён составляют стороны одной противоположности. С внешней стороны слова выступают в форме своей простой совокупности. С внутренней стороны они обнаруживают содержательную связь друг с другом.

Каждая из этих сторон обладает своими достоинствами и недостатками. Первая сторона (надводная часть айсберга) хороша тем, что в ней слова никак

не связаны между собой. А значит наше размышляющее *Я* может свободно оперировать ими, расставлять и связывать их между собой так, как ему угодно. Но это же является и её недостатком, поскольку сами по себе слова-имена не показывают своей содержательной связи друг с другом. Вторая сторона (подводная часть айсберга), наоборот, имеет своим достоинством то, что в ней слова-имена непосредственно связаны друг с другом через содержание обозначаемых ими представлений. Благодаря этому наше *Я* имеет возможность опираться на эти связи при построении своих мыслей. Но это же является и её недостатком, поскольку непосредственные связи предметов имеют многосторонний и запутанный характер, необходимое в них ещё не отделено от случайного и т.д.

Деятельность мышления – а мышление существует только как деятельность – представляет собой постоянно осуществляемое единство данной противоположности. С одной стороны, наше *Я* свободно оперирует словами, выстраивая их в цепочки мыслей, с другой – оно руководствуется существующими между обозначаемыми ими представлениями содержательными связями. Благодаря единству данной противоположности: а) внешней механической рядоположенности слов и б) внутренней содержательной связи обозначаемых ими представлений мышление наполняет создаваемые им цепочки слов смыслом, благодаря чему они становятся *мыслями*, а содержание стоящих за ними представлений очищается от случайных черт и связей и раскрывает свою *сущность*.

Построенные нами мысли являются снятым результатом указанной противоположности. А это значит, что в них заключено единство (тождество) субъективного и объективного содержания. Наши мысли объективны по своему материалу и субъективны по своей форме. Именно поэтому во всех своих размышлениях люди исходят из убеждения, что всё то, что ими мыслится, действительно есть, а то, что есть, есть постольку, поскольку оно ими мыслится. Гарантом этого выступает наша память, которая, как мост, соединяет слова-имена с обозначаемыми ими реальными предметами, со всем тем их содержанием, которое было воспринято нами в ходе их непосредственного созерцания, и сохраняется в нашем представлении.

Сами по себе слова-имена, из которых мы строим свои мысли, субъективны по своему происхождению. Они – только знаки. Но они обладают лишь тем значением, которое заключено в содержании обозначаемого ими

представления. А содержание представлений пришло в наш интеллект из внешнего мира. Мышление, следовательно, представляет собой единство субъективного и объективного содержания, единство *слов-имён* и стоящих за ними *образов* реальных предметов и их общих *представлений*. А это, в свою очередь, значит, что деятельность мышления, создающего мысли, опосредована реальностью самого окружающего нас мира. Говоря другими словами: *дело логики* имеет в своей основе *логику дела*. Вспомним ещё раз положение, которое уже высказывалось здесь. Мы, люди, не только по плоти, но и по духу своему – дети этого мира. Поэтому реальный мир и наши мысли о нём тождественны по своему содержанию. (То, что мы порой строим ошибочные мысли – это проблема второго плана.)

Данное положение Гегеля о *тождестве мышления и бытия* вызывало наибольшее недоумение и протест у его читателей и служило одной из причин для обвинения его во всяческих "...измах". Но каким бы неприемлемым оно ни казалось нам на первый взгляд, мы должны принять его за истину, ибо всё сказанное здесь служит его обоснованием. Другое дело, что для того, чтобы прийти к данному пониманию природы своего мышления, мы должны осознавать себя именно как *мыслящие*, причём как *разумно* мыслящие существа. При этом, однако, необходимо иметь в виду, что сам процесс постижения людьми самих себя как мыслящих субъектов содержит в себе две ступени.

На первой ступени – рассудка – мы осознаём себя просто в качестве *мыслящих*. Мы знаем, что мы мыслим, но мы ещё не знаем, почему мы мыслим и как мы мыслим. (Отдельные попытки философов догегелевской эпохи разобраться в этом вопросе могут рассматриваться лишь как подготовительные работы в этом направлении.) Только на второй ступени – разума – мы постигаем, *почему* мы мыслим и *как* мы *мыслим*. Первое качество мы представляем собой при всех обстоятельствах. Второе в полной мере мы обретаем лишь благодаря науке, созданной Гегелем, науке, которую мы изучаем.

Конечно, человек не смиряется с тем, как устроен мир, и своей деятельностью перестраивает его. Однако преобразованный мир вновь становится предметом его познания. В результате положение о тождестве мышления и бытия не только не упраздняется, а наоборот, утверждается.

Поскольку каждое слово-имя обладает своим значением, раскрывающимся через его содержательную связь с другими словами, деятельность нашего интеллекта уже на ступени механической памяти переходит в *спонтанное мышление*. **Спонтанное мышление** – это наша внутренняя повествовательная речь, по ходу которой мы пассивно воспроизводим в словах последовательность своих сохранённых в памяти представлений. Например. "Лето, море, солнце, пляж, чайки над водою, на волнах качается лодка, вдалеке виднеется большой корабль, рядом под зонтиком расположилась пожилая пара..." и т.д. Спонтанное мышление ещё не есть собственно мышление как таковое. Истинное мышление происходит тогда, когда наше *Я* проявляет свою активность в отношении составляющих ткань его мысли слов-имён.

§ 466. Формальное мышление. Первоначально наше *Я* проявляет свою активность только по форме своей мыслительной деятельности, но ещё не по её содержанию. Все сохраняющиеся в памяти слова находятся в его власти, и оно может позволить себе распоряжаться ими так, как ему угодно. Может, например, соединить *чайку с зонтиком* или *кислое с длинным*. В результате подобной активности мышления появляются совершенно бессмысленные фразы. Но в них мы имеем уже не спонтанное мышление, а переход нашего *Я* в активную фазу его собственно мыслительной деятельности.

Как мы уже сказали, весь арсенал слов-имён, которыми располагает наше *Я* и из которых оно выстраивает свои мысли, представляет собой только надводную часть нашей памяти. За каждым таким словом в глубине памяти находится содержание обозначаемого им представления предмета. Там, в глубинах памяти, слова соприкасаются друг с другом содержанием своих представлений и через это обнаруживают свою существенную связь. Наличие такой связи заставляет наше *Я* соединять слова между собой не так, как ему заблагорассудится, а так, как того требует память, *удерживающая* и *воспроизводящая* объективные связи предметов.

Но для того чтобы осуществлять конструктивную работу со словами на основе их существенных связей, нашему *Я* требуется сначала разобраться с их многообразием. Требуется рассортировать и систематизировать их по содержанию обозначаемых ими представлений. В ходе такой деятельности наше *Я* очищает их от случайных и несущественных связей и распределяет их по *видам* и *родам*. Только после этого оно получает возможность соотносить реальные предметы с их понятием и строить умозаключения.

Отсюда мы имеем три последовательные ступени деятельности мышления:

- рассудок;
- суждение;
- умозаключения.

а) Рассудок

§ 467. На ступени рассудка наше Я выявляет внутренние и внешние различия предметов. В ходе этого оно очищает представления предметов от их случайных свойств и выделяет существенные. Далее оно распределяет все представляемые им предметы по видам и родам. В ходе этого оно создаёт *дефиниции*, называемые иначе *рассудочными понятиями* предметов. Например: птицы – это..., животные – это..., рыбы – это..., деревья – это... и т.п. В реальной жизни данная деятельность нашего рассудка проявляется не как одноразовый акт, а как его постоянная работа, осуществляемая по мере попадания в сферу нашего внимания новых предметов.

б) Суждение

Судить о чём-либо – значит сравнивать данный единичный предмет с его общим понятием. Сопоставляя единичный предмет с его понятием, мышление устанавливает определённость их обоих: а) соответствие реального предмета своему общему понятию и б) соответствие понятия своему реальному предмету. Достигается это на ступени суждений *понятия*. Через это вид суждений мышление переходит от собственно суждений к умозаключениям.

Как мы приходим к суждениям понятия? Это Гегель подробно рассматривает в своей "Науке логики". Здесь мы лишь кратко перечислим основные пункты. В суждениях *наличного бытия* (качества) мы устанавливаем качественную определённость единичных предметов. "Иванов умеет читать и писать". "Пушкин умеет рифмовать". "Петров умеет готовить пищу".

Далее, в суждениях *рефлексии* (количества), основываясь на выявленных ранее качественных признаках предмета, мы подводим его под соответствующее ему общее понятие. "Все те, кто умеет читать и писать, годны быть студентами". "Все те, кто умеет рифмовать, способны быть поэтами". "Все те, кто умеет готовить, способны быть поварами". Через такие суждения

происходит распределение всех единичных предметов по соответствующим им общим понятиям. Благодаря этому мы определяем содержание самих этих понятий.

Затем в суждениях *действительности* (необходимости) мы связываем конкретный предмет с его общим понятием ("Иванов – студент"). Исходя из этой связи мы раскрываем перечень тех особенностей, которые с необходимостью должны быть присущи данному предмету. "Если Иванов – студент, то он должен изучать науки, ходить на лекции, сдавать экзамены, писать курсовые и т.д."

И, наконец, в суждениях *понятия* мы через констатацию наличия (или отсутствия) данных особенностей у какого-либо реального предмета делаем вывод о его соответствии (или несоответствии) своему понятию. "Если Иванов ходит на занятия, изучает науки, сдаёт экзамены и т.д., то, следовательно, он настоящий (достойный, хороший) студент". Собственно, только суждения понятия позволяют нам действительно *судить* о чём-либо в обычном смысле этого слова.

в) Умозаключение

Необходимость построения умозаключений объясняется тем, что для исчерпывающего постижения сути того или иного предмета недостаточно исходить только из особенности его общего понятия (Иванов – студент). Необходимо также определить данную особенность как положенную той всеобщностью, которой он принадлежит (студент – университет). Только постигнув посредством мышления данную всеобщность, мы сможем вернуться к интересующему нас единичному предмету, но уже с пониманием его особенности, обусловленной данной всеобщностью.

Рассмотрим такой пример. "Данное строение является индивидуальным жилым домом". Согласно понятию *дома* у него должны быть стены, окна, крыша, крыльцо, а внутри – кухня, спальня, гостиная, подсобные помещения и т.д. Казалось бы, в этом понятии уже есть всё, что нам требуется. Но дома-то, как правило, строятся не в чистом поле! Они располагаются в определённом населённом пункте. А населённый пункт, в свою очередь, привязан к ландшафту местности (берег реки, подножье холма, опушка леса). Соответственно, каждый населённый пункт в силу внешних и внутренних причин имеет особенность своей планировки. В нём есть центр и периферия,

есть транзитные улицы с трамвайными путями и тихие бульвары, есть административный центр, спальные районы, промышленные зоны и т.д.

Данные особенности населённого пункта, со своей стороны, предопределяют конструкцию того или иного жилого дома. От того, в какой части города, на какой улице и по соседству с чем расположен дом, зависят требования, предъявляемые к нему (к его понятию): удалённость от дорог, мощность фундаментов, количество этажей, расположение глухих стен и стен с окнами, подъездных путей и т.д. Поэтому только благодаря постижению той всеобщности (населённого пункта), в пределах которой расположен дом, мы можем определить истинное содержание его понятия, т.е. каким он должен быть согласно понятию. А через сравнение реального дома с данным понятием мы можем узнать, насколько они соответствуют друг другу: удачный этот дом или нет, является ли его конструкция оптимальной в данных условиях или нет.

Только на ступени умозаключений мы приходим к пониманию истинной сути единичных вещей. Происходит это потому, что посредством умозаключений постигается та всеобщность, которой они принадлежат.

Развивающуюся последовательность форм умозаключений Гегель так же подробно излагает в "Науке логики". Сначала в умозаключениях *качества* мы соединяем единичный предмет (Иванова) через его понятие (студент) с той всеобщностью (вуз), которой он принадлежит. Затем в умозаключениях *рефлексии* эта ещё абстрактная всеобщность (вуз) в зависимости от реальных свойств относящихся к ней единичных субъектов распадается на ряд конкретных форм (вузов): медицинский, строительный, авиационный и т.п. И, наконец, на ступени умозаключений *необходимости* мы приходим к постижению той конкретной всеобщности (университет) в совокупности всех её особенных (факультетов) и единичных (студентов) моментов.

В последней форме умозаключений *необходимости* – дизъюнктивном умозаключении – мы получаем понятие данной всеобщей системы (университет) в раскрытом виде как полный перечень всех её особенных частей: факультетов, кафедр, студентов. Тем самым мы вновь возвращаемся к единичному предмету, но уже с пониманием его особенности, обусловленной той всеобщностью, которой он принадлежит.

§ 468. На данной ступени развития нашей мыслительной деятельности предмет уже только тем отличается от своего понятия, что он существует *реально*, тогда как его понятие во всей полноте своих определений (единичное,

особенное, всеобщее) присутствует в нашем мышлении *идеально*. Эта ступень – вершина мыслительного восхождения нашего *Я* к теоретическому постижению понятия предмета. И она же является началом творческой работы нашего *Я* в плане мыслительного преобразования данного понятия.

Сделав понятие предмета достоянием своего мышления, наше *Я* может позволить себе пересмотреть соотношение его единичных и особенных моментов и теоретически преобразовать предмет по своему усмотрению.

Что значит *мысленно*, или *теоретически*, преобразовать предмет? Это значит внести изменения в соотношение определений его понятия, т.е. внести свои изменения в соотношение частей и элементов самого предмета. В ходе таких преобразований в той или иной степени изменяется понятие самого предмета в целом. Теоретическое преобразование понятия предмета представляет собой арену подлинной *свободы* нашего мышления.

Имея в себе понятие того или иного предмета, оно вольно распоряжаться им как своей собственностью. Например, имея понятие какого-либо конкретного *дома*, мы можем мысленно перестроить его полностью либо привнести в него частичные изменения: спроектировать вход с другой стороны, увеличить размер окон, надстроить его вверх или вширь и т.д.

Теоретически преобразованное понятие какого-либо предмета становится *планом*, или проектом по переделке самого реального предмета. Соответственно, в этом пункте *теоретическая* форма деятельности нашего *Я* заканчивается. Ей на смену приходит *практическая* деятельность, где наше *Я* проявляет себя уже не в форме интеллекта, а в форме *воли*. Интеллект, претворяющий свои теоретические проекты в реальность, становится *волей*.

Для обыденного сознания такого перехода между интеллектом и волей не существует, поскольку оно отделяет одно от другого. Человек, с одной стороны, полагается *мыслящим*, а с другой – *волящим*. Но такой подход к соотношению интеллекта и воли неверен, ибо и интеллект, и воля основаны исключительно на мышлении человека. Оно пронизывает собой всю деятельность человека, как теоретическую, так и практическую. Поэтому обе формы деятельности человека неотделимы друг от друга. И в ходе интеллектуальной деятельности, и в ходе проявления воли (практической деятельности), хотя и различными путями, но достигается один и тот же результат – единство *идеального* содержания духа человека и *реального* содержания окружающего нас мира.

Воля

§ 469. В ходе теоретической деятельности человек познаёт понятия окружающих его предметов. Его мышление свободно в своей деятельности, поэтому оно способно изменять эти понятия. Благодаря привнесённым в них изменениям мышление человека создаёт различные проекты и планы по преобразованию данных предметов. Вот эта разница между тем, каким предмет был познан в своей реальности, и теми изменениями, которые мышление привносит в его понятие, становится основанием для проявления воли человека, его практической деятельности.

В ходе практической деятельности человек претворяет продукты своего интеллектуального творчества (планы, проекты) в жизнь. Такие слова, как *промысел, промышлять, промышленность* имеют своим корнем слово "мысль", что говорит само за себя. Воля, следовательно, – это практическая деятельность человека, опосредованная его мыслью. *Без-мысленной* и *без-действенной* воли не бывает.

Животные не способны мыслить. Поэтому они не имеют планов по преобразованию окружающего их мира. (Инстинкт не в счёт.) А раз нет планов преобразования окружающего мира, значит, нет и воли. Только человек, в силу того, что способен мыслить, обладает волей.

Поскольку мышление свободно, человек при проявлении воли также внутренне свободен в выборе того, что ему надлежит делать. В словах "Я сам!.." выражен основополагающий принцип проявления воли человека. Но одно дело – потенциальное наличие свободы воли и совсем другое – сам процесс её реализации на деле. Задача данного раздела состоит в том, чтобы выяснить, как человек реализует свою свободу в ходе своей практической деятельности.

§ 470. Так как в основании практической деятельности человека лежат его теоретические выводы, сделанные им в отношении существующего положения дел в той или иной области окружающего его мира, то здесь изначально

возникает отношение *долженствования*. *Долженствование* – это то, что *должно быть* согласно нашим субъективным соображениям, но чего в действительности ещё *нет*. Ему (долженствованию) противостоит *наличное бытие* – то реальное положение дел, которое существует на данный момент в окружающем нас мире. Вот эта противоположность между тем, что *должно быть* согласно нашим субъективным соображениям, и тем, что *реально есть*, является побудительной основой для нашей практической деятельности.

Например, согласно моему разумению на рубашке должны быть пришиты все пуговицы. Однако реальность такова, что на ней одной пуговицы не хватает. Вот это несоответствие между тем, что *должно быть* согласно понятию рубашки, и тем, что *реально есть*, представляет собой отношение *долженствования*, которое побуждает меня предпринять практические действия с целью приведения реальности в соответствие с её понятием. Другой вариант. Если в ходе своих размышлений я прихожу к выводу, что данную рубашку надо переделать под короткий рукав, то тем самым я привношу изменения в её понятие. Поскольку понятие теперь изменено по сравнению с реальностью, то возникает новое *долженствование* между тем, что я *хочу*, и тем, что *реально есть*. Для своего решения данное *долженствование* требует от меня осуществления соответствующих практических действий: укоротить рукав, подшить его.

В своём собственном развитии отношение *долженствования* проходит две ступени. На первой ступени оно выступает как противоположность того, что только *должно быть* согласно субъективному рассуждению человека, и того, что реально существует на деле. На второй ступени *долженствование* выступает уже в форме полагания внутренней противоположности в нём самом. Это происходит, во-первых, потому, что в своей теоретической деятельности человек порождает не одно-единственное *долженствование*, а несколько: "одно надо сделать так", "другое надо переделать эдак", "третье требуется перестроить вообще под корень", "четвёртое...", "пятое..." и т.д. А во-вторых, поскольку преобразование понятия какого-либо предмета происходит через мыслительное изменение соотношения его определений (единичного, особенного, всеобщего), человек может составить несколько вариантов (планов, проектов) таких изменений. Появление различных вариантов преобразования также порождает ситуацию их противоположности: почему, например, следует реализовать данный план перестройки дома, а не другой.

Последовательность определений понятия *воли* развивается в направлении снятия этой двойной противоположности долженствования:

Начало проявления воли – *практическое чувство*.

Вторая ступень – формирование различных *влечений* и появление возможности выбора между ними – *произвол*.

На третьей ступени стремление человека к реализации всех своих влечений приводит его к определению *счастья*.

1. Практическое чувство

§ 471. Началом проявления воли является *практическое чувство*. Любой теоретический вывод по поводу существующего положения дел в мире порождает в душе человека определённое практическое чувство. *Практическое чувство* – это субъективное ощущение, которое возникает у человека тогда, когда он соотносит свои субъективные представления о том, *что и как должно быть* в этом мире, *с реальным положением* дел. Например:

- чувство *вины*, которое побуждает предпринять какие-то действия с тем, чтобы искупить её;
- чувство *творящейся несправедливости*, которое вызывает стремление исправить это положение;
- чувство *страха*, которое побуждает принять меры к защите;
- чувство *проигравшего* человека, которое содержит в себе желание отыграться;
- чувство *долга*, которое побуждает нас идти на работу;
- чувство *ответственности* за своих детей, за свою собственность и т.д.

Все эти чувства возникают у нас вследствие никогда не прекращающейся в нашем сознании процедуры сопоставления того, что реально есть, с тем, что должно быть согласно нашим размышлениям.

Практическое чувство является своего рода предтечей нашей практической деятельности. Само по себе оно представляет собой только внутреннее идеальное ощущение субъекта, которое, однако, распространяется на всю плоть

человека и изнутри побуждает его к действию. Под его влиянием в мышцах нашего тела появляется энергия действия, а ход наших мыслей приобретает соответствующую направленность.

Практическое чувство не следует смешивать с физиологическими потребностями человека, такими как голод, жажда, усталость. У человека процесс удовлетворения его животных потребностей осуществляется под контролем его сознания. Прежде чем предпринять действия, направленные на их удовлетворение, мы говорим себе: "пора бы поесть", "надо бы выспаться", а удовлетворив их, докладываем: "я наелся", "я отдохнул". Физиологические потребности проявляют себя в человеке не в форме неконтролируемых вожделений, а в форме отслеживаемых его сознанием сменяющихся состояний организма. Соответственно, в качестве практического чувства они заявляют о себе в форме *удовлетворённости* человека своим физическим состоянием, либо, наоборот, его *неудовлетворённости* им. Однако в большей своей массе наши практические чувства имеют нравственное содержание: долг, ответственность, порядочность, грех, страх, стыд и т.д.

Неправильно также противопоставлять практическое чувство человека его сознанию, усматривая их различие в том, что практическое чувство якобы ещё лишено мысли, тогда как сознательная деятельность осуществляется только с её участием. Вся жизнь человека во всех её проявлениях протекает только при участии его мышления. И практическое чувство, и влечения, и сама практическая деятельность равным образом пронизаны мышлением. Только благодаря присутствию мысли практическое чувство обретает различную определённость: долг, стыд и т.д.

Другое дело, что практические чувства, как уже было сказано, являются сугубо субъективными по своему происхождению, а значит, их содержание в отдельных случаях может иметь случайный и непредсказуемый характер. Такие практические чувства, которые, например, вызывают проявления садизма, пьянства, перевозданного цинизма и т.п., выходят за рамки существующих норм общественной жизни и вступают с ними в конфликт. С этой точки зрения практические чувства делятся на *разумные* и *неразумные*. Но последнее вовсе не означает, что они лишены мысли.

§ 472. Поскольку практическое чувство возникает на основе соотношения определённых мыслей человека о том, что и как должно быть в этом мире, с

тем, что реально есть, постольку в нём отражаются результаты их соразмерности. Этот результат придаёт практическому чувству такие определения, как *приятное* либо *неприятное*. Например, мысль о том, что надо вставать с дивана и идти мыть посуду, вызывает неприятное чувство. А мысль о том, что тебе ожидает интересное дело, наоборот, приятна. Воспоминание о своём безобразном поведении накануне вызывает тяжёлое чувство стыда. А мысль о том, что в сложной ситуации, где всё оборачивалось против, тебе всё же удалось и дело сделать, и честь не уронить, – приятна.

Приятное и *неприятное* – это единственные определения практического чувства. Никаких других определений у него нет, поскольку никакого собственного имманентного содержания оно не имеет. Содержание приходит к нему извне, от существующих нравственных норм, благодаря чему мы знаем чувство радости и горя, гордости и стыда, чести и бесчестья, благополучия и несчастья и т.д.

Знаменитый вопрос о *первоисточнике* зла в мире возникает именно на этой ступени развития понятия воли. *Зло* есть не что иное, как *чувство несоответствия* содержания наших *субъективных представлений* тому положению дел, которое существует в реальном мире. Такое несоответствие и вызывает у человека неприятное ощущение творящегося в мире зла.

Причиной появления у человека чувства творящегося в мире зла является полагаемое им самим отношение долженствования, которое исходит только из его субъективности. А это значит, что оно может иметь какое угодно содержание, в том числе случайное и совершенно неразумное. Соответственно, такое долженствование никогда не сможет прийти к своему воплощению в реальность.

Например, если человек в ходе своих рассуждений приходит к выводу, что Луна должна быть не на небе, а висеть на стене его дома, то в силу неосуществимости такого долженствования данный человек будет постоянно испытывать ощущение творящейся по отношению к нему несправедливости, которое он расценивает как зло. Кто должен отвечать за это зло? Эти персоналии будут определены им в пределах изошрённости его ума. Такие долженствования сами по себе уже являются злом.

Нередко такие неумные долженствования становятся главной причиной несложившейся семейной жизни, поскольку супруги хотят друг от друга того, чего в них нет и не будет. Но коль скоро это долженствование было ими

положено (ещё в далёкой юности), то они начинают страдать от него, испытывая неприятное чувство несправедливости к ним со стороны судьбы, для устранения которого затевают развод.

Мир развивается согласно своему понятию. И если оказывается, что действительность никак не хочет принимать наши идеалы, то это означает только, что плохи эти идеалы, а не действительность. Идеалы могут быть либо преждевременными, либо завышенными по существу, а жизнь такова, какова она есть. И в этом "есть" всё её могущество по отношению к нашему долженствованию.

2. Влечение и произвол

§ 473. Практическое чувство переходит в *стремление* человека привести окружающий мир в соответствие с его собственным пониманием того, как он должен быть устроен. При этом стремления вступают в диалог со *склонностями* человека, которые складываются из его природных задатков, образования и имеющегося у него жизненного опыта. Стремлений может возникнуть много, но не все они будут соответствовать склонностям человека, которые также обладают внутренней тенденцией не оставаться в скрытом состоянии, а быть реализованными. Поэтому стремления и склонности человека требуют нахождения компромисса.

§ 474. Единство стремлений и склонностей человека принимает форму *влечения*. *Влечение* снимает импульсивность и разномастность стремлений и делает своим содержанием те из них, которые согласуются со склонностями человека. Например, большинство читателей наверняка знают, какие чувства испытывает болельщик проигрывающей команды. Эти чувства вызывают в нём стремление самому выбежать на поле и принять участие в игре. Но, понимая, что игрок из него никудышный, что ни таланта, ни опыта у него в этом деле нет, он оставляет это стремление в покое. Другое дело – мальчик, который так же переживает за игру любимой команды и тоже всей душой хочет быть на поле. При наличии соответствующих задатков это стремление может перерасти у него в устойчивое влечение и стать делом всей жизни. (Влечения также следует отличать от вожделений.)

Каждый человек самостоятельно определяет свои влечения исходя из самого себя, из своего внутреннего мира. Причём влечений у него также может быть много, и они могут значительно отличаться друг от друга. Но поскольку все они принадлежат ему, то, соответственно, все они находятся в его власти. Например, Д.И. Менделеев не только занимался академической наукой, но и находил время на то, чтобы клеить чемоданы, изобретать новые сорта водки.

§ 475. Влечения реализуются посредством практической деятельности. Однако сама деятельность имеет в своей определённости (профессия, род занятий) присущее ей имманентное содержание. Такая развивающаяся суть дела, которому человек служит, вызывает его *интерес*. Тем самым по ходу осуществляемой нами практической деятельности наши влечения перерастают в устойчивый интерес. Ничто не делается нами помимо нашего интереса.

Дело, которому человек полностью отдаёт себя, составляет его *страсть*. *Страсть*, в отличие от влечений, не бывает ни доброй, ни злой. Она означает лишь то, что человек весь свой интерес, весь свой талант и характер вкладывает в то дело, которому служит. Без страсти никогда не создавалось ничего великого и достойного.

§ 476. Имея много влечений, человек различает их в самом себе и устанавливает особенность каждого из них. Он определяет ценность того или иного влечения для себя самого, для своей семьи, для общества... В этом значении он выступает как *рефлектирующий* в содержание своей воли. Данная степень развития воли человека – степень *рефлексии* в её содержание – аналогична ступени *самосозерцающего* свои представления интеллекта. Интеллект созерцает порождённые им самим образы, тогда как воля созерцает порождённые ею самой влечения.

§ 477. Рефлектируя в содержание своей воли, самосознание человека оказывается в ситуации выбора. Влечений много, а жизнь одна. Какому из них отдать предпочтение? Все они являются его собственностью, все они дороги для него, но необходимо делать выбор. Дойдя до этого пункта своего развития, воля человека становится *произволом*.

Являясь хозяином всего содержания своей воли, человек может не заботиться об обосновании своего выбора со стороны внешних обстоятельств жизни. Он может отдать предпочтение любому своему влечению исходя только из самого

себя. У *произвола* есть лишь одно обоснование: "Это – мои влечения, и я выберу то, которое захочу". Почему именно это влечение? Этот вопрос имеет на данной ступени только один ответ: "Я так хочу!". *Про-из-вол* – это ещё не свобода воли, но это уже предваряющая её ступень.

Под *произволом* обычно понимают возможность человека делать (*волить*) всё что угодно. При этом считается, что масштабы этой возможности могут быть ограничены только с внешней стороны: условиями окружающей среды, а также действующими в обществе законами. Но возможности произвола ограничены не только извне, но и изнутри, со стороны содержания воли самого человека. Воля сама по себе, без наполняющих её влечений, пуста и бездеятельна. Субъект суждения пуст без предиката, а таким предикатом по отношению к воле человека является не абстрактная вседозволенность действий, а круг тех влечений, которые её наполняют. (Отсюда глаголы: *благоволить*, *соизволить*, *дозволить*).

§ 478. Осознавая содержание своей воли – весь круг своих влечений – человек видит свою задачу в том, чтобы реализовать каждое из них. Такое предположение возможности полного удовлетворения всех своих влечений даёт нам определение *счастья*.

3. Счастье

§ 479. Счастье – это *цель целей* человека. Все наши влечения дороги нам, и мы хотели бы реализовать каждое из них. Но чем богаче и содержательнее наши влечения, тем больше времени и сил они требуют для своей реализации. – Не случайно говорят, что для счастья *нужны силы*. – Однако мера человеческой жизни не беспредельна. В сутках 24 часа, в году 365 дней, а средняя продолжительность жизни человека составляет всего-то около 30 тысяч дней. Поэтому из всей палитры своих влечений человеку приходится выбирать лишь те, которые наиболее близки его задаткам и наиболее значимы для него в плане их творческой отдачи. А это значит, что ради реализации одних своих влечений человеку приходится на время отодвигать в сторону другие и совсем забывать про третьи. Чтобы, например, достичь высот в фигурном катании, спортсменам приходится во многом отказывать себе.

Оказывается, что счастье, понимаемое как *цель целей* человека, недостижимо. По ходу своей жизни мы скорее упраздняем это понимание, чем утверждаем его. И всё равно мы никогда не приходим к согласию с собой. Жизнь постоянно меняется, реализуются одни влечения, но появляются другие. Поэтому не зря ещё в древности было сказано мудрецом Солоном: "Назвать счастливым человека ещё живущего – всё равно что объявить победителем человека, ещё продолжающего сражаться".

В результате первоначально предполагаемая полнота реализации всех влечений уступает место лишь некоторым из них, но зато таким, которые наиболее дороги нам и которые реально осуществимы. Тем самым суть понятия *счастья* становится близкой этимологическому смыслу этого слова *с-частью*. Счастливый человек – это тот, кто живёт *с-частью* тех своих влечений, которые он смог реализовать, и которые, следовательно, оказались востребованными также и со стороны общества.

Что же касается тех влечений, с надеждой на реализацию которых нам приходится расставаться, то поначалу эта потеря вызывает у нас чувство горечи. Однако, оглядываясь назад, мы начинаем понимать, что хотя и не осуществилось многое из того, что хотелось бы, но именно благодаря этому нам удалось сделать то, что мы сделали. Те же фигуристы признаются, что, несмотря на все ограничения, именно годы выступлений на ледовой арене были счастливейшим периодом их жизни.

Бесконечное противоречие между ностальгией по прошлому и эйфорией надежд, связанных с будущим, снимается за счёт появления у нас положительного отношения к настоящему, к которому мы приходим согласно формуле: "Мало *быть* счастливым, надо ещё знать об этом".

§ 480. Истинным победителем в этой внутренней борьбе человека с самим собой за своё счастье становится осознание того, что сама возможность выбора своих влечений – это и есть подлинное *счастье*. Действительное, а не воображаемое счастье заключено в *свободе* выбора своих влечений, в возможности самостоятельного определения своего жизненного пути.

Свобода – это уже не *произвол*. Произвол исходит только из субъективного содержания воли человека и не заботится об обосновании своего выбора, тогда как свобода имеет своим необходимым условием разумное обоснование выбора как со стороны субъективной природы человека (его склонностей и

образования), так и со стороны объективных обстоятельств его жизни (потребностей общества). Произвол становится свободой только через соединение влечений человека с потребностями того общества, в котором он живёт.

Таково понятие *воли*. Первая её ступень – *практическое чувство* – возникает на основании теоретических размышлений человека о положении дел в мире. Оно порождает стремление, которое в единстве с задатками человека становится его *влечением*. Многообразие влечений порождает возможность выбора между ними. Эта возможность, в свою очередь, проявляется как субъективная *свобода* человека – *произвол*, который становится подлинной *свободой* только через полагание единства влечений *человека* и потребностей *общества*.

Свобода

Что есть свобода? В истории человечества никакое другое понятие не отличалось такой неопределенностью смысла, как *свобода*. И вместе с тем именно под знамёнами свободы люди творили свою историю: воевали и мирились, строили и разрушали, клялись и предавали, страдали и шли на смерть. Так что же означает слово свобода? Нас здесь интересуют не какие-то частные случаи её проявления (свобода *от чего-то* или *для чего-то*), а её общее понятие, рассматриваемое в чистом виде.

§ 481. Дух человека – это единство его души и сознания, проявляющееся в форме *интеллекта* и *воли*. В качестве интеллекта дух человека познаёт мир, в качестве воли он преобразует его. В основе обеих форм деятельности – и интеллекта, и воли – лежит *мышление*, которое *в себе всегда свободно*. В какую бы смирительную рубашку ни одели человека, в какие бы кандалы его ни заковали, в своём мышлении он всегда свободен.

Поскольку вся сознательная деятельность человека – и теоретическая, и практическая – основана на мышлении, которое в себе всегда свободно, постольку и сам человек должен быть свободным. Понятие *человека* неотделимо от понятия *свободы*. Иначе говоря, являясь мыслящим существом, человек предназначен быть *свободным*.

Такова собственная суть понятия свободы как таковой.

§ 482. Животные не способны мыслить, поэтому в дикой природе свободы не существует. Там царствует жестокая необходимость. Каждая особь получает свою видовую определённость от рождения и остаётся подчинённой ей всю жизнь. Только человек свободен. Но и ему, чтобы стать таковым, пришлось пройти длительный путь развития. Свобода основана на свободном мышлении. Поэтому сначала человеку потребовалось овладеть таким мышлением. Большую часть этого пути между людьми существовали отношения господства и рабства, где свобода индивида была ещё сильно ограничена. Однако благодаря именно таким неравным отношениям формировались субъективные и объективные предпосылки для перехода человечества к подлинной свободе. К

настоящему времени подавляющая часть народов уже находится на ступени всеобщего свободного равного самосознания, а значит – на ступени свободы.

Да, мы знаем, что и сегодня в некоторых странах ещё продолжают существовать отношения господства и рабства. Но мы говорим здесь не о реальном человеке, а о его понятии, о том, какова его суть согласно его понятию. Тот факт, что в ряде стран сохраняются отношения несвободы, говорит лишь о том, что реальная жизнь людей ещё не везде пришла в соответствие со своим понятием.

Послесловие

Таково учение Гегеля о человеке. Мы не случайно назвали его "классическим", поскольку в нём, с одной стороны, в последовательном порядке раскрываются все особенные формы человеческого духа – душа, сознание, самосознание, разум, интеллект, воля, свобода, а с другой – даётся понятие человека в целом. Аналогов такому комплексному рассмотрению феномена человека не было ни до Гегеля, не после него.

Если говорить о научном значении отдельных частей его учения, то следует признать, что и они содержат в себе большой эвристический потенциал. Например, Гегель даёт рациональное объяснение человеческой души. Говоря другими словами, он показывает, что такое душа с научной точки зрения. Особую роль имеет его учение о сознании, в котором он убедительно доказывает, что самосознание людей прошло длительный путь исторического развития. Причём закономерности его развития предопределяли такие явления в истории человечества, как разделение людей на господ и рабов, появление монотеистических религий, социальные революции Нового и Новейшего времени и другие. Гегелевская концепция самосознания, как никакая другая, нуждается в глубоком и всестороннем осмыслении учёными-историками, обществоведами, политологами, футурологами и многими другими.

Современное состояние человечества, когда интенсивно формируется новое информационное общество и ведутся работы по созданию искусственного интеллекта, настоятельно требует выработки понимания того, что представляет собой естественный человеческий разум. В целях решения этой задачи

необходимо задействовать весь потенциал разработанного Гегелем учения о духе человека. И никого не должно смущать, что со времени появления этого учения прошло уже два столетия. В этом смысле на него надо смотреть как на науку *отложенного спроса*. Создавать её следовало тогда, в начале XIX века, а реальная потребность в ней появляется только теперь, в начале XXI века.

На фоне традиционной трудности проникновения в суть произведений Гегеля в философских кругах неведомо когда появилась фраза: "В Гегеля трудно войти, но ещё труднее из него выйти". Фраза весьма примечательна, поскольку за её иронией чувствуется присутствие здравого инстинкта человеческого ума, интуитивное ощущение им того, что ему рано или поздно всё равно придётся войти в научную систему Гегеля и уже остаться там навеки. Созданная им наука – это стихия самого разума; войдя в неё, назад бежать уже не имеет смысла. Это для рассудка она представляет собой недоступные хоромы, а для разума она – дом родной. В грамматику языка войти не менее трудно. Школьники изучают её на протяжении нескольких лет. Но никому и в голову не приходит потом уходить из неё. То же самое относится и к научной системе Гегеля в целом. Дело лишь за тем, чтобы облегчить людям труд освоения её содержания.

Разработанная Гегелем в "Энциклопедии философских наук" всеобщая система понятий (дерево понятий) не имеет срока давности и не подвержена устареванию, как не подвержены ему алфавит, падежи, таблица умножения и т.п. Пора бы, наконец, снять и накопившуюся за многие годы бездну предубеждений в отношении её автора, тем более что другого выхода у человечества просто не существует. Тот свой возраст, интеллектуальная атмосфера которого могла породить творческий гений Гегеля с его абсолютным слухом на понятия, оно (человечество) уже миновало. И главным для нас сегодня является то, что он *тогда* это сделал. Плохо ли, хорошо ли, но сделал! Он выполнил эту работу полностью, насколько позволяло его время. И неважно, что за последующие два столетия его учение не единожды было обругано и осмеяно. С подлинно великими творениями духа такое случалось не раз: прежде чем получить признание, истина должна пройти через испытания. Но теперь надо возвращаться к нему, время требует. Как это сделать? – Здесь стоит прислушаться к совету Гёте: "Против великих нет другого средства, кроме любви".

Авторы стихов

- Стр. 41 – Михаил Лермонтов
Стр. 45 – Фёдор Тютчев
Стр. 47 – Александр Пушкин
Стр. 56 – Николай Добронравов
Стр. 58 – Александр Пушкин
Стр. 64 – Фёдор Тютчев
Стр. 66 – Сергей Есенин
Стр. 74 – Алексей Богачёв
Стр. 101 – Андрей Макаревич
Стр. 111 – Андрей Макаревич
Стр. 139 – Русская народная песня
Стр. 139 – Эжен Потье
Стр. 141 – Владимир Маяковский
Стр. 144 – Русская народная песня
Стр. 147 – Роберт Рождественский
Стр. 153 – Леонид Филатов
Стр. 159 – Максим Леонидов
Стр. 163 – Андрей Вознесенский
Стр. 171 – Владимир Маяковский